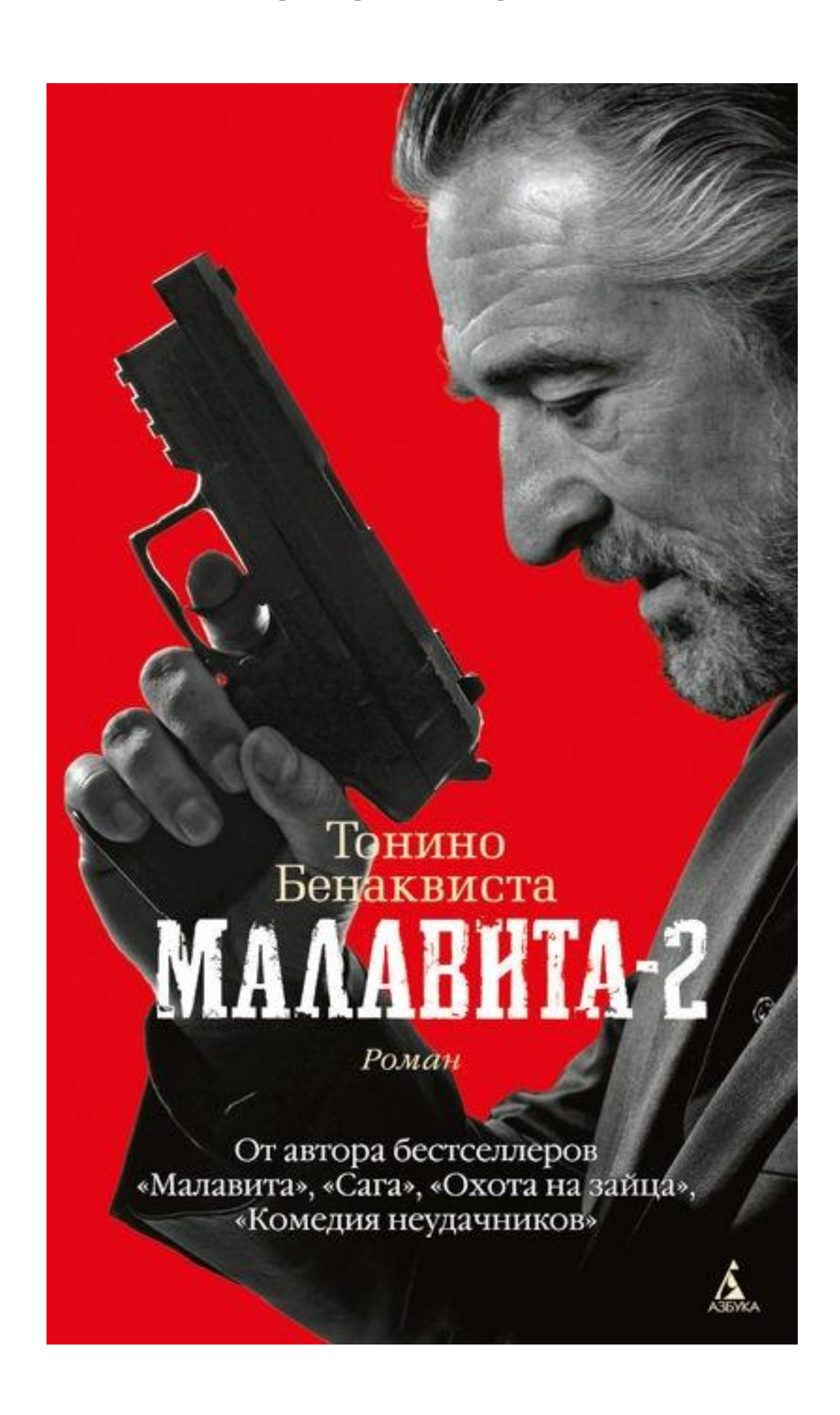
Бенаквиста Тонино

Малавита - 2

С мыслями о Клер и о Флоранс.
А также о Вестлейке, доне всех донов

1

Американский писатель Фредерик Уэйн никогда не был большим специалистом по несчастью. Самому ему пришлось повстречаться с ним лишь однажды, но это было в другой жизни.

В то утро у стойки бистро он подслушал разговор двух дам, зашедших выпить кофе со сливками по дороге с рынка. Одна из них жаловалась на мужа, который стал «похаживать на сторону». У нее были доказательства, и она очень переживала по этому поводу. Фред, всегда с интересом относившийся к новым оборотам речи, попытался перевести это «похаживать на сторону» на английский. Не найдя точного эквивалента, он стал вертеть слова и так, и этак, менять их местами, потом сосредоточился на этом «на сторону», в котором чувствовалось нечто темное и неприятное… С момента своего открытия дама стала замечать, будто муж снова пытается с ней сблизиться, это был трудно объяснимый, но вполне реальный факт: он снова стал к ней внимателен; к тому же он по-прежнему оставался тем, в кого она была без памяти влюблена семнадцать лет назад. Все эти обстоятельства раздирали ей душу. «Не было бы счастья, да несчастье помогло», — подвела итог ее рассказу приятельница, чтобы соответствовать своей роли доверенного лица.

Наслаждаясь мягкостью этого январского дня, Фред поднялся обратно к деревушке Мазенк, где на склоне холма над садами и лавандовыми полями прованского Дрома[1] возвышалась его вилла. Он выложил покупки на кухонный стол и, чтобы не забыть, сразу записал в настенном блокноте: «Не было бы счастья, да несчастье помогло = *A blessing in disguise?*»

Расстроившись, что не нашел ничего лучше, он взялся за саму пословицу и попытался опровергнуть эту народную мудрость. Какое счастье может вытекать из несчастья, не считая приобретенного опыта, конечно? Порадоваться, что ли, за эту женщину переживающую рецидив семейного счастья, или, наоборот, пожалеть, что ее муж оказался настолько глупым, дав себя застукать? Или, что еще хуже, приполз к ней, поджав хвост, и во всем признался? Тут снова проявилось глубокое презрение Фреда к любому раскаянию. Если он и обманывал Магги, свою жену, то всегда старался соблюсти приличия, чтобы сохранить это в тайне и избавить ее от страданий. Даже когда однажды она получила доказательство его измены, ему удалось сочинить историю не менее экстравагантную, чем его романы, в которую она поверила.

Что же до его романов, это были скорее чуть видоизмененные мемуары. Еще раньше, до того как Фред вступил в схватку с белым листом бумаги, он слышал, что американские писатели до начала своей литературной карьеры успевали просто пожить; обычно они не происходили из образованных семей и прежде набирались жизненного опыта, а уж потом приступали к грандиозным литературным фрескам, в которых их собственная жизнь переплеталась с жизнью страны. Охотники, частные детективы, гонщики, боксеры, военные репортеры — в один прекрасный день все они решали, что пройденный ими путь заслуживает всеобщего внимания. Так что Фредерик Уэйн полностью вписывался в этот процесс, который узаконивал его в качестве писателя. Ибо Фред не всегда носил имя Фредерика Уэйна. Пятьдесят лет назад в штате Нью-Джерси он впервые увидел свет под именем Джованни Манцони, сына Чезаре Манцони и Амелии Фьоре, которые, в свою очередь, были детьми сицилийских иммигрантов. Все они весьма преуспели в лоне семейной традиции, покрывшей позором золотой век Соединенных Штатов Америки. Джованни Манцони был прямым и законным наследником «Коза ностры», называемой также «Онората сочьета» или «Малавита», — империи, более распространенное имя которой вызывало неприязнь даже у людей, имевших к ней непосредственное отношение: мафия.

С тех пор само понятие несчастья связывалось в голове юного Манцони главным образом с несчастьем других. Чужое, оно годилось только для одного: приносить выгоду Еще мальчишкой он прошел все этапы классического пути *wiseguy* — «солдата мафии». В

одиннадцать лет он организовал свою первую банду, в двенадцать — заработал свои первые доллары, в четырнадцать — впервые попал за решетку, а по достижении совершеннолетия отсидел свой первый срок — эти три месяца до сих пор оставались для него самым прекрасным воспоминанием, не имеющим ничего общего с несчастьем. Изрядно поднаторев в рэкете, устранении свидетелей, запугивании конкурентов, ростовщичестве, сутенерстве и вооруженных налетах, он был объявлен *капо* — главой клана.

При его способностях Джованни должен был бы стать абсолютным властителем мафиозной империи, *капо ди тутти капи* — «боссом боссов», если бы прискорбный случай не заставил его в корне пересмотреть всю свою жизнь. В результате войны между двумя преступными группировками Нью-Джерси ФБР поставило его перед выбором: предать собратьев по оружию или провести остаток жизни за решеткой.

Уитсек — федеральная программа по защите свидетелей — гарантировала ему новую жизнь под новым именем и на новом месте. Жена с чувством огромного облегчения увидела в этом единственный шанс обеспечить детям — девятилетней девочке по имени Бэль и шестилетнему сыну Уоррену — благопристойное детство и будущее вне организованной преступности. Давая показания, Манцони заложил трех крестных отцов ЛКН[2] и пять-шесть их непосредственных подручных и телохранителей. Чтобы сократить свои сроки, некоторые из них сдали других членов братства, и эта цепная реакция привела к аресту в общей сложности пятидесяти одного человека.

Чтобы избежать мести мафиозных семей, объявивших за его голову цену в двадцать миллионов долларов, Джованни, пользуясь высокой защитой ФБР, несколько раз переезжал с места на место в Соединенных Штатах, а затем был переселен во Францию, где за последние десять лет его окончательно позабыли. Сегодня приставленный к нему штат наружной слежки исчислялся одним агентом, который наблюдал за ним самим и контролировал его связи. Таким образом, Манцони стал одним из самых знаменитых раскаявшихся преступников в мире, наряду с Генри Хиллом, находившимся под защитой ФБР с 1978 года, и с ужасным Толстяком Уилли.

Сильный своим прошлым, он продолжал теперь традиции американских искателей приключений, которые, достигнув зрелости, считали себя обязанными поведать о своих подвигах миру. Вечерами, пребывая в глубоком умиротворении, он позволял себе думать, что судьба привела ему родиться в семье гангстеров единственно для того, чтобы позже он стал писателем. В таком случае — в его случае — он вполне мог поставить свою подпись под этой народной мудростью: *не было бы счастья да несчастье помогло.* Не имея возможности публиковаться под именем Фреда Уэйна и тем более Джованни Манцони, он выпустил «Кровь и доллары» и, позже, «Империю тьмы» под псевдонимом Ласло Прайор.

Сразу после обеда он уселся за письменный стол и начал новую главу своего следующего опуса с анекдота про одного из своих духовных учителей, Альфонсо Капоне. Он считал необходимым время от времени возвращаться к учению древних.

> *Капоне всегда носил в кармане горсть сырых макарон. Когда переговоры заходили в тупик, он ломал их между пальцев, и этот хруст должен был ассоциироваться у его собеседника с хрустом его позвонков в случае, если он не подчинится требованиям.*

* * *

Распростившись с жизнью жены гангстера и желая искупить свою вину перед Богом, Магги приняла на себя заботы об обездоленных. Она перепробовала всё: благотворительные фонды, районные ассоциации, комитеты помощи, и чуть не записалась в какую-то неправительственную организацию, боровшуюся с голодом во всем мире. Магги довела свое самопожертвование до религиозного экстаза и уже представляла себе день, когда ей

простится, что она была Ливией Манцони, первой леди организованной преступности. Другие общественники, почитавшие ее святой, считали, что с таким рвением ее надолго не хватит. Сама же Магги должна была признать: протягивая руку помощи обездоленным, она больше просила, нежели давала.

По жестокой иронии судьбы, ее мужу удалось создать себе будущее, основанное на ужасе прошлого. Каждое утро он исчезал в пустой комнате, которую называл своим *кабинетом,* и работал там над тем, что называл *романом.* Она презирала это писательство мужа, находя его еще более жалким, чем мафиозная деятельность. Однако, не признаваясь себе в этом, она завидовала его вере в новое призвание, завидовала тому, как он ухитряется жить новой жизнью, — это он-то, никогда не отличавшийся особой смекалкой.

Магги считала, что каждый на земле наделен талантом и талант этот следует употребить на благо как можно большего числа людей. У некоторых он проявлялся сам собой, наиболее смелые жили им, но для многих самым трудным было открыть его в себе самом. Что такое талант? Страсть, постоянно присутствующая в жизни, но ни разу не реализованная? Старая, позабытая мечта? Некий огромный дар, дожидающийся зрелости, чтобы наконец проявиться? Хобби, которое совершенно напрасно не принимается всерьез? Способности, пользу от которых видят лишь самые близкие?

Магги не ощущала в себе художника и считала себя скорее простой труженицей, терпением и трудом достигающей определенного совершенства. Забросив свою благотворительность, она стала искать подвига в повседневной жизни, в досуге и даже в домашнем хозяйстве. Так продолжалось до этого воскресного обеда, когда на нее снизошло озарение.

Желая отблагодарить соседей за небольшую услугу, Магги не пожалела сил. Настало время основного блюда, и ее маленькая семья не смогла отказать себе в удовольствии объявить о нем особо. Фред сказал, что, женившись на Магги из-за ее красоты, он остался с ней только из-за ее *меланцане алла пармиджана.*[3] Бэль предупредила: «Вот увидите, это что-то!» А Уоррен, для которого на свете не было ничего тоскливее таких посиделок, в момент подачи баклажанов все же явился к столу. Вынужденные таким образом заранее признать блюдо божественным, гости тем не менее и сами были покорены этим вихрем неведомых вкусов, созданным сплошными контрастами и соединявшим фруктовые, пикантные и мягкие оттенки в тонкую алхимию.

— Магги, я не только никогда не пробовал ничего подобного, — сказал сосед, — но и вряд ли когда-либо еще попробую.

— Этьен, не говорите так в присутствии вашей супруги.

— А я полностью с ним согласна, — добавила его жена. — Мой отец был поваром у Лепажа, в Лионе. И мне сейчас очень хочется, чтобы он еще был с нами и мог бы попробовать ваших баклажанов.

Магги знала, сколько страстей разгоралось в разное время из-за ее *меланцане алла пармиджана,* сколько мафиози готовы были плюнуть в спагетти собственной матушки ради одной порции ее баклажанов. Сам Беччегато, ресторатор кланов Манцони, Пользинелли и Галлоне, попробовав баклажаны Магги, вычеркнул *пармиджана* из своего меню. Он бы расшибся в лепешку, лишь бы узнать ее секрет, но никакого секрета не было, все ингредиенты были известны, рецепт тоже; и лишь рука мастерицы могла сотворить из них этот восхитительный хаос вкусов. Вообще-то, Магги готовила ничуть не лучше других хозяек, она не пользовалась кулинарными книгами, редко импровизировала и не слишком владела искусством употреблять в дело всякие остатки. Она предпочитала освоить как следует два-три блюда, которые пользовались неизменным успехом у ее домашних, и таким образом за несколько лет достигла исключительного мастерства.

Зачем ломиться в открытую дверь, желать большего, чем имеешь? Участь святой ей явно не уготована, да и престарелой благотворительницей она себя в будущем не видела, так почему бы ей не применить свой единственный талант, почему не поделиться им с другими? Решится ли она, перешагнув пятидесятилетний рубеж, понизить планку, отречься от своего стремления к благим делам, унять свою неуемную энергию, способную двигать горы, позабыть о своем желании потрясти Господа Бога, чтобы привлечь на себя Его милость?

* * *

Волшебных сказок не бывает — это должны знать даже феи. Сколько раз родители Бэль повторяли ей эти слова. Тем самым они хотели сказать, что, несмотря на сказочную фигурку и ангельское личико, жизнь не будет ее щадить больше, чем других, — возможно, даже меньше.

Бэль[4] — Красавица. Она всегда была такой. Еще дома, в Ньюарке, до их вынужденного бегства, все соседи и друзья отмечали, что дочка Манцони своей грацией и красотой походит на Мадонну даже больше, чем их собственные дочери. «Снимайте ее в рекламе! Пусть участвует в конкурсе на Мини-мисс!»

Бэль не успела пройти через такие испытания: детство принцессы разрушили свидетельские показания отца в ходе «Процесса пяти семей». Манцони были помещены в карантин, обречены на тайное существование и вечные скитания. Чтобы вновь явиться миру во всей красе, Бэль пришлось дожидаться переезда во Францию. К счастью, ей удалось сохранить в неприкосновенности свою свежесть и непосредственность, она по-прежнему интересовалась другими и не осуждала отца за тот крестный путь, который всем им пришлось пройти по его милости.

Теперь она уже покинула программу Уитсек, обрела независимость и зажила как обыкновенная молодая женщина. Но хотела она того или нет, Бэль не была как все. Она жила в Париже, в маленькой меблированной квартирке на улице Асса, которую собиралась покинуть, лишь закончив свою учебу на психолога. «Почему психолог?» — спросила ее как-то мать и получила на свой вопрос соответствующий ответ: «Учитывая многообразие стрессов и нервных потрясений, пережитых мной с самого детства, я решила, что теоретические знания укрепят уже имеющуюся у меня практическую базу». Бэль не принимала от родителей никакой помощи и первое время не желала зарабатывать ни копейки своей внешностью. Однако, попробовав себя в нескольких местах в качестве мало оплачиваемой официантки и устав от вечных домогательств со стороны клиентов, несколько пересмотрела свои высокие принципы. Она работала распорядительницей на каком-то медицинском конгрессе, когда коллега сказала ей, что, позируя для рекламы, Бэль за один сеанс получит столько, сколько за весь период работы на каком-нибудь автосалоне.

ФБР не увидело ничего страшного в том, что Бэль станет моделью, но так, чтобы ее лицо никогда не появлялось ни в одной рекламе. В агентстве ей сказали, что согласны взять ее для демонстрации отдельных частей тела — рук, ног, груди, — если, конечно, у нее необыкновенные руки, ноги и грудь. Очень скоро хозяйка агентства убедилась в том, что Бэль может играть во всех категориях.

Сначала в ходе рекламной кампании одного банка на щитах размером три на четыре метра появились ее поднятые вверх руки. Потом — спина в черно-белом варианте в рекламе нижнего белья. В одном художественном фильме ее ноги снимали вместо ног главной героини. Несмотря на массу предложений, Бэль работала ровно столько, сколько требовалось, чтобы оплачивать жилье, какие-то повседневные расходы и иметь возможность

учиться. И каждый из фотографов, с которыми она сотрудничала, недоумевал, почему она — единственная из моделей — никогда не показывает такое красивое лицо.

Словно в подтверждение родительского предупреждения относительно волшебных сказок, Бэль не торопилась с поисками прекрасного принца, о котором мечтают все девочки. С такими данными, как у нее, ей достаточно было моргнуть глазом, чтобы он тут же явился на белом облаке.

Так что до сих пор непонятно, как потрясающая Бэль Уэйн умудрилась влюбиться в какого-то Франсуа Ларжильера.

* * *

Бэль первой выпорхнула из родительского гнезда, после чего все Уэйны, не сознавая того и не сговариваясь между собой, мало-помалу отвернулись от несносного Фреда. Уоррен, едва достигнув совершеннолетия, тоже покинул родительский дом, чтобы поселиться на засушливом плато в Веркоре,[5] на высоте тысячи двухсот метров над уровнем моря, в маленькой деревушке на границе департаментов Дром и Изер. Там, наверху, он очищал свое сердце от тяжелой черной крови, скопившейся в нем за годы детства, чтобы войти в мужскую пору примирившимся с собой, освободившимся от злобы и насилия, невольным наследником которых он стал.

Но он недолго будет жить отшельником; скоро к нему присоединится его любимая — как только у него появится возможность принять ее, и чем раньше, тем лучше. Он повстречал ее два года назад, когда первый раз пришел в новую школу, во второй класс лицея в Монтелимаре, в пятнадцати километрах от Мазенка.

Это начало учебного года он встретил, как и все предыдущие, с вялой покорностью проклиная свой возраст, который так не соответствовал его удивительной зрелости. Не успел он положить свой рюкзак на стул, как появилась Лена, в последний раз затягиваясь сигареткой, которую тут же выбросила за окно лихим жестом заправского курильщика. Когда Уоррен почувствовал, что его что-то ужалило, было поздно: яд горячим потоком растекался уже по его телу.

Лена была первым совершенным существом, которое он встретил в своей жизни: чудесные глаза выглядывали из-под челки в стиле Луизы Брукс, которая смотрелась истинным украшением на ее совершенном личике. Не говоря уж о носе с изящной горбинкой — прекраснее не бывает — и о едва заметных тенях вокруг глаз, которые делали столь невероятным ее взгляд. В то утро она была одета как королева: большой черный свитер из крученой шерсти, продырявленные на попе джинсы и прелестный старомодный бантик на шее — само совершенство! Уоррен попытался ухватиться за разумную мысль: избыток совершенства вызывает тахикардию.

Учитель велел им заполнить учетную карточку, и Уоррен, как и всякий раз в начале учебного года, задумался над самой первой графой: фамилия. Его смятение отразилось на лице, и сосед по парте спросил со смехом: «Ты что, забыл, как тебя зовут?» Сущая правда, Уоррен опять забыл свою фамилию. И дело тут было вовсе не в памяти, а в некоем замешательстве, которое он испытывал всегда, когда ему требовалось написать где-то свою фамилию, словно душевная травма, перенесенная им в детстве, пряталась теперь в этих чужих именах, навязанных ему судьями его отца. Уоррен по рождению Манцони, но эта фамилия оказалась теперь под запретом, она несла на себе печать проклятия, обрекая тех, кто ее носил, на смерть. Приехав во Францию, они стали Блейками, потом Браунами, а после переезда в Мазенк ФБР снабдило их новыми документами на имя… на имя… как это… ну же?..

— Уэйн! — произнес он вслух. — Меня зовут Уэйн. Уоррен Уэйн.

Преодолев это первое препятствие, он тут же столкнулся со следующим, еще более затруднительным. *Профессия отца.* Он собрался было написать «писатель», но это опять была неправда, его отец — доносчик, предатель, стукач, раскаявшийся преступник, знаменитый, но безымянный, человек, чье имя могло бы войти в историю, но только не благодаря этим его дебильным книжкам, а потому, что своими показаниями он привел «Коза ностру» чуть ли не к краху. С тех пор как Уоррен пошел в школу, учителя проявляли неизменное любопытство относительно его отца-«писателя», который, несмотря на безграмотность и преступное прошлое, издавал книги.

— Скажите-ка, мадемуазель Вертушка, там, в самом конце слева, вы уберете наконец этот телефон, или я его конфискую?

От такого обращения — мадемуазель Вертушка — Лена покраснела до ушей. Уоррен же воспользовался этим, чтобы спросить соседа:

— Как ее зовут? Вертушку эту?

— Лена Деларю.

Конечно же, Лена Деларю — разве могли ее звать иначе? У нее было просто совершенное имя, а у Уоррена его не было вовсе.

Откуда она взялась такая? Почему в ее присутствии я горю огнем? Что это за вторжение в мою жизнь? Что она о себе думает? Что стоит ей войти в дверь, и я сразу позабуду мою фамилию? Сколько времени она уже живет на этом свете, эта Лена Деларю? Было у нее детство, настоящее детство? И сколько времени ей понадобится, чтобы понять, что я тоже существую?

* * *

Фред давно уже топтался на месте — ему никак не удавалось извлечь из машинки ничего удобоваримого. Он полез в холодильник, чтобы съесть кусочек рикотты,[6] купленной у итальянца, потом спустился в сад и расположился на краю запущенного бассейна. Его собака Малавита, воспользовавшись самым первым солнечным лучом, уснула тут же, предаваясь ностальгическим воспоминаниям о времени, когда в бассейне плескались люди. Это была австралийская овчарка, кряжистая и низкорослая, с короткой пепельно-серой шерстью и стоячими остроконечными ушами. Фред взял ее в питомнике, чтобы доставить радость детям. Как всякий, кто собирается взять собаку, он обратил внимание прежде всего на ту, что больше всего была похожа на него самого, и окончательно решился, прочитав описание на дверце клетки: *Австралийская овчарка отличается верностью и желанием доставить удовольствие хозяину.* В Ньюарке, когда Фред начинал продвигаться по службе, ничто так не радовало его, как одобрительное похлопывание капо по его еще щенячьей тогда голове. *Нуждается в подвижном образе жизни, но при этом — прекрасный сторож, способный одним взглядом остановить любого.* В начале своей карьеры Фред работал гораздо больше других и охранял свою территорию с жестокостью, прославившей его в трех соседних штатах. *Способно: пробегать без устали огромные расстояния, отлично переносит самый засушливый климат.* Строя свою империю, он заключал пакты с разными кланами в Майами и Калифорнии, завел дела в Канаде и Мексике, и ничто — ни обычаи, ни законы, ни границы — не смогло его остановить. *Собака держит в подчинении себе подобных* и *с подозрением относится к чужакам.* Последний довод стал решающим.

Как все дети, Бэль и Уоррен сначала страстно влюбились в щенка, но быстро остыли. Фреду пришлось взять кормление и прогулки на себя, и вскоре собака признала его своим единственным хозяином, а их забавное сходство за годы совместной жизни стало лишь заметнее.

Из тесной парижской квартиры программа Уитсек перевела их на юг Франции, потом в Эльзас и наконец поселила неподалеку от Монтелимара, в захолустной деревеньке Мазенк, пообещав оставить на какое-то время в покое. Там Малавита впервые в жизни увидела бассейн — странную яму, в которую жаркими солнечными днями люди прыгали с пронзительными криками, — весьма странные нравы в глазах маленького существа, рожденного для жизни на австралийских пустошах.

Теперь, когда дом опустел, они остались вдвоем. *Влюбленная парочка,* как говорила Магги, собираясь в понедельник на поезд, чтобы ехать заниматься своим маленьким предприятием. В этот день, радуясь не по-январски весеннему воздуху, человек и собака встретились у водоема, наполненного старой водой и подернутого опавшими листьями. После отъезда Бэль и Уоррена Фред приводил бассейн в порядок только в самый разгар лета.

В эпоху расцвета, когда Манцони обитали в своем дворце в фешенебельном районе Ньюарка, их бассейн поддерживался в рабочем состоянии круглый год. Фред освободился от этой неприятной заботы, обратившись за помощью в одну фирму, которая имела неосмотрительность прислать ему молодого студента, смуглого красавца, прекрасно справлявшегося с работой и неизменно любезного с клиентами. Однако предрассудки неискоренимы, и в глазах Джованни Манцони *pool guy*[7] всегда останется *pool guy* — носителем всех ярлыков, которые обычно навешиваются на таких парней, вожделенным объектом сексуально озабоченных дам. Правда, его жена ни разу не проявила ни малейшего интереса ни к этому *pool guy,* ни к кому бы то ни было вообще. Супружеская измена была последней опасностью, которая могла грозить Джованни, он никогда не боялся, что его жена начнет «похаживать на сторону». Кроме того, вышеупомянутый чистильщик был славный парень, которому не было ни малейшего дела до всех этих дам в бикини, — он был влюблен и собирался жениться, как только окончит учебу. Только вот незадача: он представлял собой архетип *pool guy* — этакий калифорнийский серфер, с чеканным прессом и пряничной кожей. Короче, слишком уж *pool guy,* на вкус Джованни, который в один прекрасный день схватил его за волосы, оттащил в гараж, сунул его голову в тиски и стал закручивать до тех пор, пока несчастный парень не взмолился о пощаде и не поклялся в тот же день уехать из города. А на следующий день фирма прислала пожилого господина предпенсионного возраста, который постоянно жаловался, что никогда ничему не учился и вот кончает жизнь в роли *pool guy.*

В окошке домика, в нескольких метрах от бассейна, Фред разглядел силуэт Питера Боулза, цербера из ФБР, который сопровождал его во время всех перемещений, прослушивал телефонные разговоры и первым читал его корреспонденцию. Этот человек стал его тенью и ходил за ним по пятам, словно нечистая совесть. Боулз же смотрел, как эта сволочь, этот гангстер, пыжится на краю собственного бассейна, в то время как сам он, верный слуга правопорядка, вынужден сидеть в своей каморке, коченея зимой и задыхаясь от жары летом, и думал, что все же есть в американской законности что-то глубоко прогнившее.

* * *

В отличие от мужа Магги всегда имела право свободного передвижения. Программа Уитсек поощряла ее к независимости и самостоятельному заработку; возобновление профессиональной деятельности свидетельствовало о том, что она действительно адаптировалась к новой жизни. Федеральное бюро в Вашингтоне разрешило ей арендовать помещение в Париже.

Таким образом, год назад она вложила свои скромные средства в небольшое помещение на улице Мон-Луи, в тихом квартале двадцатого округа, где когда-то располагались сомнительного вида забегаловки, обреченные на исчезновение. Место это было заброшено с тех пор, как обосновавшаяся в квартале крупная пиццерия нанесла смертельный удар

местному мелкому ресторанному бизнесу. Несмотря на конкуренцию, от которой многие приходили в уныние, Магги все же решила попытать счастья.

Своим клиентам она собиралась предложить лишь одно блюдо — свои знаменитые баклажаны по-пармски, и ничего больше — ни закусок, ни десертов, ни напитков. И, соответственно, могла посвятить его изготовлению все время и проявить всю тщательность, которых оно требовало. Это радикальное решение вынуждало ее отказаться от обслуживания в зале, чтобы сконцентрироваться исключительно на продаже «навынос» и на доставке на дом. Через Национальное агентство по занятости она наняла Рафи — безработного с трехлетним стажем, отца семейства, готового на любую работу, даже на такую, которой он не занимался никогда в жизни. За счет ненужного теперь ресторанного зальчика они расширили кухню и оборудовали уголок для жилья, что позволило Магги не тратиться на квартиру в Париже. В своей бесконечной наивности, не обладая никаким опытом в области коммерции, она создала свой «Пармезан», даже не позаботившись о предварительной рекламе в квартале. Злые языки предрекли ей неминуемое банкротство. Короче, это было самоубийство.

Свой заведомый крах Магги решила разделить с теми, кто больше всего в этом нуждался. Она взяла на работу Клару, бывшую служащую Парижской мэрии, только что вышедшую на пенсию и готовившуюся покинуть столицу, чтобы обосноваться где-нибудь на Юге, где, как говорят, старички живут просто припеваючи. Проходя мимо заведения Магги. Клара не смогла устоять перед запахом томатного соуса, напомнившим ей точно такое же угощение, которое готовила когда-то ее матушка в Абруццо, к северо-востоку от Рима. Она с радостью ухватилась за предоставленную ей Магги возможность начать новую жизнь — и это в том возрасте, когда обычно людей отправляют на свалку. Вместе они наладили связь с итальянскими поставщиками, на которых Магги особенно рассчитывала, определили количество ежедневных порций, завели приходо-расходную книгу, изучили законодательство на предмет ресторанного дела. Словно две исследовательницы, склонившиеся над своими пробирками и лабораторными горелками, они экспериментировали над продуктами, соревнуясь в изобретательности, пока не научились добиваться одинакового результата как для шести, так и для трехсот порций.

Для полного комплекта Магги нужны были еще два развозчика, и она приняла на работу Сами, бывшего рецидивиста на пути к исправлению, и Арнольда, юного студента, который из-за отсутствия четкого интереса к чему-либо был вынужден прервать учебу и провести даже несколько ночей на улице.

Каждое утро, в восемь часов, Клара осматривала доставленные на рассвете товары и оценивала их качество. Пармезан привозили из частной сыроварни в Реджио Эмилия, а моцареллу, столь же необходимую для изготовления *меланцане алла пармиджана,* — с сыроваренного завода «Казеифико Раньери», в Соре, Лациум. Очищенные томаты в банках поставлялись из Калабрии, оливковое масло — из небольшого хозяйства в Перпиньяне. Магги начинала день с того, что спускалась на склад, затем шла готовить томатный соус. Чуть позже появлялся Рафи и приветствовал своих «тетенек», как он их называл. Он привозил с рынка в Ренжи отборные баклажаны, надевал фартук и принимался колдовать на теми, что накануне уже очистил, нарезал ломтиками и разложил в шахматном порядке под прессом, чтобы за ночь из них вытекла вся жидкость. Обмакнув каждый ломтик в яйцо и обваляв в муке, Клара быстро обжаривала их на сковородке, так чтобы к одиннадцати часам операция была закончена. Затем она наполняла лотки и половину отправляла в печь — для первых заказов.

Служащие расположенных в округе предприятий, уставшие от бутербродов и готовых салатов, начинали заглядывать к Магги уже с десяти утра, чтобы успеть сделать заказ на обеденное время. К полудню все приготовленные порции уже были заказаны. Напрасно опоздавшие выражали свое неудовольствие по этому поводу: Магги и Клара никогда не

превышали заветную цифру — триста порций в обед, столько же вечером и ни одной больше. Их единственный шанс на успех заключался именно в этом постоянном стремлении к совершенству, а также в абсолютной неизменности формулы. Ничего не менять — ни количество, ни ингредиенты, ни процедуру изготовления, ни поставщиков, не стремиться ни увеличить доход, ни разнообразить продукцию, ни повышать цену, невзирая на успех. Через год Магги позабыла имена тех, кто предсказывал ей гибель. Рафи опять получил возможность содержать свою многочисленную семью, Клара копила деньги, чтобы купить когда-нибудь себе домик в департаменте Ардеш, Арнольд снова пошел учиться и оплачивал небольшую комнатку в том же квартале, а Сами вновь заслужил доверие правоохранительных органов. Глядя, с какой душой они отдаются делу, день за днем, все вместе, словно пассажиры одной лодки, Магги чувствовала, что ее старания не пропали даром. Она знала, что никогда не станет богатой, никогда не откроет вторую точку, но она уже смогла выплатить кредит, не ударив в грязь лицом перед банком, и оставила свою походную кровать, сняв небольшую квартирку в городе. Наконец-то она обрела независимость и могла не просить больше ни копейки ни у программы Уитсек, ни у мужа. Она ни перед кем не должна была отчитываться, а это была уже немалая победа. Но, пережив столько, сколько она пережила, Магги должна была бы знать: утопия длится ровно столько, сколько положено утопии.

* * *

Бэль позировала для упаковки видеоигры в черном боди, лицо же к ее фигуре было пририсовано позже с помощью компьютерной графики. Во время сеанса ей представили автора игры, Франсуа Ларжильера, веселого симпатичного парня, который во время разговора не пялился на нее и не разыгрывал из себя умника, отпуская комплименты — тонкие и не очень. И в мыслях не имея никого обольщать, он завел длинный разговор, свободный и открытый, и, даже не подозревая об этом, произвел на нее впечатление. Такое сильное, что Бэль приняла его словоохотливость за непринужденность.

На самом же деле все было по-другому: Франсуа Ларжильер более чем кто-либо был сражен. Он запретил себе мечтать о ней, потому что волшебных сказок не бывает, как и принцесс, — разве что в слащавых фильмах и низкопробных видеоиграх, в работе над которыми он всегда отказывался участвовать. Если вдруг каким-то чудом такая принцесса встречалась в реальной жизни, ее следовало тут же выбросить из головы, затолкать саму мысль о ней как можно дальше, чтобы не стать жертвой страшного разочарования. Эта позиция позволила ему остаться самим собой и сохранить чувство юмора.

Она разыскала его сама. Услышав голос девушки, которую к тому же звали Бэль — ничего себе тавтология! — Франсуа рухнул со своих небес. Удивление обернулось недоверием: она позвонила, потому что ей что-то надо от него, но что? Он согласился выпить вместе для ясности, однако она ничего у него не попросила, что заставило Франсуа во время второго свидания отнестись к ней с еще большим подозрением. В третий раз они встретились около пруда в Люксембургском саду и просидели там до закрытия, а потом, подкрепившись устрицами с белым вином, отправились в небольшую однокомнатную квартирку Бэль, где царила большая кровать, оставлявшая мало места для прочей мебели. Легкое опьянение, заговорщические смешки, робкие движения и… внезапная нагота.

И тут Ларжильер с отстраненным видом безапелляционно заявляет, что *сегодня у него эрекции не будет,* и, натянув трусы, заводит разговор о закрытости среднего класса.

Бэль, ошеломленной этим резким переходом, стало интересно, как он пришел к такому выводу: ведь они еще даже не прикоснулись друг к другу, и вообще, это первый раз, и они тут не для каких-то высоких достижений, их тела просто должны узнать друг друга. Еще

более странным показалось ей, что Ларжильер избавил ее от обычных в таких случаях жалоб. Бэль коротко проговорила: *Ничего страшного,* и тут же пожалела об этом, потому что он ответил ей: *Я знаю.* Не теряя надежды придать столь важному моменту немного легкости, она предложила перейти к нему, в привычную для него обстановку. Они прошли по пустынным улицам, Франсуа открыл перед ней дверь своего жилища, огромного и пустого, с белыми стенами и без малейшего намека на украшения. Дома его немного отпустило, но он так и не смог избавиться от преследовавшего его призрака полнейшего краха. Засомневавшись в самой себе и в своих чарах, Бэль спросила, не из-за ее ли присутствия ему не по себе. А он чуть не сказал, что почувствовал, увидев ее обнаженной.

Потому что, когда он увидел ее обнаженной, его вдруг пронзило, что она действительно что-то нашла в таком типе, как он: в жизни не сделавшем ничего, чтобы заслужить внимание создания, о котором можно лишь мечтать, и даже лучше, такого близкого и даже интересующегося его телом, которое уж совсем ни на что не похоже. Франсуа достаточно было протянуть руку, чтобы понять: она действительно находится тут — в том же пространстве, в том же времени, что и он. И в конце концов он сделал это, но вместо того, чтобы погладить ей плечи или грудь или провести рукой по бедрам, он пощупал ее руку выше локтя, словно удостоверяясь, что она настоящая.

Через две недели он все же принял этот подарок небес и превратился в пылкого любовника, в постоянном восторге от этого тела, которое он ни на минуту не мог оставить в покое своими ласками.

* * *

Уоррен терпел шесть долгих месяцев, прежде чем ему удалось наконец привлечь внимание Лены. Шесть месяцев он ловил каждый знак, придумывал разные военные хитрости, шесть месяцев предавался любимому занятию: рассматривать профиль Лены — справа, когда она садилась у окна, слева, когда она оставалась у батареи. На основных предметах она усаживалась вместе с Джессикой Курсьоль, своим клоном, которая носила такой же толстый свитер и такие же черные ботинки, строила такие же страдальческие гримасы при столкновении с малейшей трудностью. Но Лена выбрала вторым языком испанский, а Джессика — немецкий, и каждый раз перед уроком иностранного языка, расходясь по разным кабинетам, неразлучные подруги обменивались четырехкратным поцелуем в знак душераздирающего прощания. После чего Лена садилась рядом с Доротеей Курбьер, немного слишком *girly* на ее вкус, но достаточно способной к языкам, чтобы помочь ей в переводе сложного куска, и достаточно *cool* чтобы дать списать конспект пропущенного урока. Но вмешался случай: один раз заболела Доротея, в другой — Лену отсадили от нее за списывание, и вот в долю секунды свершается чудо: Уоррен оказывается бок о бок с *ней.* В те редкие разы, когда такое случалось, Лена не удостаивала своего соседа даже взглядом и сидела демонстративно уткнувшись носом в папку. Уоррен же дышал животом, чтобы унять колотившееся сердце, и, чувствуя, как горит лицо, боялся, что это будет замечено, но тут уж он ничего не мог поделать, разве что подпереть ладонью щеку и принять отсутствующий вид. Впрочем, все эти старания были напрасны, Лена действительно не замечала его, этот мальчик для нее не существовал, он был некой прозрачной субстанцией, занимающей левую сторону ее стола.

Уоррен разрывался между желанием убежать, шепнуть ей на ухо что-нибудь смешное или совершить какой-нибудь дерзкий поступок, который привлек бы ее внимание. Но вместо этого он скатывался к обычной браваде, которую демонстрируют подростки, оказавшись на краю непреодолимой пропасти, разделяющей мальчиков и девочек. *Эта дура меня в упор не видит.* Ему никогда еще не приходилось ощущать себя настолько не у дел. Его игнорируют —

и кто? Единственное на свете существо, чье внимание он хотел бы привлечь. В этом должна быть какая-то логика, но какая? Иногда, когда они оба раскрывали учебник, их локти соприкасались, Уоррен вздрагивал как от удара током, она же, ничего не замечая, продолжала начатое действие и в лучшем случае бросала ему безразлично: *Какая страница?* Застигнутый врасплох, он отвечал: *Не знаю,* и тогда она спрашивала у кого-нибудь другого. Что бы такое ему придумать, чтобы Лена Деларю заметила его существование? Получить высший балл за сочинение? Завести скутер? Накачать плечи, как у пловца? Что же сделать, чтобы она наконец стала воспринимать его живым существом?

Впрочем, что касается способов ее поразить, у него был огромный выбор! Он мог бы, например, наклониться на уроке к ее уху и сказать: *Знаешь, а я вырос среди убийц, я умел заводить угнанную машину, до того как научился говорить, я с завязанными глазами могу перезарядить П-38, а когда мне исполнилось двенадцать лет, папа, тайком от мамы, повел меня праздновать мой день рождения в стрип-бар.* Чистая правда, о которой он не имел права говорить, и все же это даже не приходило ему в голову, потому что рядом с ней он становился обыкновенным мальчишкой, как все, который мечтает впечатлить девочку тем, что бегает быстрее всех или дальше всех метает мяч. Тем временем раздавался звонок, и Лена бежала в коридор, чтобы рассказать Джессике о потраченном впустую часе. А Уоррен проклинал все на свете, сгорая от стыда, что упустил такой случай. В холле он видел толпы парней, гордо прогуливавшихся под руку с девчонкой. Эти ребята будут похрабрее его, даром что он Манцони. В других школах он был на положении главного, перед которым все пресмыкались. Он сам производил впечатление на девчонок, а не наоборот. Всего год назад, в предыдущем лицее, одна девица из последнего класса пожелала стать его «первой», как она сама выразилась. Я *буду твоей первой женщиной, ты никогда меня не забудешь, всю жизнь ты будешь помнить о Беатрис Вале.*

С тех пор как Уоррен перестал видеть себя в будущем великим архитектором «Коза ностры», он утратил все свое высокомерие, весь апломб, превратившись в глазах окружающих в простого смертного. Учителя считали его слишком робким, а немногочисленные приятели удивлялись, что он исчезает сразу после занятий. Единственный раз в жизни он принял приглашение на вечеринку в надежде увидеть там Лену Деларю. Уоррен не находил себе места, чувствовал себя нескладным и нелепым, шутил невпопад, танцевал из-под палки, не мог вписаться ни в один разговор. Лена же веселилась вовсю, ощущая себя совершенно непринужденно и в своем возрасте, и в своем времени.

Устав мучиться, Уоррен стал жаловаться на девчонок сестре, когда та заглянула в родительский дом.

— Ладно, хватит скулить, как ее зовут?

— Кого?

— Ту, которая тобой никак не заинтересуется.

— …Лена.

— Ну, и в чем проблема?

— У меня такое ощущение, что я невидимка.

— И сколько это длится?

— Через десять дней будет полгода.

Бэль попыталась ему помочь, но наговорила обычных штампов, надавала самых банальных советов, так что ей не удалось убедить и себя саму.

— Она должна понять, что я существую.

— Ты никогда не займешь первое место по математике, стометровку даже я бегаю быстрее тебя. Конечно, ты очень красивый, но я говорю так, потому что я твоя сестра.

Правда, у тебя есть испачканный кровью платок, который принадлежал Лаки Лучано, но вряд ли это пригодится тебе с твоей Леной.

— Есть у меня одна мысль, но…

— Ой, не люблю я, когда ты вот так смотришь… Что за мысль-то?

* * *

Ночь спускалась на холм Мазенк, Фред оставил свой шезлонг, Малавита последовала за ним. Он вернулся к своей пишущей машинке, ворча на Магги, которая за весь день не удосужилась позвонить. Он считал, что на связь должна выходить она. Те, кто уезжает, дают о себе знать тем, кто остается, а не наоборот. С тех пор как мадам стала проводить рабочую неделю в Париже, занимаясь своей лавочкой, она появлялась дома лишь к вечеру пятницы, и начиная со среды дни для него тянулись бесконечно. Поэтому ему особенно нравилось, когда она звонила именно в этот день, говоря приятные вещи на его родном языке, потому что здесь, в деревне Мазенк (департамент Дром), случай поговорить по-английски, да еще и с характерным для Ньюарка (штат Нью-Джерси) акцентом, представлялся ему нечасто. Он так и будет бурчать, пока не зазвонит телефон, злиться на нее, обзывать всеми словами, его злость даже отразится на его сочинении: вот он сейчас пойдет и замочит ни за что какого-нибудь персонажа, который спокойно мог бы дожить до эпилога. Действительно, в середине главы он вдруг состряпал из ничего новый персонаж, сорокалетнюю женщину по имени Мардж, которая должна будет умереть в страшных муках при неясных обстоятельствах и из-за которой читателю явно придется вернуться на несколько страниц раньше, потому что ему покажется, что он что-то упустил. Когда в шесть вечера наконец раздался телефонный звонок, Фред не смог удержаться и выдал себя с первых слов:

— Я скучаю по тебе, любовь моя. А ты по мне скучаешь?

— Фред, пожалуйста…

Он понял следующую за этой немую фразу: *Фред, мы не одни, не надо фамильярностей.* За те десять лет, что их телефон был на прослушке, он научился не сдерживать эмоций, а вот Магги никак не могла забыть о каком-нибудь Питере Боулзе, который, надев наушники, слушал их разговор, готовый при любом подозрительном слове начать запись.

— Эти ребята слушают лишь то, что им хочется услышать, Магги, им наплевать на наши любезности. Они ждут государственных тайн, кодовых слов, формальных доказательств заговора, анаши личные маленькие секреты им до лампочки.

— Фред, прекрати или я повешу трубку.

— Эй, ты там, тебе ведь наплевать?.. Тебе наплевать, что я скучаю по своей жене, тебе это просто непонятно, потому что у тебя и жены-то нет Для тебя все это — литература, жена, по которой кто-то там скучает. Ты, мешок с дерьмом, ты и знать не знаешь, что это такое, скучать по кому-нибудь, потому что по тебе-то уж точно никто никогда не скучал, да и ты сам гоже — никогда и ни по кому! Потому-то тебя и ценит твое начальство — тебя ничем не проймешь, умри ты на боевом посту — ни вдову извещать не надо, ни денег на детей собирать, ни пенсию им выплачивать, недорого ты обойдешься налогоплательщикам! Ты не знаешь этого горячего запаха, который оставляет в постели твоя жена, этот запах никогда не меняется, но он быстро исчезает, если жена спит не дома, и тебе не хватает его, ты скучаешь… если б ты только знал… Но ты никогда этого не узнаешь!

— Дурак! Вот тебе!

Магги повесила трубку. Пусть разбираются между собой. У нее не было ни времени, ни терпения слушать, как муж выясняет отношения с Дядей Сэмом; что ж, тем хуже для него, не

узнает две-три вещи, которые она собиралась ему сказать, а перезванивать она до завтра не будет.

— Сука! — завопил Фред, бросая в свою очередь трубку.

Бедняга Боулз, получивший оскорбление ни за что, остался на линии один. Чтобы успокоить нервы, он облокотился о подоконник. В нападках Фреда он не услышал ни слова правды, и это огорчало его больше всего.

Он стал федеральным агентом, как становятся чемпионами: благодаря вере в победу и тренировкам. Он был самым молодым среди своих однокашников и, вступив в ряды сотрудников DEA.[8] в течение шести лет несколько раз привлек к себе внимание начальства. А потом было дело «плавучего дома» Саусалито, в северной части Сан-Франциско. Захват пяти тонн кокаина на борту ржавой посудины, переоборудованной в жилище для бездомных, которые ничего не знали. Боулз, самостоятельно вычисливший всю цепочку, в какой-то момент сплоховал и не вызвал подкрепления для облавы. Из-за этой непредусмотрительности его человек среди наркодилеров был убит, а один из сотрудников тяжело ранен во время перестрелки. Питеру было тридцать четыре года, и начальство дало ему возможность отсидеться во Франции, наблюдая за бывшим мафиозо: иными словами, три года чистилища, перед тем как снова появится надежда на возвращение на родину и возобновление службы в качестве следователя.

Обычный день Питера не изменился ни на йоту с того дня, как он впервые заступил на этот пост: он вставал в шесть утра, натягивал футболку и отправлялся на сорокаминутную пробежку по горам, затем возвращался, принимал душ, пил кофе и ждал проявления первых признаков жизни у Уэйнов. Он прослушивал входящие и исходящие звонки и, словно телохранитель, сопровождал Фреда почти во всех его передвижениях — когда этот подонок не надумывал слинять на час-другой, просто так, ради спортивного интереса, испытывая на Питере свою очередную уловку, которую тому никогда не удавалось разгадать. Короче, Боулз схлопотал себе дрянную работенку — иногда ему казалось, что он служит лакеем у гангстера. С каждым днем ему все труднее было выносить тишину, одиночество, презрение со стороны Фреда, его оскорбления. Оскорбления особенно обидные, когда они касались его личной жизни и семейной неустроенности.

Фред тоже в некотором роде жил холостяком и страдал от этого. Он только что сорвал на Боулзе злость, предназначавшуюся Магги, которая вбила себе в голову, что должна жить своей жизнью, со своими устремлениями, своим распорядком и предпочтениями. Чтобы избавиться от призрака одиночества, он решил доставить себе удовольствие и снял трубку.

— Боулз? Я вечером хочу поужинать в этом трактирчике, ну там, где готовят паштет из гусиной печенки с инжирным вареньем, в этой дыре, как ее… название не выговорить.

— Клиускла.

— Так что, если я опять потеряю вас в этих дебрях, как в прошлый раз, знайте, что я там.

И Фред, довольный собой, вернулся к рабочему столу. Он никогда не признался бы и себе самому, что этим звонком Боулзу пытался избавиться от ощущения вины перед ним, которое могло испортить ему весь вечер или даже помешать спать.

* * *

Бросив трубку, Магги посмотрела на часы, заглянула в уже заполненную книгу заказов, затем вышла на порог, как делала это каждый вечер в одно и то же время, чтобы проверить боевой дух в войсках перед предстоящей битвой. Собственный настрой у нее был не из лучших, но она умела скрывать свое беспокойство от остальных членов команды, считая это

своим капитанским долгом. «Пармезан» плыл вперед наперекор стихиям, они прекрасно сработались, так зачем говорить им о том, что повстречавшаяся им в спокойных водах военная махина решила любой ценой потопить их суденышко?

Некий Франсис Брете, управляющий пиццерией, принадлежащей одной американской транснациональной компании, и не подозревал о существовании «Пармезана», расположенного в нескольких шагах от его заведения, пока три месяца назад ему не позвонил его шеф по парижскому региону. Он сообщил о снижении в его ресторане торгового оборота до девяти процентов, и это в то время, когда восемнадцать остальных парижских точек повысили эту цифру в среднем до одиннадцати. С него потребовали объяснений.

Франсис Брете никогда не беспокоился по поводу конкуренции, поскольку все окрестные заведения фаст-фуд принадлежали той же компании, что и его пиццерия, — «Файнфуд Инкорпорейтед» со штаб-квартирой в Денвере. Он не замечал, что все его официанты и разносчики проводят обеденный перерыв рядом, за углом, сидя на скамейке и уткнувшись носом в алюминиевый лоток. Имея право на бесплатную пиццу и любое блюдо из меню, его сотрудники все равно предпочитали питаться в этой забегаловке без вывески, без души, в которой к тому же им предлагалось всего одно блюдо — баклажаны по-пармски.

— Что?..

Франсис Брете вынужден был признать очевидное: этот «Пармезан» увел у него клиентов. Какая-то жалкая забегаловка с домашней кухней и кустарным способом доставки, ноль профессионализма. Пока он определялся с врагом, обороты упали с минус девяти до минус четырнадцати процентов.

После минус семнадцати он был вызван в европейское управление компании, в Женвилье, где генеральный директор потребовал у него подробностей по поводу снижения прибыли.

— К какой группе компаний принадлежит этот «Пармезан»?

— Это независимое предприятие.

— Сколько у него дополнительных точек?

— Нисколько, одна материнская фирма — и всё.

— А каков заявленный продукт?

— Баклажаны по-пармски. В сущности, это их единственное блюдо.

— Как это — единственное?

— У них в меню больше ничего нет. Ни напитков, ни закусок, ни десертов.

— …?

— Ни мясных блюд — тем более.

— Какие баклажаны?

— По-пармски. Это нечто вроде лазаньи, только вместо теста в качестве прослойки используются баклажаны.

— И сколько порций в день они реализуют?

— Дважды в день по триста порций по шесть евро каждая.

— А как быстро они наращивают темпы?

— Никак. Они уже год как остановились на этой цифре.

— И они не пытаются повысить товарооборот?

— Нет.

— …? Сколько у них народу?

— Два человека с полной занятостью и два — с частичной.

— Невозможно. Они не смогут получить ни копейки прибыли.

— Так и есть: у них нет прибыли — ни копейки.

— Но кто они — эти люди?

— Я как раз выясняю.

— А эти баклажаны, их кто-нибудь пробовал?

На данный момент никто. Франсису Брете было поручено пойти и разобраться самому. Напрасно он пытался любезничать, говоря, что *места всем хватит* и что *надо поддерживать такие маленькие заведения,* — Магги сразу прочитала в его взгляде страстное желание увидеть ее поверженной. Она пригласила его на кухню, где предложила порцию баклажанов. Он прожевал ложку и, торопливо проглотив, заявил: *Это вкусно, но публике такое не нравится. Вы сейчас пользуетесь феноменом любопытства, но через какое-то время ваши продажи начнут падать, и никто не будет в этом виноват. Законы рынка, мадам Уэйн.*

Его визит не застал Магги врасплох. Она сама ввязалась в это состязание, когда обустраивалась на улице Мон-Луи. Ее сочли сумасшедшей, когда она решилась открыть свое предприятие напротив такого гиганта общепита, гиганта, при рождении которого она присутствовала тридцать лет назад, когда вечерами ездила с приятелями в Нью-Йорк на танцы. Она наблюдала открытие самого первого ресторана на Мерсер-стрит и помнила первую его рекламу по телевизору: огромная пицца, которой радуется огромная же семья, и логотип, ставший с тех пор неотъемлемой частью городского пейзажа. Те, кто знал, что такое настоящая пицца, начиная с итальянцев и выходцев из Италии, обходили это место за километр, что не помешало колоссу взойти на трон и властвовать над миром фаст-фуда. Теперь он состоял из двенадцати тысяч ресторанов по всей планете и каждый день открывал новый. Каким же образом удалось отважной Магги затмить своими баклажанами *этих, напротив,* как называла их Клара?

Франсис Брете вышел после встречи с ней убежденным в огромном коммерческом потенциале баклажанов. Не прошло и двух месяцев, и в их меню, наряду с пиццами, жареными куриными крылышками, салатами из «пасты» и ореховым мороженым, появилась *лазанья из баклажанов с пармезаном.* Команда «Пармезана» не удержалась и попробовала ее, больше из любопытства, чем из страха конкуренции. Это оказался чисто промышленный продукт: баклажаны были водянистыми, поскольку их не подвергли должной обработке, томатный соус — кислым, поскольку его недостаточно долго тушили, а запеченный пармезан — сильно разбавлен эмменталем. Уже этих трех пунктов было достаточно для оценки. Вынутое из лотка, *это* имело оранжевый цвет, не пахло ничем, кроме жира, и на вкус не представляло собой ничего особенного. Цена за порцию — четыре с половиной евро — была просто немыслимой, учитывая крайнюю невкусность продукта. В рассованной по всем почтовым ящикам рекламной листовке приводился список питательных веществ, содержащихся в баклажанах, а само блюдо было без зазрения совести объявлено диетическим: *вегетарианская лазанья.*

Долгие годы находясь рядом с гангстером, вся жизнь которого была подчинена жажде наживы в самой крайней степени, Магги была отлично знакома с логикой максимальной выгоды. Но она не понимала, как магнаты пищевой промышленности могут тратить столько сил и энергии для создания такой гадости. Сколько инженеров трудилось над этим новым продуктом? Сколько новых машин пришлось изобрести, чтобы оптимизировать его производство? Сколько ученых работало над его искусственными составляющими, всеми этими усилителями вкуса и эмульгаторами, восполняющими недостаток натуральных продуктов? Сколько художников и редакторов корпели над рекламой, чтобы придать тошнотворной мерзости окраску лакомства и навесить на эту катастрофически калорийную штуку ярлычок «сбалансированности», чтобы найти наилучший шрифт для слов «здоровый» и «вкус», адресованных публике, давно позабывшей их значение? Магги поражалась, сколько

усилий и изобретательности было направлено на достижение единственной цели: превратить деньги в жир, а затем жир — обратно в деньги. Но крестовый поход против столь эффективного цинизма в искусстве перераспределения масс и маркетинга был ей не по плечу. Она вела другую битву, в совершенно противоположном направлении: «Пармезан» стал наивным выражением ее стремления к добрым делам и потребности в товариществе, а ни то, ни другое не имело цены.

* * *

Бэль находила Франсуа Ларжильера *невозможным* и иногда так ему и говорила: «Франсуа Ларжильер, вы совершенно невозможны», повергая его этим в безумную радость. Он был старше ее на десять лет, жил один, не имел привязанностей и мог совершенно свободно распоряжаться собой. Бэль знала за ним один-единственный недостаток — нелюбовь к реальной действительности. Когда Бэль была на него сердита, она называла его английским словом *nerd,* значение которого Франсуа пришлось искать в словаре: *социально-ущербный человек, увлекающийся наукой и техникой.*

В юности он прошел курс прикладных наук, чтобы, по его выражению, понять *механизмы живой природы.* Он обнаружил в себе настоящий талант к информатике и стал специализироваться на искусственном разуме и на контактах человек-машина. Один издатель видеоигр заказал ему как-то новый симулятор боевых ситуаций, но Франсуа скоро наскучила банальность выпускаемой им продукции, и он решил посвятить все свое свободное время созданию собственной видеоигры. По прошествии нескольких сотен дней, перемежающихся чрезвычайно короткими выходными, он ощутил готовность представить миру MIND — *Man Interaction Neuronal Designer*— игру он-лайн, которая получила немедленное признание и которую он продал своей фирме за один процент от суммы общей прибыли.

Став богатым человеком, Франсуа смог позволить себе зажить новой жизнью, в отрыве от окружающего мира, вне времени, вдали от бесчинств представителей рода людского. Он редко покидал свою двухэтажную квартиру, окна которой выходили на Люксембургский сад, поздно просыпался, начинал свой день в собственном тренажерном зале, затем по Интернету покупал все, что надо. Он общался по электронной почте с друзьями — которых становилось тем меньше, чем реже он с ними встречался, — а большинство его деловых встреч проходили тут же, перед экраном, в виде видеоконференций. Затем, уткнувшись носом в компьютер, он занимался усовершенствованием своего MIND, выпуская каждые два года новую версию. Вечером он заказывал по телефону ужин, обращаясь в самые дорогие фирмы, после чего снова принимался за работу, часто засиживаясь до глубокой ночи, или же закрывался в собственном кинозале, чтобы посмотреть фильм на экране, не меньшем, чем в настоящем кинотеатре. Отправляясь спать, он молил небо, чтобы следующий день оказался таким же восхитительным, как прошедший.

— Это может длиться очень долго, — говорила ему Бэль. — Учитывая вашу физическую форму, ваше питание, отсутствие стрессов и очень небольшой риск автоаварии, вы можете побить все рекорды долголетия.

Бэль не упускала случая сообщить Франсуа о своем отвращении к информатике вообще и к новым технологиям и видеоиграм в частности. В течение долгих лет ее брат Уоррен, возомнив себя воином будущего и сражаясь с монстрами исключительной жестокости, колошматил кулаками по клавиатуре, находясь на грани эпилептического припадка. Увлечения задержавшихся в развитии детей, повышенная агрессивность, искусственные эмоции — она видела в этом деградацию человечества, обработку мозгов посредством машины, отказ от обыденной жизни ради безумных ментальных проекций. Ларжильер, не покидавший больше своего мира, был тому живым доказательством.

Франсуа как мог отбивался от ее обвинений в пособничестве отуплению масс; в его игре не было ни замков, ни драконов, ни бомбометов, начиненных антивеществом, ни фантасмагорических, упаднических миров; среди пользователей MIND не замечены сверхагрессивные подростки, галлюцинирующие перед истекающими кровью мониторами. MIND формировал «альтернативную реальность», истории на любой вкус, для каждого конкретного игрока, с учетом его особенностей и желаний. Игра была способна анализировать эмоциональные реакции игроков и предлагала им ситуации, которые неосознанно привлекли бы их *в реальной жизни.*

— Ну, это как если бы вас спроецировали в фильм, написанный специально для вас, но так, что вы никогда не сможете заранее узнать, что будет дальше.

— ...?

— В моей игре можно встретить не только виртуальных персонажей, которые служат для подкрепления действия, но и реальных людей, находящихся в Сети одновременно с вами, и вы можете с ними поговорить или пройти вместе часть пути.

— ...Пройти вместе часть пути? Ларжильер, вы понимаете, что вы говорите?

Франсуа был уверен, что его игра служит охране здоровья всех затворников мира, но допускал при этом, что для встречи с некой Бэль Уэйн реальная жизнь, несомненно, подходит больше.

* * *

Чтобы стать видимым для той, что заставляла громче стучать его сердце, Уоррен придумал нечто: прийти на вечеринку к Доротее Курбьер под ручку с белокурым чудом.

— И как тебе удается заставлять меня делать все, что ты захочешь? — вздохнула Бэль. — Ненавижу тебя за это!

— Ну, я и сам не в восторге, но обстоятельства требуют. Ты тоже должна постараться.

— Что, мы еще и целоваться взасос должны, по-твоему?

— Так мы ведь это уже делали.

— Да, но тогда тебе было пять, а мне — восемь!

В тот вечер, они развлекались как маленькие, разыгрывая из себя влюбленных на публике и выставляя свои взаимоотношения напоказ. Никто даже не заподозрил, что их чувственные взгляды были на самом деле исполнены братской любви, что манера, с которой они брали друг друга за руку, служила лишь знаком нерушимой солидарности, которая навсегда связывает тех, кому довелось вместе перенести тяжкие испытания. Бэль исполняла свою роль просто блестяще — Уоррен о таком не мог и мечтать. Она потусовалась в каждой группке, со всеми была мила и приветлива. Их игра во влюбленных голубков сработала наилучшим образом. Когда, выпив бокал сангрии, она усаживалась к своему брату на колени, присутствующие парни все отдали бы, лишь бы оказаться на месте Уоррена. Девушки, заинтригованные их игрой, не могли понять, что за тайна окружает этого обычно такого неприметного мальчика.

— Он что, правда у нас учится?

— У него американская фамилия.

Одним только своим присутствием Бэль сделала брата яркой личностью, уничтожила его былую безликость, дала ему жизнь, имя.

— А что ты собираешься делать с ней, с этой Леной, если твоя идиотская идея сработает?

— Мне нужно всё. Навсегда.

— Тебе еще нет шестнадцати!

— Она — та самая! Я знаю это, я чувствую!

— Ну, допустим, она, как ты говоришь, та самая, но что будет, когда она узнает, что я твоя сестра?

— Когда-нибудь она полюбит меня, как я — ее, и простит мне эту хитрость. И еще даже спасибо скажет.

Тогда Бэль решила перейти к более решительным действиям и уселась по-турецки в середине кружка, образованного Леной, Джессикой и Доротеей, попивавшими пиво. Лена, которая в душе была настоящей женщиной, забросала Бэль вопросами о ее платье, о совершенно незаметном макияже, о ее атласной коже и о взглядах на мироздание. Затем последовало обсуждение *ее парня,* такого юного, такого скромного, такого не похожего на нее, и Бэль высказалась о конце своего приключения весьма пессимистично.

— Такого парня долго рядом с собой не удержишь. Я готовлюсь к первой в жизни сердечной ране.

И она принялась расхваливать своего брата, представляя его таким, каким видела его сама: тонким и трепетным, который столько уже пережил для своего юного возраста и которому теперь предстояли великие свершения. Ничего не раскрывая о жизни семьи Манцони, она говорила чистую правду.

Лена Деларю, Доротея Курбьер и Джессика Курсьоль обернулись и стали выискивать в толпе силуэт паренька.

Уже на следующий день Лена постаралась сесть с Уорреном за один стол. Она сбросила скептическую маску подростка, ищущего свое место в жизни, и вновь смотрела вокруг удивленным взглядом маленькой девочки.

Последовавшие за этим недели были полны признаний и планов совместной жизни — навсегда, навеки. Их безумная юная любовь представлялась им такой сильной, что ей, казалось, не были страшны никакие опасности — в том числе и те, что таит в себе безумная юная любовь. В том возрасте, когда жизнь обычно путает, они решили ничего не откладывать на завтра. Уоррен собрался действовать по следующему плану:

1) бросить лицей и получить какую-нибудь профессию;

2) уехать из Мазенка;

3) подыскать местечко, чтобы построить там дом;

4) дожидаться там свою Лену, пока она не решится и не выберет свой путь.

Его потребность отделиться от Уэйнов коренилась в глубоком желании начать новую жизнь.

и нежный взгляд Лены дал ему наконец силы сделать это. Он хотел забыть мир, а от мира хотел одного — чтобы тот забыл его.

Оставалось лишь сообщить об этом родителям. Но на сей раз ему предстояло действовать в одиночку.

* * *

Сидя за столиком в ресторане «Беседка», Фред выскребал дно чашечки из-под фигового варенья, которое ему подали к паштету из гусиной печенки, и ждал, когда принесут говядину с рокфором, о которой он сохранил самые приятные воспоминания. В нескольких столиках от него Питер Боулз налегал на салат с утиными зобами и картофель с петрушкой. По своему обыкновению, он долго изучал меню и задавал бесконечные вопросы о том, что входит в состав того или иного блюда, рискуя быть принятым за одного из тех американцев, которые с

подозрением относятся к иностранной кухне. На самом же деле он проявлял такую же бдительность и у себя на родине, что вызывало насмешки со стороны его коллег, передразнивавших его манеру делать заказ: *А вы добавляете в соус глутамат? А я могу заказать лазанью без сыра и без соуса бешамель? А ваш торт и правда сделан по-домашнему?* Питер предпочитал терпеть и молчать, нежели признаться, в чем тут дело. Когда-то, заполняя анкету ФБР, он соврал в разделе «здоровье», написав *нет* в графе «аллергии»; он испугался сложностей и допроса с пристрастием со стороны аллерголога, который мог отправить его вон — людей и с меньшими проблемами выставляли на улицу. После нескольких отеков Квинке, чуть не стоивших ему жизни, Питер окончательно изъял из рациона молоко, зерновой хлеб и опасные красители, наличие которых не всегда указывалось на упаковке.

Теперь ему надо было ждать, пока этот чертов мафиозо повысит свой холестерин ужином за тридцать два евро, и это не считая бутылки сен-жюльена девяносто пятого года. Пока Фред добрался до конца своего мороженого с шоколадом и печеньем, Боулз успел посмотреть на экране ноутбука старую серию «Звездного пути», всю целиком. Он поглядывал, как Фред без зазрения совести пирует, переговаривается с соседними столиками или записывает что-то время от времени в записную книжку так, будто ни на секунду не перестает творить. Федеральный агент не испытывал ни малейшей симпатии к этому типу, который, где бы ни находился, с толком проводил время, не выносил трудностей и умел выжать из устаревшей системы правосудия все до последней капли. Подмазывать осведомителей и защищать раскаявшихся мафиози — без этого, конечно, не обойтись, но Питеру трудно давались компромиссы с такими людьми, как этот Манцони. Три часа назад эта сволочь больно его ударила — что ж, ему всегда удавалось находить самое больное место. Ты *не знаешь этого горячего запаха, который оставляет в постели твоя жена.*

Питер был вполне красивым мужчиной, атлетического телосложения и без особых недостатков. Он написал дипломную работу о войне Севера и Юга и вполне прилично играл ноктюрны Шопена. Обладая пылким темпераментом, он ни разу в жизни не был циничен с женщиной, даже с профессионалками, к которым обращался после долгих недель слежки в каком-нибудь богом забытом уголке. И потом, у него была Кора, дочь владельца гостиницы «Кашмир» в Филадельфии, в которой он жил как-то в течение восьми месяцев, выполняя очередное задание. Двадцать семь лет, воспитательница детей, страдающих аутизмом, — редкий цветок с неслыханным ароматом, невероятно нежный на ощупь. Она подпала под обаяние Питера — этого высокого парня с лисьим взглядом, открывавшего рот лишь для того, чтобы поздороваться или сказать что-то нужное. На втором свидании он взял ее за руку на третьем — поцеловал в губы. Продолжение было делом ближайшего будущего.

Как и все его коллеги, Питер не торопился объявлять своей невесте о том, что он — коп. Не то чтобы он стыдился, но ему прекрасно было знакомо это замешательство, после которого собеседник обычно утрачивал свою непринужденность. Однако больше всего Питер опасался именно женской реакции — этакой смеси любопытства и недоверия: интересно, а как это — переспать с копом? Кора засыпала его вопросами, делая вид, что ее интересует его работа. Но прежде всего она хотела узнать, что готовит ей будущая совместная жизнь с Питером.

Ей хватило одной ночи, чтобы отказаться от этой жизни. Сражаться с преступностью — значит, существовать с ним бок о бок, изучать его, стараться понять, постигать его внутреннюю логику, а ей было трудно представить себе любимого человека сотгоикасающимся с таким количеством грязи. От куда она могла знать, хватит ли у него стойкости, чтобы не позволить всему этому насилию подточить себя изнутри, и не скажется ли все это на их будущей семье?

Питер был убит решением Коры расстаться, но не винил ее; как раз накануне ему пришлось столкнуться с низостью и скотством в человеческом обличье. Их последний вечер

запомнился тихими слезами и искренними сожалениями, но он не мог стать другим, она — тоже. Они даже готовы были пройти часть жизненного пути врозь, чтобы потом все же воссоединиться, только этот путь уже казался обоим слишком долгим.

Теперь, куда бы он ни поехал, он возил с собой ее фотографию. Она же в каждый его день рождения присылала ему открытку.

— Эй, о чем это вы размечтались, Боулз?

Фред издали указывал на свободное место за своим столиком и *бутылку* арманьяка, которую прислал ему к кофе шеф-повар, *чтобы порадовать господина писателя.* Они не разговаривали с глазу на глаз уже несколько недель. Питера удивило это приглашение, ничего хорошего он от Фреда не ждал.

— Идите сюда, попробуйте эту штуку, только не говорите, что вы на службе.

Все еще сомневаясь, Питер встал со своего места, на тот случай, если Фред, для которого естественные порывы были совсем не характерны, имел ему что-то сообщить. И правда, это был тот самый случай.

— Вы меня знаете, Боулз, я не умею извиняться, но мне жаль, что я позволил себе лишнее сегодня днем, по телефону. Мне не следовало говорить всего, что я наговорил, это было глупо и грубо.

Федеральный агент, специально обученный, как вести себя в неожиданных ситуациях, не понимал, куда он клонит.

— Тут нет никакого подвоха, Боулз.

Кроме всего прочего, Питер презирал Фреда за поистине животную глупость, в которой тот был воспитан, за эту умственную и нравственную ущербность, которая толкала его на жуткие зверства и в которой он продолжал копошиться как свинья в закуте, занимаясь своим писательством. Но именно эта глупость делала его извинения особенно трогательными, поскольку ничто так не умиляло Питера, как идиот, признающий свою неправоту. И чем дремучее глупость, тем искреннее выглядят извинения. Питер выпил с Фредом в знак того, что его извинения приняты. Это был короткий момент сердечности среди бесконечной пустыни взаимного презрения.

* * *

Доставив последний заказ, Арнольд вернулся в лавку. Ровно в двадцать два часа команда «Пармезана», вымыв кухню и подведя итоги дня, пожелала друг другу спокойной ночи. Опустив металлическую штору, Магги уселась на уличной скамейке, чтобы выкурить единственную за день сигарету. Отсюда ей была видна внушительная пиццерия Франсиса Брете с выстроившимся перед ней десятком скутеров, вокруг которых суетились развозчики.

Несмотря на проведенную на общенациональном уровне рекламную кампанию, их «лазанья из баклажанов с пармезаном» не пользовалась ожидаемым успехом; *эти, напротив* по-прежнему теряли клиентов, став жертвой странного феномена отторжения. Тогда дирекция поручила Франсису Брете обратиться к Магги с предложением выкупить ее предприятие по очень выгодной, несоразмерно большой цене. Договор предусматривал передачу арендуемого помещения, выплату всей суммы взятого займа, эксклюзивное право на рецептуру, запрещение открывать кулинарные заведения с торговлей «навынос» в радиусе пяти километров от любого из ресторанов сети, обещание трудоустройства для сотрудников и кругленькую сумму для Магги и Клары, которая обеспечила бы обеим безоблачное существование на пенсии.

Она вынесла вопрос на обсуждение коллектива, каждый член которого высказался за продолжение деятельности «Пармезана» — они будут держаться сколько придется. «Пусть

победа достанется лучшему», — ответила она Брете, не зная, что в таких играх лучший никогда не выигрывает.

За сим последовало объявление войны. Скромный успех «Пармезана» был недопустим по причине гораздо более глубокой, чем недостающие семнадцать процентов прибыли. Он необъяснимым образом опровергал закон максимальной выгоды, и этот пересмотр самой логики коммерции волновал руководство компании больше всего.

— Вы понимаете, что пытаетесь оспаривать сами основы рыночной экономики? — сказал ей Франсис Брете.

— …?

И, не найдя других аргументов, добавил:

— У вас что, нет мужа, который спросил бы отчета?

Магги с трудом удержалась, чтобы не ответить ему: *Упаси тебя бог, дружок чтобы Джованни Манцони не спросил однажды отчета у тебя.*

* * *

Лежа на животе на диване, Бэль пыталась просматривать свои лекции, а Франсуа массировал ей сначала шею, потом поясницу, потом ягодицы, методично разминая их в поисках несуществующих костей.

Их история продолжалась, но оба они отказывались признавать, что любят друг друга. Им просто хотелось быть вместе, заниматься любовью, слушать с увлечением то, что рассказывает другой, предаваться бесконечной нежности и стараться, чтобы все это длилось как можно дольше. Если же надо еще и любить друг друга…

Это счастье пришло к Франсуа без предупреждения, и ему оставалось лишь тихонько прикрыть за ним дверь, чтобы оно осталось. Но каждый раз, когда жестами и взглядами они объяснялись друг другу в любви, когда гармония их тел достигала апогея, Франсуа вдруг ощущал себя ничтожно маленьким перед этой любовной историей, в которую вовлекала его Бэль. В такие моменты, чтобы скрыть свой страх, он начинал говорить, выдавая ей нечто, от чего она чуть не падала. Он не выйдет больше за пределы своего мира, где он живет в окружении шести экранов, потому что этот мир близок к совершенству, потому что он защищен от всеобщего безумия и потому что, оставаясь в нем, он ни перед кем не обязан отчитываться. Этот мир — прибежище для таких, как он. — неспособных к реальной жизни. Дальше он охотно признавал, что не представляет собой ничего особенного и что любовник он так себе, каких забывают в два счета, и что мужем он будет слабеньким, и отцом никаким. Реальная жизнь поднесла ему единственный настоящий подарок — встречу с Бэль. Но она скоро уйдет из его жизни, точно так же как и вошла в нее — со скоростью света.

* * *

Перед тем как сбежать из Мазенка, Уоррену оставалось самое трудное — поставить родителей перед свершившимся фактом. Он покидал свое гнездо раньше положенного, не прося у них ничего — ни помощи, ни совета, — и это было особенно унизительно. Они и так всполошатся, поэтому лучше он промолчит о том, что встретил женщину своей жизни, а сосредоточится на карьерных планах.

— Я ухожу из лицея, хочу получить профессию. Я все обдумал. Начну с сентября.

Родители постарались не выдать своих чувств и потребовали уточнений относительно этой «профессии», которая прозвучала как тяжелое заболевание.

— …Ну, это довольно необычно.

— Мне не нравится слово *профессия,* а это *необычно* и подавно, — сказал Фред.

— Знаешь, мы готовы услышать все что угодно, — добавила Магги. — Твой двоюродный дедушка Фрэнк устраивал поджоги на заказ, чтобы выкачивать деньги из страховых компаний.

Уоррен мялся, заранее тоскуя от предстоящих стенаний. Родители представляли себе самое страшное: бродячий гимнаст, политик, стриптизер — занятия, несовместимые с программой Уитсек, запрещающей появление на публике. Но от Уоррена всего можно было ожидать!

— Скажешь ты или нет, черт тебя подери?!

— Я хочу стать столяром.

— …?

— Столяром? — повторил Фред, стараясь понять значение этого слова. — Ты хочешь делать шкафы?

— Нет, шкафы делают краснодеревщики. Я хочу работать с деревом, отделывая помещения.

— …?

Фред и Магги переглянулись, думая одно и то же: когда и какую ошибку мы допустили, что дошло до этого?

Уоррен и сам не смог бы объяснить им, отчего вдруг почувствовал призвание к этому делу. Все началось несколько лет назад, в их доме в Нормандии. Мальчику понадобились полки в комнате, и он вполне резонно обратился к отцу. Фред, впадавший в тоску при одной мысли о необходимости забить гвоздь, сделал вид, что не слышит. Устав ждать, Уоррен попросил помощи у матери, но та, занятая своей благотворительностью, так и не нашла времени ни для того, чтобы помочь ему самой, ни чтобы найти мастера. Тогда, окончательно потеряв терпение, он пошел сам в магазин и притащил оттуда доски, крепежный материал, но самое главное — ящик инструментов.

Предоставленный самому себе четырнадцатилетний мальчишка с ангельским терпением изучал инструкции, замерял размеры, пробовал, прыгающей в руках пилой распиливал доски, дрелью сверлил отверстия для крепления. Шлифовка доставила ему физическое наслаждение — он сам сделал шершавое дерево нежным на ощупь! Жалея, что упустил возможность сблизиться с сыном, Фред зашел к нему, чтобы посмотреть, как тот вышел из положения. При взгляде на набор инструментов на него нахлынули воспоминания. Дрель напомнила ему подвал в Квинсе и того типа, привязанного к батарее, который разговорился только после второй дырки, проделанной в нем шестнадцатимиллиметровым сверлом. Пила вызывала в памяти сутенера Юргена, который забыл отчислить процент с того, что приносили ему девочки. Чтобы его труп нельзя было опознать, пришлось тогда отпилить ему кисти рук и голову. Все это происходило в те счастливые времена, когда анализы ДНК не усложняли работу.

Фред вынужден был признать очевидное: сын сам, без посторонней помощи, собрал стеллаж. Прочный: он понял это, прислонившись к нему.

— Я горжусь тобой, малыш.

Это была неправда. Его разозлило, что тот справился самостоятельно и при этом обошелся без его, отцовской, указки. Мальчишку же распирало от гордости: он сделал что-то своими руками, и это что-то будет теперь частью его дома, и, может быть, еще не одно поколение будет пользоваться его полками. В тот день идея труда соединилась в голове Уоррена с идеей вечности. Ну, как мог отец-гангстер наставить его теперь на путь истинный?

Через несколько месяцев после перевода в лицей Монтелимара он записался на экскурсию в Лион, в Музей мастеров. Ему рассказали, кто такие эти мастера, как они обучались ремеслу — по старинке, объезжая лучшие предприятия Франции, чтобы усовершенствовать свои знания по каждой специальности. Их паломничество завершалось созданием «шедевра», в котором они показывали все, чему научились. В музее было выставлено множество таких работ, в том числе и «шедевр» их гида, Бертрана Донзело, который рассказывал о своем ремесле с не меньшим удовольствием, чем работал. Это была невиданная по сложности и красоте винтовая лестница. После экскурсии Уоррен забросал старого мастера вопросами, интересуясь деталями такой работы, и тот с радостью поделился всем, что знал. Они встретились еще раз неподалеку от Баланса, в мастерской старика, специализировавшегося на самых тонких изделиях, в том числе на старинных паркетах и винтовых лестницах. У него было много заказов — гораздо больше, чем учеников, способных отдаться такой неимоверно тонкой работе.

Поначалу Магги просто остолбенела. Уоррен всегда был скрытным, чуть что, с головой уходил в третье тысячелетие — и нет его, но чтобы он решил стать… ремесленником?

— Я не пойду в последний класс, а поступлю в Монтелимаре в профессионально-технический лицей, выучусь на столяра, а потом уеду в Веркор, там недалеко от Валанса живет один мастер, он поможет мне устроиться.

Реакция Фреда не заставила себя долго ждать. Несколько дней спустя он прижал сына в уголке, чтобы поговорить с ним по-мужски.

— Если бы ты решил пойти по моим стопам, начать с того места, на котором мне пришлось все бросить, я не похвалил бы тебя. Но я бы понял.

— Если бы ты решил пойти в ФБР, я и это понял бы. Ты ловил бы типов вроде меня, обезвреживал их. Ты работал бы *против* меня. Твой путь был бы полной противоположностью моему, но ты все равно шел бы по моим стопам, хотя и в другую сторону. Но это… Стелить полы…

Через два года, получив свидетельство об окончании профессионального лицея, Уоррен поступил подмастерьем к Бертрану Донзело. Там, в Веркоре, его дни протекали между комнатой, которую он снимал в домике на опушке леса, и столярной мастерской. Его мускулы понемногу привыкали к новым нагрузкам, тело — к новому образу жизни, а чувства — к новым открытиям. Он ложился и вставал вместе с солнцем, много работал, мало говорил и наслаждался дикой природой, без устали исследуя окрестности. Зима здесь была такой суровой, что в некоторые уголки приходилось добираться на собачьих упряжках, а местные жители нередко передвигались по снегу на снегоступах. Программа Уитсек вполне могла бы переселять сюда раскаявшихся преступников на веки вечные: невозможно представить себе киллера из ЛКН, который смог бы вынести такой холод и рельеф. Эти места были когда-то оплотом Сопротивления, и, пожив там немного, Уоррен уже не удивлялся этому.

* * *

Боулз в два глотка опустошил рюмку арманьяка и резким жестом поставил ее обратно на стол — как на стойку бара. Он пил редко, но признавал только крепкий алкоголь, запивая его иногда пивом — чтобы погасить огонь, и, за исключением этого вечера, никогда не пил на службе.

— Ни в какое сравнение не идет с нашей доброй текилой, — сказал он, — но я ценю хорошо выдержанный яд.

— Это презент заведения, — ответил Фред, — а вообще-то, я угощаю.

— Ваши счета, Уэйн, как и мои, оплачивает американский налогоплательщик.

— Ну да, только у меня от этого аппетит разыгрывается, а у вас — пропадает, вот в чем разница. Кроме того, если вы призовете этого бедного американского налогоплательщика сюда к столу, вы будете вынуждены признать, что я обхожусь ему гораздо дешевле, чем раньше. Все же я кое-что зарабатываю на своих книжках, Магги — на своей лавчонке, ребята живут самостоятельно, им давно уже хотелось сорваться с крючка Дяди Сэма и папаши-жулика. Добавлю, что мы сами платим за аренду этого особняка, за которым вы следите, как курица за цыплятами. Я не виноват, что ваше начальство поселило вас в стенном шкафу.

— А мне вот интересно, почему Бюро до сих пор так носится с вами, а не пошлет ко всем чертям.

После «Процесса пяти семей», несмотря на обещанную награду в двадцать миллионов долларов, мафии так и не удалось достать и покарать предателя, как она карала других до него. Сегодня, когда прошло уже двенадцать лет, риск возмездия казался гораздо меньшим, чем раньше; даже самые отчаянные и самые злопамятные из главарей начинали забывать эту крысу Манцони. Ради чего тогда надо было содержать эту сложную систему наблюдения со всем ее видимым и невидимым материально-техническим обеспечением?

— Все-таки вы, фэбээровцы, твари неблагодарные, — сказал Фред. — Скольких вы выбросили вот так, выдоив из них все, что вам было нужно? Луи Форка нашли порубленным на куски ровно через сорок восемь часов, после того как ФБР прекратило с ним дела. То же случилось с Карлом Кьюпэком, не говоря уж о Поле Липли, которого один из ваших элементарно продал его злейшему врагу Потому что среди вас тоже есть стукачи, господа федеральные служащие.

— Это не было доказано.

— Вам ли не знать, Боулз? Ваш коллега получил за сделку пятьсот тысяч. Что вы думаете? В те времена, когда я еще состоял в ЛКН, у меня был список федералов, которые кормились за наш счет. Я знаю классику и никогда не попадусь на том, на чем прокололись мои предшественники.

— Это все равно не объясняет вашего права на такое обхождение.

— Ответ известен только двоим. Вашему шефу Тому Квинту и мне. И если он вас не посвящает в эти дела, то на меня и подавно не рассчитывайте. Мы заключили соглашение.

Знаменитый капитан ФБР Томас Квинтильяни, которого все звали Томом Квинтом, сам занимался разработкой программы по охране свидетеля Манцони, его жены и детей. Это он переселил их во Францию, дал им новые имена, следил за ними и заставлял так часто менять место жительства. Квинт и сам перебрался в Европу, чтобы на месте заниматься последствиями дела Манцони, которым, казалось, не будет конца. Французские секретные службы и контрразведка позволили ФБР разместить на своей территории раскаявшегося преступника в обмен на обучение защите свидетелей, которое предоставлял им Квинт. Эта совершенно новая для Европы программа внедрялась в различных странах.

— Я хитрее всех инструкторов Квантико[9] вместе взятых, и вы долго еще будете с меня пылинки сдувать, ребята. Я еще многих, таких как ты, пересижу, Боулз.

Перемирие длилось ровно столько, сколько понадобилось, чтобы выпить по рюмке. Как устал Питер от этой бесконечной войны! Ему захотелось вернуться поскорее к себе и позвонить Маркусу, в отдел персонала, чтобы тот сказал наконец, когда его сменят.

* * *

Фред сидел перед камином со стаканом в руке. Ему было слишком одиноко и не хотелось ложиться в пустую постель. В такой вечер, за неимением Магги, подошла бы любая другая: ему сейчас нужны не любовь, не секс, а просто женская ласка. Чем старше он

становится, тем труднее без нее обходиться. Когда-то он принадлежал к братству подонков и теперь был рад, что избавился от мужского общества. Сколько вечеров просидел он за покером, сколько съел спагетти, сколько посетил борделей с парнями из своей команды, становившимися с годами все пузатее и сварливее. Когда надо было разбираться с другой бандой, ему приходилось встречаться с такими же пузатыми и сварливыми типами, притворяться, что все они — друзья, целоваться по-братски — сущее наказание. А эти их шуточки, которые он просто не выносил, — сальные, как они сами! А попойки до посинения с этими тварями, допивавшимися до того, что им было не добраться до собственного дома! И ведь он, Фред, был одним из них. Сегодня он благодарен небу за то, что ему не надо больше мучиться на этих вечеринках, где каждый изливал свои излишки тестостерона как мог: либо обзывая всех женщин на земле шлюхами, либо устраивая мордобой кому ни попадя. В последние годы он старался поскорее сбежать от них, ссылаясь на семейные неприятности, чтобы не обидеть и не лишиться их доверия. На самом же деле он просто шел домой, чтобы посмотреть с Ливией фильм, или назначал свидание любовнице в самом шикарном отеле Ньюарка, но не обязательно для секса, а просто чтобы насладиться ее присутствием, ее запахом, ее голосом, мелодично звучащим во тьме, ее обнаженным телом, которое она дарила ему в простоте душевной. Устанавливавшуюся между ними в такие минуты близость легко можно было принять за нежность. Не надо было больше ни любой ценой доказывать свою мужскую силу, ни демонстрировать природную жестокость, ни завоевывать новые территории, ни потрошить жертв. Все это Джованни откладывал на завтра, иногда втайне желая, чтобы оно никогда не наступало. И теперь, годы спустя, когда он пытался иногда анализировать причины, заставившие его принять участие в том процессе, заложить товарищей и раз и навсегда порвать с «Коза ностроей», он приходил к выводу, что эта идея зародилась в такую вот ночь, проведенную один на один с женщиной.

Прежде чем отправиться спать, он присел за пишущую машинку, достал блокнот, куда записывал обычно все, что приходило ему в голову, вставил в каретку заполненный на три четверти лист, озаглавленный *Заметки,* и напечатал урожай за прошедший день:

— Постараться употребить слова «печаль» и «порча».
— А также фразу: «я ценю хорошо выдержанный яд».
— Дописать эту чертову 28-ю страницу до завтрашнего вечера.

2

В этом году Уэйны встречали Рождество врозь, и Фред, оставшийся в одиночестве на своем холме, видел в этом особый знак. Магги не решилась бросить свою команду в сочельник; после работы они собрались впятером, чтобы распить несколько бутылок вина, раскрыв двери «Пармезана» для бродяг и бездомных со всей округи — незабываемая ночь. Бэль в свою очередь позволила Франсуа Ларжильеру превратить Рождество в языческий праздник — и не пожалела об этом. Уоррен был приглашен к Деларю на символический акт возведения в сан будущего зятя; отец Лены, увидев его за столом, сказал: «Ну что же, вся семья в сборе, можно начинать». Ну а Фред пировал один на один с собакой, которой достался увесистый кусок индейки.

В первый уик-энд февраля семья вновь собралась вместе. Сначала, в пятницу вечером, приехала Магги с единственным желанием: проспать часов двенадцать кряду. Первое разочарование Фред испытал, когда, даже не дав себя поцеловать, она прошла в гостиную, чтобы просмотреть свою почту и кому-то позвонить. Она машинально проглотила две ложки горохового супа-пюре: этот рецепт Фред нашел в одном из журналов, читать которые она теперь не успевала. В разгар ужина у нее зазвонил мобильный телефон, и Фред не успел даже выразить свое неудовольствие, как Магги уже ответила на звонок.

— Что значит — нет больше лотков на четыре порции? А в кладовке? За картонными коробками? Дай-ка сюда Рафи…

Глядя, как она встает и отходит в сторону, чтобы продолжить разговор вполголоса, Фред пожал плечами.

— Ты говорила им, что у тебя есть и твоя собственная жизнь?

В ответ Магги напомнила ему времена, когда, став шефом клана, он возвращался домой не раньше пяти-шести часов утра.

— И ради чего? Ради «работы», как ты это называл? Нет, ради того, чтобы болтаться с недоумками по грязным притонам, провонявшим сигарным дымом и одеколоном.

Она снова спросила его, почему он злится на эту ее авантюру с «Пармезаном». Фред предпочел отмолчаться, боясь высказать все, что накопилось у него на душе. Конечно, его злило это позднее, мучительное одиночество, на которое она его обрекла, но главная причина была не в этом. Он злился на то, что она смогла добиться полной профессиональной независимости, которая влекла за собой независимость другого рода, более глубокую. Создавая свой бизнес в Париже, она закладывала основы новой жизни, жизни без Фреда.

В течение последующего часа он ждал с ее стороны какого-нибудь ласкового жеста, которого не последовало. Хуже всего была эта ее манера исчезать из комнаты без предупреждения. Обидевшись, он ушел к себе в кабинет и написал кусок, в котором главный герой изливал весь свой сексуальный пыл на двух проституток, готовых абсолютно на все. Фред сам удивился богатству своего воображения и лихости, с которой он расписывал ситуации, которые сам не переживал. В два часа ночи, в порыве мстительного вдохновения, подогреваемого водкой, он занялся сочинением чисто порнографической сцены, выдохнувшись лишь на заре.

Уже одиннадцать дней, как он не занимался любовью с женой, отныне единственной его партнершей. В деревне с какой-то сотней жителей да еще и с этим Боулзом, постоянно висевшим у него на хвосте, Фред и помыслить не мог о том, чтобы «похаживать на сторону». А ведь в лучшие времена такого просто не могло быть. Он позвонил бы Дженни, своей *juck buddy,* постоянной подружке: ей нравилось доставлять ему удовольствие, не задавая при этом лишних вопросов, а он в ответ заваливал ее подарками, создавая иллюзию, что та делает это не за деньги. А еще у него была красотка Матильда, недоступная, божественная Матильда. Джанни мечтал о ней, еще когда встречал ее в «Твин-клубе» под руку с Амадео Кортезе, царившим тогда над всем Ист-Эндом; в знак уважения к любовнице *капо* Джанни легким поцелуем касался тыльной стороны ее ладони, испытывая при этом непреодолимое желание схватить ее, скрутить, чтобы она закричала вот тут, при всех. Когда Амадео умер, она дерзнула явиться на похороны, и вдова плюнула ей в лицо прямо у гроба. Как все бывшие любовницы мафиози, Матильда впала в нищету, работала на полдня в цветочном магазине, жила в ветхой однокомнатной квартирке на окраине Ньюарка. Джованни Манцони навестил ее, чтобы, так сказать, засвидетельствовать свое почтение и заверить, что всегда *будет считать ее своим другом.* Через неделю после этого они уже переспали вместе, распив предварительно бутылку шампанского, которым отныне ее никто, кроме него, не угощал.

Одной из двух проституток Фред придал черты Матильды и еще больше вдохновился от этого. В своей особой манере он описал два-три затейливых приемчика, которые они обычно с ней практиковали. Фред перечитал написанное. Пусть он не спал сегодня с женой, зато за ночь сочинил на редкость зажигательные четыре странички — он даже сам удивился. *Не было бы счастья, да несчастье помогло.*

В восемь часов за шторами начало светать, и Магги, свежая и отдохнувшая, потянулась в постели. Она захотела было притянуть Фреда к себе, обнять его и одарить ласками, которых лишила его накануне. Но тот повернулся к ней спиной и сказал, засыпая:

— Я работал всю ночь, дорогая, я просто подыхаю от усталости.

* * *

Бэль приехала в Монтелимар одиннадцатичасовым скорым поездом. Мать ждала ее на автостоянке, прислонившись спиной к машине. С тех пор как «Пармезану» стала угрожать опасность, Магги постоянно испытывала чувство вины, находясь вдали от своей команды. Она была гораздо нужнее сейчас там, на улице Мон-Луи, в двадцатом округе Парижа, чем тут, на холме Мазенк. Бэль удивилась, не увидев отца, который обычно всегда приезжал за ней в сопровождении неизменного Боулза.

— Он спит, — сказала Магги. — Всю ночь воображал себя Стивеном Кингом.

Едва войдя в дом, Бэль поднялась в желтую комнату окнами на юг и оказалась среди своего старого девичьего хлама — вещей, привезенных из разных городов, где побывали Манцони. Вот только из Ньюарка здесь почти ничего не было, кроме плюшевой мыши по имени Грогги, которую она с детства повсюду таскала за собой. Она легла на кровать и достала свой мобильный телефон в надежде обнаружить на нем сообщение от Ларжильера. Этот гад никогда не звонит ей, боясь, чтобы к тому времени, когда они расстанутся, это не вошло у него в привычку. Как будто она требует от него каких-то обязательств или ждет, что он изменит что-то в своем образе жизни! Наоборот, она принимает его таким, каков он есть, со всеми его странностями, даже самыми заумными. Увидев, что сообщений нет, она снова возненавидела его — в сотый раз за сегодняшний день, а ведь был еще только полдень.

Когда Фред встал, Бэль бросилась к нему в объятия и потащила его в летнюю гостиную, чтобы поболтать до обеда наедине. Он сразу заметил оттенок грусти на лице своей обожаемой дочери.

— Ну, расскажи, как ты живешь, — спросил он ее. — Я хочу слышать только дурные новости. Я умею разделываться с ними — есть у меня еще такой талант, доченька.

— Никаких дурных новостей нет.

— Неправда, ты похудела, а это значит, что тебе плохо.

— Да нет же, я вовсе не похудела и мне совсем не плохо.

— У тебя кто-то есть, и этот кто-то заставляет тебя страдать?

— Откуда ты взял? — ответила она, краснея, оттого что отец попал в точку.

— Пусть он мне только попадется, я ему…

— Знаю, папа, ты уже описывал все, что с ним сделаешь. Если я правильно запомнила, ты собирался начать с колен.

— Колени хорошо отделать дубинкой или, за неимением дубинки, свинцовой трубой. Если бить правильно — сбоку, то этот тип всю оставшуюся жизнь будет ходить как по палубе во время шторма. Затем я обработаю ему живот мешком с апельсинами. Знаешь, что это такое?

— Да, папа. Пять апельсинов кладутся в мешок, а затем этим мешком бьют по животу, так чтобы вызвать внутренние кровотечения, при этом снаружи ничего не будет видно.

— Ну, и напоследок — зубы. После моей чистки он будет говорить так: *Я фольфе не фуфу!* — что означает: *Я больше не буду!*

— Папа…

— Если кто-нибудь сделает тебе плохо, я именно это с ним и проделаю. Клянусь тебе. Можешь так ему и сказать.

Несмотря на серьезность тона, Фред испытывал настоящее удовольствие, представляя себе, как расправится с этим паршивцем, влюбившимся в его дочь. Бэль же, несмотря на нарисованные им жуткие картины, не могла не улыбнуться, представив себе разобранного на

части Франсуа Ларжильера. Которого она сама же и соберет, после чего он станет ее вечным должником.

Магги, с садовым шлангом в руках, наблюдала за ними издали и жалела, что не слышит ни слова из их шушуканья. Она без всякого восторга занималась садом, пришедшим со времени ее отъезда в полное запустение: на тамариск жалко смотреть, смоковница в этом году почти не плодоносила, розы явно не переживут зиму, а белый лавр совсем зачах.

— Сегодня ведь суббота? Придет машина с пиццей. Сходи купи четыре штуки, — попросила она Фреда. — С салатом будет вполне достаточно.

Просьба, высказанная твердым тоном, не подлежала обжалованию. Фред снял трубку и, не набирая номера, привычно подождал ответа.

— Боулз? Я иду за пиццей. Могу сходить и один — смотрите сами. Может, и на вас захватить?

Федеральный агент знал, что в присутствии семьи Фред гораздо меньше способен на глупости.

— Овощную, без сыра.

Накинув кожаную куртку, Фред спустился в деревню, на центральную площадь, где пересекались дороги из Монтелимара и Дьельфи. Он остановился у бистро заказать два пастиса, которые собирался выпить с «пиццайоло» прямо у его машины. Это был ритуал, соблюдавшийся и зимой, и летом.

— Глядите-ка — писатель, — сказал тот, вытирая испачканный мукой потный лоб. — Вот ведь ругает, ругает мою пиццу, а все равно приходит за ней.

— Ну, с тестом вы, кажется, что-то уже поняли, а вот над начинкой вам еще работать и работать.

Фреду удалось найти общий язык с жителями Мазенка: те считали его творческой личностью, укрывшейся от мира в своем замке, чтобы творить сутки напролет. С другой стороны, он был веселый малый и мог потрепаться с деревенскими сплетниками, выпить с местными пьяницами и приласкать собачку какой-нибудь старушки. Продавец пиццы Пьер Фулон был одним из немногих, чье расположение Фред действительно хотел завоевать.

— Скоро вы перестанете ругать мою пиццу, писатель.

— Почему? Вы что, собираетесь отправиться на учебу к Матео, в Неаполь?

— Да нет, просто мне придется закрыть лавочку.

— …Правда?

— Правда-правда.

— Беру все свои слова обратно. У вас отличная пицца, особенно «кальцоне».[10]

— Кроме шуток. Закрываюсь я.

Чувствовалось, что ему хочется поделиться.

— Не выходит у меня ничего, надо продавать грузовик.

— Но… Вы же сами недавно говорили, что вас уже знают повсюду в округе.

— Верно.

— Знаете, у моей жены в Париже есть заведение, похожее на ваше, еда навынос, что-то в таком роде. Если у вас сложности с бухгалтерией, она могла бы вам что-нибудь посоветовать.

Пьер Фулон, бывший шофер-дальнобойщик, за долгие годы работы исколесил всю Европу. Однажды, устав от такой жизни и осознав, что не видит, как растет его младшенькая, он уволился на свой страх и риск, чтобы поставить все на осуществление давней мечты, пахнувшей мукой и томатным соусом. Он купил грузовичок и лицензию и, преодолев первые трудности, стал местным «пиццайоло», объезжая каждую неделю семь или восемь окрестных

деревень. Вечером, всегда в одно и то же время, он возвращался домой, чтобы поиграть с младшенькой, особенно любившей его пиццу с анчоусами.

— Да нет, дело не в бухгалтерии.

Фреду уже было не отвертеться от этого потока откровений, без которого он вполне мог бы обойтись. И зачем только он завел этот разговор? Теперь его не остановишь…

— Так в чем же проблема? — без всякого интереса спросил он.

Для финансирования своего предприятия и оплаты грузовичка и пекарни Пьер Фулон был вынужден сдать внаем единственное свое достояние — большую трехкомнатную квартиру в Монтелимаре. Сам же с семьей перебрался в деревню, где начал новую жизнь. Однако положение его было довольно шатким, бывали месяцы, когда какая-нибудь сотня евро могла нарушить это неустойчивое равновесие.

Интересно, почему люди всегда рассказывают о своих проблемах с такими жуткими подробностями, подумал Фред. Ему казалось просто неприличным доверяться малознакомому человеку, да еще и показывать ему свою слабость.

— …Но настоящие заморочки начались год назад, — продолжал тот.

Его жилец вдруг перестал платить за квартиру. Пьер Фулон ждал, пытался договориться, предложил ему даже переселиться в сарай — удобств, конечно, немного, но зато бесплатно, но наглый жилец смеялся ему в лицо.

Фред едва слушал его и молился, чтобы «пиццайоло» занялся наконец тестом. Две пиццы «кальцоне», две неаполитанские и одна овощная без сыра сами собой не образуются, не торчать же тут весь день, тем более что он вполне может жаловаться на судьбу, одновременно замешивая тесто, черт бы его побрал!

— Я хотел подать на него жалобу, но социальные службы ее отклонили: нельзя выставлять человека на улицу среди зимы. Но я вам главное скажу: парень-то, оказывается, при деньгах! Он там у меня еще и покер организует!

Где Фред будет брать пиццу, если Пьер Фулон прикроет свою лавочку? Он уже попробовал две-три пиццерии в Монтелимаре, но ни одна его не устроила. О заморозке и прочих подобных мерзостях не может быть и речи. Тогда что?

— А еще соседи сообщили о неполадках с водой и каком-то строительном шуме в квартире, и это мне совсем не понравилось. Тогда я решил сам туда наведаться, знаю, что не имел такого права, но у меня был дубликат ключей.

Самому готовить? Но для этого нужно оборудование, обычная плита не дает необходимого жара. Поставить печь для пиццы прямо в саду? Так за ней придется ухаживать не меньше, чем за бассейном, не говоря уж о работах, о запросе на разрешение — хлопот не оберешься.

— Я не успел ничего разглядеть, как этот козел-жилец вызвал полицию. Он даже заявление подал о взломе. По закону имеет право.

Теперь над Пьером Фулоном висели лишение свободы и штраф в пятнадцать тысяч евро.

— Надеюсь, меня возьмут на старую работу — чтобы рассчитаться с долгами.

— А вы подумали о тех, кто останется без вашей пиццы? Надо бороться, должно же быть какое-то решение. И когда вы справитесь с этим испытанием, то поймете, как верна пословица: «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

Но тот не понимал, как такой удар судьбы может оказаться на пользу.

— Единственное утешение для меня, — сказал Фред, — это то, что я никогда не увижу больше в вашем меню этой гадости — гавайской пиццы. Ананас и кукуруза на одной лепешке? Ффффуууу…

* * *

Дома у родителей Уоррен утратил свой обычный юмор — тот самый, которым он так умело пользовался с детства, защищаясь им наподобие доспеха от посягательств на свою личность. Он не посмеивался больше ни над литературными амбициями отца, ни над коммерческими экспериментами матери, мучаясь вопросом, не пора ли объявить им о своей связи с Леной. До сих пор он скрывал от них эти отношения, боясь, что они воспротивятся его решению, как это было с его работой. Когда ему предложили салата, он чуть не ляпнул, что влюблен в девушку-вегетарианку, которая здорово готовит водоросли и тофу. Когда заговорили о грозе, которая, возможно, разразится после обеда, он чуть не добавил, что его девушка ужасно боится грома и что это отличная причина, чтобы на ней жениться. Однако, слушая, как отец спрашивает его: «Ты что, не ешь краешки пиццы?», как мать жалуется на слишком большие отчисления на соцобеспечение, глядя, как сестра возится с мобильником, Уоррен решил, что подходящий момент еще не настал, и тут же засомневался, настанет ли он вообще когда-нибудь. Он дожидался конца обеда, чтобы сразу помчаться в Монтелимар и до вечера пробыть у своей возлюбленной. Но когда он встал из-за стола, отец сказал ему:

— Поможешь мне сегодня привести в порядок бассейн? Надо спустить воду и почистить его, а то там уже завелись неизвестные представители флоры и фауны.

Фред придумал этот предлог, чтобы побыть с ним наедине, и Уоррен не решился, едва приехав, отмахнуться от отца. Фреду же хотелось узнать, не изменил ли сын своего намерения или все так же собирается стать *полировщиком паркета.*

— Твой прадед заправлял в Атлантик-Сити, когда великий Аль создавал преступный синдикат. Твой дед был доверенным лицом Лучано. Я, твой отец, поднял армию и завоевал все восточное побережье. А ты собираешься гнуть спину на хозяина с рубанком в руках?

Такие разговоры были одной из причин, по которым Уоррен старался как можно реже показываться на холме Мазенка. Он не пытался больше оправдываться, а лишь удивлялся презрению, с каким отец относился к будущему сына. Отец, с которым сын не мог поделиться двумя самыми главными событиями своей новой, взрослой жизни.

Остаток дня они провели в глубоком молчании — чистили, сливали, откачивали загнившую воду — под неусыпным наблюдением Малавиты и Боулза, приникшего к окошку своей комнаты. Фреду захотелось, пока сын не отправился к себе наверх, хоть немного восстановить с ним дружеские отношения, и он спросил как бы невзначай:

— И когда ты покажешь нам свою невесту?

Уоррен уже несколько месяцев ждал такого удобного случая, и вот этот случай представился сам собой. Он готов был уже признаться в любви к девушке, которая — это судьба! — окончательно и бесповоротно вошла в его жизнь. Но не успел он пуститься в откровения, как Фред добавил:

— Да это я так говорю — невесту. Подумай о своем старом отце, брошенном тут без друзей, без знакомых. Навези-ка сюда девиц, да побольше, чтоб разгуливали вокруг бассейна без лифчиков, — больших и маленьких, беленьких и черненьких, всяких разных, каких захочешь. Уважь старика. На тебя вся надежда, сынок!

* * *

Когда настала ночь, Фред и Магги занялись любовью, после чего наконец-то смогли поговорить.

— Прости, у меня вчера, когда я приехала, было жуткое настроение. Набросилась на тебя как собака.

— Мне больше нравится, когда ты набрасываешься на меня как сука.

Они согласились друг с другом, что теперь, прежде чем оказаться в постели, им надо пробыть под одной крышей не меньше суток; потом перешли к насущным темам: работа, семья, ФБР. Они заснули, но через час дурной сон заставил Фреда очнуться, он стал ворочаться, взбивать подушку и разбудил Магги.

— …Ты что, опять собираешься играть в писателя?

Великое вдохновение, снизошедшее на Фреда накануне, посещало его нечасто, и сейчас он не испытывал ни малейшего желания садиться за работу. Да и во сне ему явился не литературный персонаж, а совершенно реальный тип. Ладно бы еще его потревожила какая-нибудь из прежних жертв — тут было из чего выбрать. Но почему в три часа ночи немым укором перед ним замаячило лицо Пьера Фулона? Этому-то он ничего плохого не сделал, совсем даже наоборот. Они называли друг друга «писатель» и «пиццайоло», выпивали вместе, шутили, а не далее как сегодня днем Фред выслушивал его жалобы. Да, у парня трудный период, но в этом мире каждому приходится нести свой крест. И как такой замухрышка вообще может сниться? Кто он такой? Да никто — часть декорации; исчезни сегодня-завтра со сцены, никто и не заметит?

Нет, снова ему не уснуть, надо принимать меры. Он подумал было посмотреть, надев наушники, DVD, но фильмов, способных его усыпить, было мало. Снотворное? Нет, Фред слишком боялся этого ватного состояния, в которое его погружали лекарства. Тогда что?

Недолго думая он взял с тумбочки роман в семьсот тридцать одну страницу, карманное издание — триста восемьдесят граммов литературы. Он взвесил его на руке, как взвешивал собственные романы, когда получал готовый экземпляр. Этот будет потяжелее, шрифт мельче, строчки плотнее. Настоящая книга.

Фред написал больше страниц, чем прочел. Самое время обратиться к классикам — надо же понять, благодаря чему они ими стали. Это решение прочитать от начала до конца роман, написанный кем-то другим, пришло к нему не сразу. В то время как один тихий голосок внутри него шептал, что он не виноват, что не любит читать, другой напоминал: его собственные сын и дочь с детства и без всякого принуждения читают книжки, в которых нет ни одной картинки, и ведь находят в этом удовольствие! И другие люди в разных точках земного шара, в разное время дня и ночи испытывают такое же наслаждение. Они не становятся от этого ни интеллектуалами, ни фанатами чтения, они просто читатели — погружаются время от времени в книгу и пускаются в странствие по ее страницам. Застыв в неподвижности на долгие часы, они дают волю воображению, позволяя вести себя туда, куда захочет автор. *Так почему же* я *так не могу, черт побери?* После пятидесяти одного года раздумий Фред ощутил наконец в себе силы раскрыть книгу и прочитать ее до последней страницы. Когда-то он был способен на подвиги, немыслимые для большинства смертных, как то: набить морды целой банде байкеров, заблокировавших въезд на парковку, или взорвать бензоколонку — так неужели ему не осилить какую-то книгу?

Выбор ее и ожидание доставили ему особое удовольствие. Начиная новую, неизведанную жизнь читателя, он решил брать как можно выше. Главное было найти такую книгу, раскрывая которую ты будто входишь в церковь, мощный роман, способный расколоть мир надвое — на тех, кто его читал, и всех остальных. Из имен, пришедших ему на ум, были Хемингуэй и Стейнбек. Образ первого нравился Фреду: мужественный парень, бокс, коррида, драки, война — из всего этого должны получаться хорошие романы. Но Хемингуэй — монумент, национальное достояние, он настолько известен, что читать его нет никакой необходимости, с великими писателями всегда так. Стейнбек тоже монумент в своем роде, но не такой броский, более утонченный, у него и вещи-то, наверно, более изысканные, вроде

вот этого: «О мышах и людях». А может, это Фолкнер написал? Или еще кто-нибудь? Чтобы выяснить это, Фред раскрыл словарь. Оказалось, что Уильям Фолкнер написал «Дикие пальмы» и «Шум и ярость», которые Фред готов был приписать Стейнбеку по странной ассоциации с «Гроздьями гнева». А вот авторство «О мышах и людях» принадлежало именно Стейнбеку, правда, Фред готов был поспорить, что «На восток от Эдема» — это не его вещь, а Хемингуэя, читать которую уже не стоило, поскольку он видел фильм.

В списке произведений Фолкнера он остановился на незнакомом названии, которое вполне могло сгодиться: «Когда я умирала». Фред прекрасно представлял себе, как будет читать эту книгу. Он столько раз видел, как умирают люди, что ему было интересно послушать признания такого бедняги. Фред дорого дал бы за такое название, он уже видел себя за столиком бистро в Мазенке, перед ним раскрытая книга, а рядом хозяин бистро спрашивает: «„Когда я умирал‟ — о чем это, мсье Уэйн?» А и правда, о чем?

То, что он прочел в энциклопедии, ему не понравилось: речь шла о семье фермеров, которые перевозят в тележке разлагающееся тело матери. Увы, Фреду самому довелось пережить нечто подобное, и даже если обстоятельства тогда были совершенно иные, ему вовсе не хотелось, читая книгу, будить такие тяжелые воспоминания. Его мать Амелия Манцони, урожденная Фьоре, умерла во сне от эмболии легочной артерии, что затруднило определение причины смерти. На том бы дело и кончилось, если бы за несколько дней до смерти Амелию не навестил ее брат Тони, чтобы припрятать у нее сто пятьдесят тысяч долларов, взятых им во время ограбления одного ювелира. Полиция сделала обыск и обнаружила деньги, но Тони успел сбежать в Канаду, чтобы отсидеться там до лучших времен. Следователь, который вел дело, потребовал вскрытия, желая установить связь между этой внезапной смертью и обнаруженной суммой денег. Чезаре, его отец, попытался убедить власти в том, что речь идет о чистом совпадении, однако им пришлось какое-то время ждать разрешения для выдачи тела семье. В течение этих трех дней все Фьоре сгрудились у Манцони, и эта скученность и теснота лишь обострили существовавшие между ними напряженные отношения. Разрешение на похороны было воспринято как избавление, дело провернули в одно утро. Дядюшке Тони, который по-прежнему находился в бегах, удалось-таки попрощаться со старшей сестрой, а вот свои сто пятьдесят тысяч он больше не увидел.

Итак, с этими тремя писателями ему не повезло, и Фред решил обратиться к Дос Пассосу — исключительно ради звучности фамилии. Дос Пассос. Еще не начав читать, он уже хотел дойти до конца, чтобы в разговоре к месту и не к месту вставлять: «Джон Дос Пассос». В библиографии Фред остановился на «42-й параллели», но потом понял, что вся трилогия составляет не меньше тысячи страниц. Тогда его внимание привлек «Манхэттен», «монументальное полотно об истории возникновения Нью-Йорка». Монументальное полотно об истории возникновения Нью-Йорка? Он сам из Нью-Йорка, и ему не больно-то интересно читать о том, как Нью-Йорк стал Нью-Йорком, он и сам внес в это дело свою скромную лепту. Забыв про Дос Пассоса, Фред стал присматриваться к Скотту Фицджеральду, который имел неосторожность написать роман под названием «Ночь нежна». Фред не решался читать «Ночь нежна», после того как отверг «Когда я умирала». Конечно, если бы «Когда я умирала» написал Дос Пассос и если бы в этой книжке рассказывалось не о семье, которая жаждет отделаться от трупа матери, а о чем-нибудь другом, проблема была бы решена. Господи, и как только настоящие читатели выбирают, что им читать?

И вот однажды вечером, когда он смотрел по «Нэйшнл джеографик» документальный фильм о китах, его осенило: он будет читать «Моби Дика» Германа Мелвилла.

«Моби Дик» — это ведь история про одного типа, который всю жизнь гоняется за китом? Приключения, преодоление трудностей, океанские просторы — чего лучше? Целые поколения читателей — от малограмотных до эрудитов — были в восторге от этого романа. В энциклопедии он прочел, что автора всю жизнь преследовала мысль, что его творчество не

будет признано при жизни. Фред прекрасно мог понять такую тревогу. Зачем искать еще чего-то? Это будет Мелвилл.

Ввиду невозможности достать «Моби Дика» по-английски в Монтелимаре Фред подумал было попросить жену привезти ему книгу из Парижа. Но Магги, безжалостно критиковавшая литературные поползновения мужа, если и исполнила бы эту его просьбу, то крайне неохотно, и уж точно не преминула бы лишний раз его кольнуть. Не имея доступа к Интернету, Фред попросил Боулза заказать ему книгу в американском Интернет-магазине.

Неделю спустя, достав книгу из почтового ящика, Фред вдруг испугался и спрятал ее в прикроватную тумбочку, даже не раскрыв. Несколько дней он оттягивал решающий момент, выискивая для этого все новые и новые причины. Он даже удвоил темп работы — чтобы у него не оставалось ни времени, ни сил приступить к чтению. *Раскрой же ее, черт побери, а дальше Мелвилл сам сделает свое дело.*

В эту бессонную ночь, лежа рядом с прижавшейся к нему женой, он понял, что момент настал. Он зажег ночник, сел в постели, стараясь не разбудить Магги, и раскрыл роман на первой строчке первой главы.

Зовите меня Измаил.

Ну вот. Он читает Германа Мелвилла.

Он только что бросился на штурм «Моби Дика»!

Темной ночью, при розовом свете ночника, Фред впервые в жизни отправлялся в долгое плавание, начинавшееся словами:

Зовите меня Измаил.

Сколько препятствий преодолел он, начиная с самого детства, прежде чем добраться до начала этого романа? В доме Манцони он ни разу не видел ни одной книги, там читали только газеты, главным образом для того, чтобы узнавать новости о семье, когда одного из ее членов арестовывали или отдавали под суд. Сколько раз он видел, как отец, оторвавшись от газеты, говорил: «Теперь я понимаю, почему кузен Винни не отвечает на телефон: он только что схлопотал два года в Джолиете». Настоящие книги маленький Джанни увидел, только когда пошел в школу, но он едва успел освоить алфавит, как вынужден был вернуться на улицу, где организовал свою первую банду. Его личное дело было передано в префектуру Ньюарка, и с этого дня школа и всё, чему там учили, отошли для него в прошлое.

В последующие годы он не просто не читал книг, а еще и трубил направо и налево о своем отвращении к литературе. В первый раз он проклял ее в день, когда Дон Пользинелли велел ему «заняться» мелким подрядчиком сицилийского происхождения, который старательно избегал всяческих контактов с криминалом. Едва услышав имя какого-нибудь мафиозо, он сплевывал и отметал любые сделки, предлагаемые посланцами местной семьи. В сущности, что такого от него требовалось? Да ничего особенного — одни подряды брать, от других отказываться, взамен же он получал солидных клиентов и охраняемые стройплощадки. Но нет, он не желал никакой *протекции* от своих единоверцев, публично оскорблял их и даже пожаловался властям на запугивание с их стороны; впрочем, это не помешало Джанни сломать ему плечо, как цыплячье крылышко. Однако тот продолжал упорствовать, снова подал жалобу на побои и увечья и дал интервью представителю местной прессы: он-де никогда не дрогнет перед этими скотами и мечтает о временах, когда справедливость восторжествует наконец в его стране — Соединенных Штатах Америки. Через неделю после этого Джанни получил приказ устроить маленькому подрядчику показательную

казнь — чтобы другим было неповадно. Он применил классический метод, напоминавший о лучших временах преступного синдиката: два человека в машине, один — шофер, другой — исполнитель, стреляющий в упор. Это все равно что поставить подпись: *ЛКН.* Джимми Ломбарде и Джанни Манцони подождали жертву у выхода из бара, где, как всегда по пятницам, он пил после работы пиво со своими рабочими. Джимми, сидевший за рулем старенького форда, угнанного за два часа до этого, выскочил из переулка в тот самый момент, когда тот тип переходил улицу. Джанни с идеальной точностью всадил ему три пули в область сердца, и «мустанг» на полной скорости скрылся в лабиринте улиц осеннего Ньюарка.

А назавтра все узнали плохую новость: тип выжил.

Читая статью на первой полосе «Ньюарк дейли», Джанни чуть не плакал. Фотография изображала чудом уцелевшего подрядчика на больничной койке — в полном сознании и чуть ли не улыбающимся. Джанни ничего не понимал: он прекрасно помнил, как все его три пули попали в область сердца; после такого остаться в живых просто невозможно. В вечернем выпуске таинственная история наконец разъяснилась. Все три выстрела действительно попали куда надо: первая пуля прошла через левую грудную мышцу на уровне подмышки, а вот две другие застряли в кожаном переплете лежавшего в кармане его рабочего комбинезона издания — достаточно толстого, чтобы удержать две пули калибра 6,35, выпущенные с пяти метров.

Джованни несколько раз перечитал фразу, чтобы удостовериться, правильно ли он все понял. *В кожаном переплете издания?*

В книжке?

Так что ли это понимать? В дурацкой книженции? В одной из этих хреновин, что пылятся в библиотеке на полках, или на столиках, или в книжном магазине, где пахнет плесенью? В хреновине, которую можно найти в сумке у студента, но уж никак не в сраном комбинезоне чертова работяги, топающего к себе домой после выпивки в бистро!

И это была чистая правда. Подрядчик за всю свою жизнь только и прочитал, что *Annìù suli non tramonta mai* Агиле Лунгарелли, единственного писателя, родившегося в том же портовом городке, что и он, — в Фикарацци, где «никогда не заходит солнце». Эта книжка лучше, чем любой документальный фильм, напоминала ему о корнях, описывая почти без прикрас местных жителей, любовно рисуя знакомые пейзажи: пустынные равнины и скалистые горы над синим морем. Подрядчик дал почитать это драгоценное произведение одному из своих рабочих, родом из описываемого местечка, и рабочий вернул ему книгу в тот самый день, когда Джанни поджидал его со стволом на углу.

Подрядчик и раньше был привязан к этой книге, но теперь, когда она спасла ему жизнь, книга стала для него настоящей реликвией. Он позвал священника, чтобы тот освятил издание, которое отныне красовалось на небольшом алтаре, воздвигнутом по такому случаю посреди гостиной, и его соседи выстраивались в очередь, чтобы полистать чудо-книгу. Родилась легенда о человеке, ею спасенном. С этого момента чудом выжившего подрядчика было уже не достать. Единственный итальянец в Ньюарке, оказавший сопротивление мафии, он теперь спокойно доживал свой век на пенсии в тени кокосовых пальм.

После такого унижения — а его все дружно подняли на смех — Джанни проклял раз и навсегда все книги в мире. Зачем они нужны, миллиарды миллиардов этих сраных книжек на пороге третьего-то тысячелетия? Сколько деревьев гибнет ради бесконечных описаний всяких пейзажей и лиц, которых и на свете-то никогда не было! Кому нужны все эти описания в век цифровых технологий? Зачем, черт побери, подыхать со скуки, читая на тридцати страницах описание падающей башни, когда нет в мире такого человека, который не знал бы о пизанской достопримечательности. Достаточно один раз увидеть ее на фотографии — и ты навсегда ее запомнишь! А эти романы, напичканные бесполезными

подробностями и немыслимыми историями, где каждая фраза опровергается самой жизнью? Что можно почерпнуть из этих книг, если в них нет ни грамма от настоящей жизни?

Когда Джанни узнал, что каждый человек в мире, даже самый отсталый из его подручных, прочитал хотя бы *одну* книжку, он очень удивился. Однажды он застал за чтением своего товарища по оружию Джимми. Тот читал детектив.

— А что, мне нравится, снимает напряжение.

Он видел, как его дети, подрастая, все больше и больше интересуются книгами. Когда Бэль была еще совсем маленькой, ее часто находили в саду с томиком стихов в руках. Она уже понимала, что такое стихи, и даже сама пыталась сочинять — например, как-то она зарифмовала *красотам, доброта,* чем вызвала восхищение своего отца. Хотя стихи Джованни жаловал еще меньше, чем прозу. Поэзия ничего не рассказывала, она просто метала снопы образов, слепляла между собой слова, которые и соединять-то нельзя, и все это должно было бередить душу, — да еще с такой восторженностью, что становилось и вовсе противно. Того Манцони, которым он был тогда, оскорбляла сама мысль о поэзии, и жена напрасно пыталась ему объяснить, что стихи — это как бы песня без музыки, ему виделось во всем подобном что-то неестественное. Это же в каком мире надо жить, чтобы приходить в восторг от стихов?

Уоррен читал очерки об истории мафии — от истоков до наших дней. Очерки! В двенадцать лет он знал о ритуалах, истории, методах, символике и строении великого братства больше, чем его отец.

— Надо же, папа, а я и не знал, что слово МАФИЯ появилось в середине тринадцатого века, когда сицилийцы боролись с французскими завоевателями. На самом деле это сокращение: *Morte Ai Francesi Italia Anela,* что означает: «Италия жаждет смерти французов».

— ...?

В том же возрасте Уоррен не только посмотрел, но и прочитал знаменитого «Крестного отца» Марио Пьюзо — новое евангелие мафиози, книгу, которая превратила их из скотов и психопатов в легендарных гангстеров. Читая ее, Уоррен жил вне окружающего мира. Он перестал гонять по улице с соседскими ребятами, запирался у себя в комнате, готовый послать подальше каждого, кто попытается ему помешать. Фред и Магги вынуждены были признать: их любимчик стал другим, что-то сильно изменило его. Он почти не отвечал на ласки матери, зато его восхищение перед отцом удвоилось. Он знал теперь, что такое глава клана, заправлявший огромными темными делами. Папа был *из таких,* и это он узнал благодаря книге. В конце концов Джанни смирился с чудовищной мыслью: он был единственным человеком в мире, не прочитавшим ни одной книжки. Но сколько времени он от этого выиграл, черт побери! Он не просиживал задницу на стуле, пытаясь поверить во все эти идиотские истории, а действовал. Он, Джованни Манцони, сам каждый день проживал по роману. Романы — это для фраеров, для тех, кому рыбалка — уже приключение, кому лопнувшая шина — удар судьбы, для тех, кто платит налоги, потому что от них этого требуют, кто всего боится, кто боится даже бояться, но при этом не может не бояться, для тех, кто всю жизнь мучается, смертельно мучается, — да, такие могут позабыть о своем жалком существовании, проникнувшись чувствами бумажных героев.

Зовите меня Измаил.

Так, значит, это первая фраза. В общем-то, почему бы и нет? Парень просто говорит, как его зовут, представился — и дело с концом. Можно идти дальше, переходить ко всем этим штучкам — открытое море, кит и все такое. Это ж надо было решиться начать вот так,

просто, без прикрас, подумал Фред, потративший уйму времени на сочинение первой фразы «Империи тьмы», второго своего романа. А ведь он вполне мог начать так же:

Зовите меня Ласло Прайор.

Мелвиллу можно, а Фреду — нет. Нет у него на это никакого права. Когда он решил начать писать, домашние не приняли его нового занятия и всячески над ним подтрунивали, а он молча сносил их насмешки — не расправляться же с собственной семьей? Однажды он случайно услышал слова Уоррена — самые жестокие из всего, что он уже слышал: «Папа? Пишет роман? Да обезьяна, которая молотит без разбора по клавишам, и та скорее выдаст что-нибудь путное, чем он!» Фред воспринял этот образ буквально и представил себя в виде шимпанзе, который, гримасничая от напряжения, раздумывает, на какую клавишу нажать — все равно на какую. Это повторялось каждый раз, когда он осмеливался закрыться у себя со своей машинкой и пачкой бумаги. Его не щадили, словно его безумная мечта их пугала. Да, они боялись, но не только того, что он вытащит наружу свое гангстерское прошлое и запишет на бумаге свои воспоминания — воспоминания кровавого убийцы, этот страх лежал гораздо глубже, и его невозможно было определить. Фред не должен был писать, потому что это неприлично, это выбивается из привычной логики вещей, не вписывается в обычное мироустройство. Кроме нелепости, было в этом что-то гнусное, как во времена его мафиозной деятельности, — полное отсутствие уважения к общепринятым нормам, безнаказанность, позволявшая с легкостью попирать человеческие законы и создавать новые для личного употребления. Принимаясь за роман, он брал читателей в заложники, как когда-то клиентов банка. И не важно, какой будет результат, пусть даже не самый плохой, — зло уже свершилось и продолжало совершаться изо дня в день, не подлежа обсуждению, ибо никто, даже внутренний голос, ни разу не сказал Фреду: *Одумайся, несчастный! Разве ты не знаешь, что до тебя миллионы безумцев пробовали свои силы в этом деле и лишь единицам удалось совершить это священнодейство? Их стиль, их вдохновение породили высокое искусство, они обогатили художественное наследие человечества. Ты же никогда не скажешь ничего, что могло бы сравниться по яркости с белизной этого листа. Так оставь же ему его незапятнанную чистоту — это лучшее, что ты можешь сделать для литературы.* Ничего такого он не услышал и принялся молотить жирными пальцами по клавишам. Молоточки ударили по бумаге, и посыпались слова — одно за другим, чаще всего они появлялись ночью, тайно, и вот их стало достаточно много, чтобы Фред присвоил им звание *романа.* Ни разу ему не пришла мысль о том, что он незаконно вторгся в Пантеон литературы, ни разу не испытал он искушения взглянуть на себя глазами последующих поколений: он чувствовал себя сильнее этих книжек, его жизнь стоит того, чтобы рассказать о ней другим, — пусть не думают, что такое бывает только в книгах. Конечно, в мире полно умников, которые знают, как и куда ставить запятые, но что, что они могут рассказать? А вот у него, Фреда Уэйна, он же Ласло Прайор, хранится в памяти столько потрясающих и при этом абсолютно реальных событий, что сама литература побоялась бы к ним подступиться.

Зовите меня Измаил.

Фред не решился сказать вот так — *меня,* выступив в роли рассказчика. Он отказался от этого я, решив, что оно хорошо для личного дневника, а личный дневник пишут от руки в тетрадке в клеточку. Фреду же хотелось написать *настоящую книгу,* с печатными буквами и ровными полями справа и слева. Роман — это, прежде всего, аккуратные страницы, как будто уже напечатанные: одно слово вылезет за край — и строчка пропала, перепечатывай ее заново. Эта навязчивая идея — что текст должен быть ровным и симметричным —

обусловила его манеру: он избегал слишком длинных слов, переносов, следил, чтобы знаки препинания ложились красиво. Он подбирал слова по размеру и, если у него не получалось правильно перенести слово в конце строки, подыскивал другое. Через несколько месяцев подобных упражнений он пришел к выводу: одно и то же можно сказать разными словами. Наверно, это и называется «стиль»?

О стиле Фред никогда не заботился. За первой страницей последовала вторая, потом еще и еще, он рассказывал свою жизнь языком простым и грубым, как он сам, называя вещи по их именам, не обращая внимания на повторы и отступления, двинуть в морду — значит, двинуть в морду, всадить пулю в живот — значит, всадить пулю в живот; в конце концов, в жизни, как и в книге, важен результат. Он игнорировал грамматику и синтаксис, как когда-то уголовный кодекс, и плевал на обороты и форму. Когда сын попытался ему вставить словечко на эту тему, Фред ничего не понял: что это еще за «стиль» такой? Для подкрепления своих доводов Уоррен решил обратиться к знакомым для отца понятиям.

— Допустим, ты все еще *капо* и тебе надо убрать одного типа. Кого ты пошлешь на дело: Паули Франчезе или Энтони Пэриша?

— Ну, это две совершенно разные школы. Энтони — рационалист, у него все всегда продумано до тонкостей, «вычищено». Он постарается прижать типа в самом неожиданном месте и прикончить побыстрее. А вот для Паули, наоборот, способ иногда важнее, чем результат. Он часто меняет оружие и никогда не повторяется. Все время что-то новенькое придумывает.

— Вот видишь, это и есть «стиль».

Как ни странно, доводы сына заставили Фреда призадуматься. С этого момента он стал обогащать свой лексикон средствами воровского жаргона, подбирал слова острые как бритва, придумывал убийственные метафоры, описывал душевные страдания так, словно речь шла о физических муках.

Но главными для него оставались все же смысл рассказа и желание поскорее его записать на бумагу. Воспоминания целой жизни, потраченной на гнусности, бурлили в нем и рвались наружу.

Было без десяти четыре ночи, глаза у него закрывались, и он решил не отдаваться больше во власть всех этих воспоминаний, дурных и хороших, а вернуться к герою, который только и успел, что назвать свое имя.

Зовите меня Измаил.

И тут же заснул при свете с раскрытой книгой на животе.

* * *

Когда он проснулся, в кровати рядом с ним было пусто. Фред поискал на ощупь книжку и обнаружил ее на полу. Он поднял ее, набросил халат, спустился в кухню, никого по пути не встретив, и налил себе остатки еще теплого кофе. Какое-то время он пребывал в невесомости, медленно собираясь с мыслями: *Сегодня воскресенье, они останутся тут до вечера.* Пришла собака и положила морду на колени хозяину.

Вошла Бэль, вся обвешанная сумками, и поцеловала отца в лоб.

— Мы с мамой были на рынке.

Укладывая содержимое сумок в холодильник, она спросила:

— Папа? Ты читаешь?

— …?

— Ты читаешь Мелвилла? Ты?

Бэль указала пальцем на томик, который Фред в полусне положил рядом с кофеваркой. Он действительно собирался вернуться к чтению, с того места, на котором остановился, сдвинуться наконец с первой строчки, пусть даже на это уйдет все воскресенье.

— Мне нужно, для моего романа, — ответил он. — Это трудно объяснить.

— И где ты находишься?

— Еще в самом начале.

— Прочитаешь страниц двести и увидишь, как это хорошо.

Фред потянулся, уже сраженный предстоящими трудностями. В словах дочери слышалось больше восхищения Мелвилл ом, чем им самим. Она что, не понимает, что такое двести страниц для такого, как он?

Неизвестно откуда появился Уоррен, свежевыбритый, нарядно одетый, что совсем на него не походило.

— Я сгоняю в Монтелимар, к обеду вернусь.

Он уже готов был выскочить их кухни на той же скорости, на которой влетел, как вдруг затормозил и повернулся к отцу.

— Что я вижу? Книжка?

— …

— Это что? «Моби Дик»? Папа читает «Моби Дика»?

Фред предпочел не отвечать и засунул книжку в карман халата.

— Зачем тебе париться с книжкой, есть же фильм. Старый, времен твоей молодости, с Грегори Пеком. Он и есть Ахав.

— …Кто?

— Грегори Пек.

— Нет, персонаж.

— Капитан Ахав.

Фред видел там только Измаила, никакого Ахава не было. Чего они хотят от него, рано утром, когда он еще не проснулся? Он еще не снялся с якоря, да и на палубу еще не поднимался, и вообще — только успел узнать, как зовут рассказчика, черт возьми.

Уоррен, который слишком спешил, чтобы продолжать этот разговор, выскочил на безымянную аллею, столкнулся там с матерью, разговаривавшей по телефону, и его фольксваген-«жук» на полной скорости выехал из деревни. Если накануне ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы остаться в Мазенке, то сегодня мысль о том, что Лена находится в паре десятков километров от него, а он не может с ней увидеться, показалась ему и вовсе невыносимой. Тем более что у него была для нее потрясающая новость.

Три дня назад, когда он ехал через лес в Веркоре, ему в голову пришла шальная мысль, мысль, которая, возможно, станет первым этапом их супружеской жизни. Ему подумалось, что, чем реставрировать какую-то каменную развалину, не лучше ли построить свою хижину — из чего придется, дерево, например, можно брать в окрестных лесах. Живя там, на высоте, он уже насмотрелся на такие жилища — самые разные, бревенчатые, из досок, на сваях. Мысль о том, что он будет жить в доме из материала, с которым работает, восторгала его больше всего. Патрон рассказывал ему о каком-то предприятии, которое разорилось из-за того, что вовремя не получило нужных разрешений, и теперь муниципалитет распродавал почти даром кучу древесины, которая вот-вот могла начать гнить. Бертран Донзело даже предложил ему выкупить эту древесину для него, а он расплатится, как только сможет. Надо только подыскать подходящий участок, да взять кредит в банке.

Когда он явился к Деларю, Лена не дала ему сказать ни слова.

— А почему ты не пригласил меня к твоим родителям? Такой удобный случай!

Застигнутый врасплох, Уоррен стал что-то бормотать о неподходящей ситуации в Мазенке и пообещал, что в следующий раз случай будет удобнее.

— Ты меня стыдишься?

— …Что, мой ангел?

— Ты стыдишься меня, Уоррен. Встань на мое место, и ты поймешь, что другого объяснения нет.

Конечно, у нее были причины для сомнений. Родители Лены и ее брат Гийом безоговорочно приняли Уоррена. Он спал у них в доме, залезал в их холодильник, доставал себе из ящика салфеточное кольцо и находил под рождественской елочкой подарки, надписанные его именем.

В самый первый раз, когда он ужинал у них, Лена решила его подбодрить: *Держись естественно, они совершенно простые люди.* Эта фраза говорила как раз об обратном, и Уоррен почувствовал, что его ждет испытание. В результате он весь вечер следил за тем, как ведут себя остальные, чтобы поступать так же. Его посадили справа от хозяйки дома, которую дети называли *мама.* Когда она предложила ему закуски, он, поймав нахмуренный взгляд Лены, выхватил у госпожи Деларю из рук блюдо, как того требуют правила хорошего тона, чтобы она положила себе первой. Когда подали блюдо с сырами, он так и не решился взять рокфора, к которому никто не притронулся, и отрезал себе только тоненький кусочек конте. Он не положил себе второй кусок торта, потому что все съели только по одному. На какое-то время разговор задержался на Моцарте и на постановке его «Женитьбы» в Лионской опере. Рене Деларю заметил мимоходом, что ее постановщик уже был замешан в весьма сомнительной интерпретации «Волшебной флейты». Все принялись оживленно беседовать на эту тему, Гийом упомянул «ностальгическую фантазию» композитора, и Уоррен подумал, что все отдал бы за такое замечание. Но нет, ему нечего было сказать о Моцарте, он видел, как и все, «Амадеуса», но вовремя удержался, чтобы не сказать: *Гениальный тип!* Его спросили, откуда у него такое имя — Уоррен Уэйн, он ответил: «Из Нью-Джерси, только это было очень давно», и все засмеялись, непонятно почему. Выходя из-за стола, Лена незаметно взяла его за руку и, пока они переходили в гостиную, шепнула на ухо, что он *отлично держался.*

Уоррен чувствовал себя как дома в этой семье, которая улаживала больше проблем, чем доставляла. По сравнению с Деларю, Манцони казались ему грубыми америкосами, неотесанными эмигрантами, которые, когда им надо было кого-то убедить, сразу повышали голос, и в чьих разговорах деятельность Фрэнка Костелло упоминалась чаще, чем произведения Моцарта. Так что, когда Лена произнесла эту ужасную фразу: «Ты меня стыдишься», все было как раз наоборот — он стыдился их.

Первое время Уоррен ссылался на частые поездки родителей в Штаты, затем стал приводить другие, разнообразные доводы: у матери депрессия, отец заканчивает трудный роман, семейные разборки, которые, естественно, проходили за закрытыми дверями. А потом ему стало не хватать фантазии, естественности, его отговорки становились все более сомнительными, и он проклинал себя за это.

— Ну, что теперь? Родители разводятся? Сестра сломала ногу?

Теперь каждая ложь Уоррена воспринималась как оскорбление, ставившее под сомнение их совместное будущее.

— Милый, если тебя что-то смущает, скажи просто. Ты думаешь, я не смогу понять, принять их такими, какие они есть или какими ты их считаешь?

— Знаю, знаю, мой ангел. Но мой отец — довольно… своеобразный человек.

— Ну и что? Он ведь никого не убивал, насколько мне известно!

Если бы Уоррен не прикусил язык, он ответил бы вот так:

«Я никому не пожелаю повстречать моего отца на своем пути, а еще меньше — сидеть с ним за одним столом. Когда он пьет чай, то с шумом втягивает его в себя вместе с тартинками, которые в нем размачивает. Он считает, что Шопенгауэр — это автогонщик, при виде же женщины его в последнюю очередь интересует ее лицо. Хотя неотесанность — это еще что! Он — убийца! Не в переносном смысле — в самом прямом. Мой отец убивал людей, и не на войне, а в самый благополучный период истории своей страны, убивал, чтобы жить припеваючи. Он принадлежит к опасному виду. Он не делает ничего из того, что говорит, но делает все, что думает. Имея дело с моим отцом, трудно предвидеть самое плохое — может не хватить воображения. У него пуленепробиваемое самомнение, и Богу надо было бы добавить еще пару-тройку заповедей — исключительно для него».

Эта правда, неприемлемая для многих, оказалась бы еще более неприемлемой для Лены, которая, несмотря на весь свой независимый вид, была очень уязвима и не выносила никакого насилия. Черта характера, свойственная всем Деларю. Для них если кто-то воровал, то от нужды, если кто-то убивал — то только потому, что у него было тяжелое детство. Если двое дрались, то ни тот, ни другой не мог быть прав — правда находилась где-то посередине. Когда конфликтовали две страны, уладить всё можно было только дипломатическим путем. Они свято верили в справедливость и считали, что от совести никуда не скрыться. Маленькая Лена воспитывалась на представлениях вроде того, что *злого человека накажет его собственная злоба* или *умный должен уступить.* Уоррен не переставал удивляться их невинности. Верхом всему стал печальный день, когда в их дом проникли грабители. Они не взяли почти ничего, кроме столика эпохи Наполеона Третьего, который передавался у Деларю от отца к сыну. Эта вещь была гордостью господина и госпожи Деларю, и ее пропажа стала их главным горем. Лена со слезами на глазах говорила о «насилии», ее не волновали ни стоимость украденного, ни даже его моральное значение для семьи, ее ужасала сама мысль о том, что кто-то посмел проникнуть в их семейный кокон. И ради чего? Ради горсти бумажек, которые потом пойдут порукам?

Как мог Уоррен при таких условиях признаться Лене, что в прежней жизни его отец закатывал людей в бетон, размышляя при этом, открыт ли еще китайский ресторанчик на углу… Что он жег и топил в крови целые кварталы, чтобы округлить свой месячный доход… И что если бы он пришел грабить Деларю, то заставил бы их сознаться, где они прячут сейф, которого у них никогда не было…

Даже если бы в пылу любви Лена сказала Уоррену: Ты *не виноват в преступлениях твоего отца,* она все время думала бы, не унаследовал ли он его страсти к насилию. Уоррен не хотел рисковать, он боялся увидеть однажды на ее лице это сомнение и что ее родители сочтут его за преемника Аль Капоне. Было еще кое-что похуже: вендетта. Пока жив хоть один итальянец, имеющий отношение к традиционной «Коза ностре», над Джанни Манцони и его потомками висела угроза смерти. Бэль и Уоррен как раз из них, и хотя они позабыли об этом, разве можно подвергать такой опасности ни в чем не повинных людей?

Уоррен слишком затянул с этим. Лена устала от его недоверия. Скоро она устанет и от него.

— Хочешь, я докажу тебе свою любовь, мой ангел?

— …?

— Торжественно обещаю тебе, что увижусь теперь с родными, только когда ты будешь рядом со мной.

Лена удивленно улыбнулась и позволила ему обнять себя за талию.

* * *

Воскресенье в Мазенке принимало совершенно неожиданный оборот. Клара только что вылила на Магги шквал дурных новостей, грозивших катастрофой. Торговец моцареллой, очередную партию которой ждали завтра, отказался от поставок: какой-то совершенно новый клиент скупил всю его продукцию и запросил эксклюзивных прав на сыр по цене, ставившей его вне конкуренции. В то же время неизвестный позвонил поставщику пармезана из Реджио Эмилия и выразил сомнения относительно финансовой состоятельности «Пармезана», намекнув, что заведение находится на грани разорения и вот-вот окажется под судебным надзором как неплатежеспособное. Переубедить его Кларе не удалось. Но что хуже всего, Рафи вернулся с рынка Ренжи с пустыми руками: все отборные баклажаны были скуплены неизвестным клиентом, который собирался ежедневно, не торгуясь, закупать весь товар. В последний момент Рафи удалось перехватить партию овощей у торговца с бульвара Шаронн, но дороже и худшего качества.

— Я иду на поезд. Скоро приеду, — сказала Магги.

О совпадениях не могло быть и речи. Она знала имя того, кто подложил ей эту свинью. Найти новых поставщиков будет нелегко, придется сначала протестировать их продукцию, потом убедить их выбрать в клиенты именно ее, что потребует времени и денег, а где их взять. Конечно, она могла понизить свои требования к товару, ее шестьсот порций в день и так распродадутся, но вот эта-то логика — логика ее злейших врагов — и была ей противна больше всего.

В какой-то момент Магги захотелось все бросить. В конце концов, не будет же она наживать себе язву из-за тарелки баклажанов или впадать в депрессию из-за своего заведения?! Она уже доказала себе все, что хотела. Теперь можно прикрыть потихоньку лавочку и вернуться к своему садику.

В нескольких метрах от нее, на диване в большой гостиной, Бэль пыталась заниматься своими лекциями, но ей было никак не сосредоточиться. И что она теряет время с этим Франсуа Ларжильером? Он только и твердит во весь голос, что не подходит ей, что не верит в единство противоположностей. И что она привязалась к этому психу, который смотрит на нее как на бедствие? Упрекает ее в том, что она слишком живая?

Да *пропади он пропадом со своими шестью экранами и двенадцатью комнатами, идиот!*

Не успела она принять это решение, как вышеупомянутый псих позвонил ей на мобильник.

— Бэль, мне вас не хватает.

Наверху Фред в ожидании обеда заперся в комнатушке с голыми стенами, бывшей когда-то, очевидно, монашеской кельей. Он хотел снова заняться чтением — чтобы никто не смотрел на него словно на дебила, выбравшего себе занятие не по силам.

Зовите меня Измаил.

Точно, Грегори Пек, вот черт! Не важно, как там его звали, этого героя — Измаил, Ахав или иным именем, — перед ним так и стояло лицо Грегори Пека. И все из-за этого поганца Уоррена!

— Фред?.. Ты где?

Господи, да оставят его когда-нибудь в покое или нет? В поисках мужа Магги открывала все двери на этаже. Сейчас небось тоже скажет что-нибудь такое, чего он никак не заслужил.

И все оттого, что он взял в руки книгу — он, чудище необразованное. У него нет даже права на сомнение, ему даже попробовать нельзя.

— У меня неприятности в «Пармезане», это срочно, я успеваю на двенадцать ноль шесть. Прости. У тебя в холодильнике еды на три дня.

Вошла Бэль и на ходу поцеловала отца.

— Я поеду с мамой. В следующий раз останусь на подольше, а сейчас… Да, звонил Уоррен, он обедает в Монтелимаре, а оттуда поедет прямо к себе. Он тебя целует.

Через десять минут, так и не поняв ничего в этом стремительном бегстве, Фред остался один посреди ставшего ему уже привычным безмолвия. Ошарашенный, лежа в своей келье с книгой в руках.

Он встал и пошел к своей пишущей машинке. Завернувшись в милое сердцу одиночество, он напечатал несколько фраз, нашептанных внезапно подступившей грустью. Что ж, если он больше никому из своих не нужен, то и они ему не нужны. Теперь он может посвятить все свое время тому, что стало главным в его жизни, — желанию рассказывать. Вторая глава на подходе, пора с ней разобраться, сейчас или никогда.

«Моби Дик» подождет.

Из своего укрытия вышла Малавита и пошла в кабинет хозяина спать под мерный стук машинки.

3

Найти адрес квартиры Пьера Фулона в Монтелимаре не составило никакого труда. В те времена, когда Джанни Манцони требовалось достать какого-нибудь неплательщика, раздобыть его адрес было самой легкой частью работы. Он начинал с обычных угроз: Мы *знаем, где ты живешь, козел,* — при этом чаще всего блефовал, но адрес и правда был вопросом времени. Кроме прочих своих талантов, он умел работать с частными детективами и иногда пользовался их методами — было в Ньюарке несколько таких, большей частью бывших копов, кто за приличную сумму делился своими каналами. Кстати, эта легкость, с которой ЛКН вычисляла место проживания своих клиентов, оставалась главной проблемой для программы по защите свидетелей. У мафии были информаторы в полиции, в налоговых службах, во всех сервисных фирмах, а иногда ей случалось получать информацию напрямую из ФБР. Со временем, набравшись опыта, Том Квинтильяни превратил Уитсек в отдельную структуру Федерального бюро, так что большинство из его начальников не знали, ни в какой точке земного шара живет сейчас Манцони, ни как его отныне зовут.

Фред записал имя непорядочного жильца «пиццайоло»: Жак Нарбони, улица Сен-Гоше, 41, Монтелимар. В девять вечера, приготовив поднос с праздничным аперитивом, он снял трубку.

— Боулз? У меня к вам маленькая просьба, но это может и вам самому пригодиться.

— Дурное начало. В чем дело?

— Параболик барахлит, «Евроспорт» перестал ловить. Если не починить до половины первого — это катастрофа, ну, вы понимаете?

Питер понимал — не то слово. Он сам уже два дня жил только этим.

— Вы пропустили хоть раз в жизни финал Суперкубка?

Федеральный агент мог не отвечать, он был страстным болельщиком американского футбола и, сколько себя помнил, вместе со всей страной с восторгом следил за подвигами героев спорта. В тот вечер в половине первого — в шесть тридцать по местному времени — на стадионе «Долфин» в Майами «Чикаго Бэрз» встречались в финальном поединке с «Нью-Йорк Джайантс».

— В прошлом году был зафиксирован рекорд — сто сорок один миллион зрителей, но сегодня вечером он будет побит. Представляете, Питер, сто сорок один миллион человек смотрит, и только двое — нет: вы и я? Немыслимо!

У Питера не было телевизора, он смотрел американские каналы по Интернету, на своем компьютере. Обычно матч транслировали по очереди три канала — NBC, CBS и FOX, но в этом году (это было связано с авторским правом) компания NBC решила не давать доступа к трансляции из Сети. Питер собирался позвонить в Вашингтон своему другу Маркусу, чтобы тот комментировал ему матч по телефону.

— А почему вы решили, что я смогу починить антенну?

— Ну, вы же, федеральные агенты, все такие умельцы, вам это по штату положено. Квинт, например, способен переделать микроволновку в бомбу замедленного действия. Я говорю, потому что сам видел. Вы же не лишите меня этого финала? Вы не лишите *нас* этого финала?

— …

— Только не говорите, что это запрещено уставом! Никакой устав не помешает американцу присутствовать на финале Суперкубка! Представьте себе всю эту сволочь, что гниет сейчас в американских тюрягах — в Сан-Квентине, в Аттике, Райкерсе. Все эти маньяки, убийцы — им можно смотреть матч высшей лиги, а вам нельзя?

— …

— Короче, поступайте, как считаете нужным. Матч начнется в двенадцать тридцать. Я оставлю синюю дверь открытой.

Фреду не пришлось долго ждать: через час Питер вставил нужные штекеры в нужные гнезда, и видеосистема Уэйнов заработала как надо.

— Спасибо, Питер. Этот дурень Уоррен хотел записать какую-то там передачу и бросил все в разобранном виде. Давайте садитесь в кресло, а я устроюсь на диване, если только эта псина подвинется.

Фред поставил на низкий столик салатник, наполненный мексиканскими чипсами, чашечки с соусами и смесь разнообразных крекеров. Боулзу было не по себе. Он уселся в кресло словно в приемной у зубного врача.

— Не бойтесь вы ничего. Что бы ни произошло, вы всегда будете хорошим, а я плохим. Но, думаю, на два-то часа мы оба вполне можем стать просто американцами — вы и я. Сегодня вечером по всей прекрасной стране, где мы с вами родились, будут отброшены всяческие условности, не будет больше ни социальных, ни расовых различий, останутся лишь две великие нации: «Медведи» и «Гиганты» — «Бэрз» и «Джайантс». Я болею за «Гигантов», потому что они из Нью-Джерси, вы — потому что вы ненавидите «Медведей». Перед лицом врага не бывает ни плохих, ни хороших, есть только фаны, и они должны быть вместе, чтобы победить. Сейчас нам представится уникальная возможность побыть заодно. Что вам налить?

— Коку лайт, похолоднее, если у вас есть. Если нет — воды.

— Это же Суперкубок! Вы что, если бы сидели сейчас один дома, там, в Виргинии, или тут, в этой крысиной норе в конце аллеи, пили бы воду? У меня есть пиво, водка, текила, виски, могу даже приготовить вам «Маргариту».

— У вас есть текила?

В прошлый раз, когда они сидели за одним столом в ресторане, Фред отметил, что Питер имеет маленькую слабость к текиле, и попросил Магги привезти из Парижа бутылку.

— Давайте, только самую малость, — согласился Боулз.

Они начали строить прогнозы относительно исхода матча и умолкли только при первых звуках американского гимна. Фред больше не чувствовал себя вправе замирать от волнения, слушая гимн страны, которая осудила его и выкинула вон, а потому старался не встречаться

взглядом с Питером: тот еле сдерживался, чтобы не прижать ладонь к сердцу. Он весь трепетал от волнения при этих звуках и готов был восхищаться любым действием любимой команды. На последнем такте «Звездно-полосатого флага», когда сто тысяч человек ликовали на трибунах стадиона Майами, он залпом выпил свою текилу. И вдруг почувствовал себя дома.

Дали начальный розыгрыш, мужчины время от времени комментировали действие разными *Ооооох! Ааааааах!* перемежая их разнообразными комбинациями со словом *фак.*

— Что-то я не знаю этого Хопкинса, — сказал Фред, хрустя чипсами.

— Он из университета в Колорадо-Спрингс, играет лайнбекером с момента прихода в «Джиантс».

Фред снова взялся за бутылку текилы, Питер же опоздал с протестом ровно на столько, сколько потребовалось, чтобы снова наполнить его рюмку. Собака, сбитая с толку этим непонятным оживлением, укрылась наверху, чтобы не слышать истерических воплей комментатора.

«Медведи» идут в наступление под предводительством квотербека Питера Гроссмана… Пас с лету получает Пэрис Джексон! Вот он на отметке в сорок ярдов, тридцать!.. Но на двадцати его останавливает нападающий «Гигантов»!

— Черт, зашита! — заорал Фред, вскакивая на ноги.

Пас Кальвильо отбит на линию нападения… Мяч приземляется прямо в руки углового Океле! Никого между ним и линией цели!.. Тачдаун!

Раздался торжествующий вопль в два голоса, и Фред снова наполнил рюмки — надо выпить за первые очки. Чтобы не пить больше на пустой желудок, Питер наклонился над крекерами, взял один, какое-то время внимательно изучал его, обнаружил следы жареного сыра, потихоньку положил обратно и навалился на чипсы и острый соус в чашечке. Несмотря на опьянение, он был по-прежнему бдителен в отношении любой еды, способной спровоцировать у него аллергию.

Желтый флажок арбитра… Пенальти «Гигантам», только что потерявшим пять ярдов…

— Боулз? А сколько уже «Медведи» не выигрывали? С восемьдесят пятого? Шестого?

Но Питер уже не слышал. После четвертой рюмки, на тридцать первой минуте игры, он уснул, не имея даже сил сопротивляться сну. Фред посмотрел на часы: пять минут второго.

Он приподнял веко уже храпевшего вовсю Питера, взял бутылку с текилой, вылил содержимое в раковину и, прополоскав несколько раз, поставил обратно на столик. Еще днем он рассчитал приблизительное количество валиума, которое надо смешать с текилой, чтобы свалить агента ФБР в восьмидесят килограмм весом. Остановившись на цифре три, он оставил себе для маневра десяток часов, пока Питер не придет в сознание. Убавив звук телевизора, Фред надел куртку и на минутку задержался на кухне. Открыв ящик со столовыми приборами, он достал нож для мяса, такой удобный, что он несколько раз метал его в разделочную доску, висящую на стене рядом с полочкой со специями. Положив его обратно, он взял пестик: если бить с умом, можно нанести необратимую черепно-мозговую травму. Но он и его положил на место, предпочтя выйти из дома с пустыми руками. Это давно уже было его любимое оружие.

*** * ***

Зажав в руке бумажку с нацарапанным на ней адресом, Фред припарковался у террасы кафе на авеню Аристид Бриан, где завсегдатаи допивали последние стаканчики. Было полвторого ночи, он пошел по направлению к центру и до самой улицы Сен-Гоше, окаймленной добротными пяти- и шестиэтажными домами, практически никого не встретил.

Толкнув решетку дома номер сорок один, Фред вошел в холл, отделанный искусственным мрамором и медью, отыскал в списке из четырех жильцов имя Жак Нарбони и беспрепятственно ступил на лестницу. На последнем, пятом этаже он постоял несколько мгновений перед единственной квартирой, а затем несколько раз постучал в двустворчатую дверь.

Судя по описанию Пьера Фулона, его жилец был из тех, кто полночи пьет с приятелями в каком-нибудь заведении, после чего еще до рассвета возвращается к себе, чтобы засесть за покер. Фред заметил ступеньки, ведущие наверх, на антресоли, заменявшие чердак, откуда можно было по деревянной лесенке выбраться на крышу. Он подыскал себе удобное местечко между свернутым матрасом и грудой деревянных настилов, затем передвинул какой-то пыльный шкаф, чтобы заблокировать автоматическое выключение света на лестнице. Остальное было лишь вопросом терпения. И в таких случаях Фреду его не занимать. Уж что-что, а ждать он умел. Научился. Иногда и сам этому удивлялся. Действительно, странный парадокс для мальчика, воспитанного в лоне «Коза ностры».

Он и ему подобные и преступниками-то стали из-за своего болезненного нетерпения. Еще совсем маленькими они считали немыслимым проходить все этапы обычной человеческой жизни — учиться, чтобы потом работать, прозябать долгие годы, прежде чем чего-нибудь добиться, и надеяться, что банк сочтет их платежеспособными, изнывать во время двух-трех обязательных свиданий, пока женщина сама не предложит им свое тело, а затем, в зрелом возрасте, считать годы до пенсии, чтобы наслаждаться жизнью по полной. Солдат мафии не ждет. Он не просит кредита, а предпочитает брать банк целиком; чтобы утолить желание, он идет прямо к шлюхе; ему не нужны ни зарплата, ни пенсия, ни какие-то выплаты, он знает, что этого никогда не будет, и он не пойдет в отдел социальной помощи, чтобы там рассматривали его дело. Тогда откуда же это невероятное умение ждать, когда дело касается задания?

Фред провел тысячи часов — ив этом его единственное сходство с агентом ФБР, — выслеживая «клиента». Терпение федерального агента, сидящего в засаде, чтобы сцапать подозреваемого, может сравниться лишь с терпением мафиозо на задании. Он знавал эту смертную скуку, когда просиживаешь задницу в машине, ожидая, пока какой-нибудь бедолага не высунет наконец голову, чтобы всадить ему тут же пулю. Помнил он и вкус чуть теплого кофе из термоса, и карточные победы на краешке приборной доски. Приходилось ему и засыпать со стволом в руке, и отливать прямо тут же, у ближайшей стенки. И когда клиент в конце концов появлялся, шкуру ему дырявили со вздохом истинного облегчения. А если дело кончалось плохо, то терпеливый исполнитель шел прямиком в тюрьму — на три месяца, на три года, на тридцать лет, — и, валяясь на нарах, мечтал о том, как, выйдя на свободу, он в первый же день наверстает все, что прошло мимо него за эти месяцы или годы. И что самое смешное, парень из мафии в конечном счете тратит на разные ожидания времени в сто раз больше, чем любой добропорядочный гражданин. И при этом редко кто из них доживает до мирной пенсии в тихом местечке.

Сегодня, лежа в своей каморке под крышей, Фред ждал не один. Повернувшись на бок, он дотянулся до кармана брюк и достал оттуда томик «Моби Дика». Страниц пятьсот назад он все же отправился в это плавание на борту «Пекода», как и юный Измаил, полный решимости и желания добиться победы. Он покинул остров Нантакет в Массачусетсе и отдался на волю ветрам, не зная, куда они его приведут. Первая качка не испугала его: плаванье — значит, плаванье, надо двигаться вперед, невзирая ни на какие бури. Фреду все было интересно: строение судна, распределение обязанностей среди экипажа, законы морской физики, тонкости китобойного дела и изготовления гарпунов и даже качество пеньки, применяемой для плетения сетей. Он познакомился со всем этим новым миром благодаря техническим отступлениям, которые Мелвилл с его стремлением к точности счел необходимыми для своего романа.

Прошло уже несколько дней в открытом море, а великана все не было. Моряки, хорошо с ним знакомые, не раз вспоминали об окружавшем его ореоле таинственности. Наконец однажды ночью на палубе появился капитан Ахав на своей искусственной ноге из китовой кости. Уоррен был прав: вот настоящий герой, одержимый, готовый отдавать самые дикие приказы, только чтобы утолить слепую жажду мести.

Постояв на якоре неподалеку от Буэнос-Айреса, «Пекод» шел теперь в направлении Индийского океана. Он встречал на своем пути другие суда, бил других китов, но это были не те.

День за днем, глава за главой Фред одолел пятьсот страниц, подобно тому, как моряки одолевают мыс Горн. Для человека, ни разу в жизни не раскрывшего ни одну книгу, пятьсот страниц — это все равно что блуждать в открытом море: он ходил по кругу, боролся с бурями, иногда едва удерживаясь на плаву. Когда волна захлестывала его корабль, Фред цеплялся за фальшборт, но держался курса, ожидая, пока попутный ветер вновь не наполнит его паруса. И вот награда за упорство: вдали показался берег.

После первых бесплодных попыток Фред повсюду носил с собой томик, ощущая у себя на боку его тяжесть. Со временем он стал находить в этих страницах и смысл, и упоение, и знания. У него уже появились какие-то воспоминания — и это было меньшее, что он мог ожидать от такого парня, как Мелвилл. В эти дни он с удовольствием представлял себе, что носит в кармане четыре океана, белого кита и капитана — яростного и неустрашимого.

Ах, если б он только знал об этом в те времена, когда отправлялся на задания! Читать! Забыть печальные обстоятельства, сбежать от них, умчаться далеко-далеко! Трясясь от холода в трущобах Бронкса, скакать верхом по неоглядным просторам Дикого Запада. В ожидании разборки с латиноамериканской группировкой блистать на великосветском приеме в Бостоне. Путешествовать по Европе в компании очаровательной леди, пока кретин-сообщник храпит на заднем сиденье.

Сегодня вечером, подставив книгу под жалкую полоску тусклого света, Фред вернулся к чтению на странице 565, на том самом месте, где «Пекод» встретился с другим судном, «Сэмюэл Эндерби», капитан которого тоже стал жертвой свирепого Моби Дика. Он посоветовал Ахаву двигаться на восток, и «Пекод» снова отправился в погоню. Фред опять почувствовал качку, он опять был членом экипажа. И вновь мощные валы вздымали судно, приводя в ужас людей на борту. Лежа на полутемном чердаке, он, как и другие, нес свою вахту. Крейсируя в Японском море, он напевал воображаемую мелодию матросской песни с переписанными наново словами. С каждой страницей его собственный словарный запас становился богаче на одно слово, и он перебирался с грот-марса на ют, не путаясь ни в мачтах, ни в парусах: если бы капитан Ахав приказал ему, он смог бы уже и сам их поставить. И вот на странице 694 впередсмотрящий закричал: «Фонтан! Фонтан! И горб, точно снежная гора! Это Моби Дик!»

После нескончаемого ожидания — вот он, поединок! Сейчас Фред своими глазами увидит того самого дьявола, о котором столько рассказывал Ахав.

Но тут далекий шум, на этот раз совершенно земной, — тяжелое, постепенное приближение чего-то, словно войско, сотрясающее землю чеканной поступью, — вырвал Фреда из бушующих волн. Страшная сила земного притяжения обездолила его, лишив привычной обстановки. Что такое? Ах да, это он вернулся к реальной жизни. Внизу лестничная клетка, тусклый свет, Суперкубок, Монтелимар, «пиццайоло», невыплаченная квартплата, текила — вот она реальность. А что это за шум? Люди. Да, реальные люди — не матросы, не Ахавы, не Измаилы, ни Квикеги или Старбеки, просто какие-то типы, отягощенные своей земной массой, куски мяса на толстых лапах, к тому же пьяные, таких миллиарды, это — классика, и никакой таинственности.

Фред сам столько раз садился за покер в такое время, что знал повадки игроков как никто другой: сначала они прополоскают внутренности холодным пивком, закурят сигары и займут привычные места за столом. Один из них перетасует карты, сделает начальную ставку, другой мужественно добавит полсотни, третий скажет: *Играем до полудня* а четвертый спросит: Мы *играем или так и будем трепаться?* Фред спустился с антресолей и, прежде чем последний вошел в квартиру, догнал его и, легонько стукнув по затылку, подтолкнул внутрь. Не дожидаясь реакции, он закрыл дверь изнутри, и тут все четверо с удивлением обнаружили, что их уже пятеро.

После того как ему помешали совершать героическое плавание, Фред не мог удовлетвориться одной жертвой. Он возблагодарил небо, увидев вокруг себя людей примерно его сложения, воинственных и готовых помахать кулаками — четырех дураков, уверенных, что вчетвером им ничего не грозит. Один из них выругался и шагнул к незваному гостю. Ударом кулака Фред сбил его с ног, затем раздал окружающим несколько ударов в челюсть, двинул ногой кому по почкам, кому в пах, разбил несколько предметов об их головы и спины, а когда все оказались на полу, свалил на них кое-что из мебели. Напоследок он попросил их не шуметь, чтобы не беспокоить соседей, которым скоро уже пора вставать. Несчастная четверка отчаянно пыталась понять, в какое дерьмо они вляпались и кто это чудовище, ворвавшееся в их жизнь этим ранним утром, казалось ничем не отличавшимся от предыдущих.

Фреду немного полегчало, но было обидно, что он не встретил сопротивления; это его любимый спорт — заставлять других есть землю, только он давал ему возможность по-настоящему расслабиться. С тех давних времен, как человек стал жить в племени, он не придумал ничего лучшего. Разве какой-нибудь там дзен или новейшие изобретения для снятия стресса типа пейнтбола могут предложить что-то равное этому? С тех пор как он стал «раскаявшимся», Фред сдерживал свою агрессивность как мог, возможность выпустить пар в хорошей драке предоставлялась ему крайне редко. Главная проблема состояла в том, что при нем никто не повышал голоса и мордобою взяться было совершенно неоткуда. Но самое смешное — рядом с Фредом всегда был вооруженный телохранитель, к тому же каратист с черным поясом, натренированный, словно солдат иностранного легиона, что заметно уменьшало его шансы набить кому-нибудь морду под горячую руку. Вот он, жесточайший из парадоксов: самый надежный ангел-хранитель в мире был приставлен к единственному в мире человеку, не испытывавшему в нем никакой нужды.

Один из бедняг поднялся на колени и пополз к кухонному столу в поисках чего-нибудь тяжелого. Фред схватил его за волосы и несколько раз ударил физиономией об угол стола, но тут же пожалел об этом, испугавшись, что вырубил хозяина дома. Он обратился с вопросом к остальным, остававшимся в сознании:

— Так, кто тут из вас не платит за квартиру?

Двое, все в крови, корчась от боли, повернулись к третьему. В конце концов Жак Нарбони поднял руку, к величайшему удивлению приятелей, которые осторожно спросили его:

— …Неужели ты не платишь за квартиру. Жако?

— У него задолженность за много месяцев, — отрезал Фред. — Сейчас пошарим у вас в карманах.

Потрясенные абсурдностью ситуации, мужчины продолжали оторопело лежать на полу, время от времени вытирая рукавом кровь, струившуюся по их лицам. Видя, что они не торопятся доставать свои бумажники, Фред сказал:

— Только не говорите, что вы играли в покер с чековой книжкой в кармане. Ну-ка выкладывайте вашу наличность — сюда, на стол. И кто забудет хоть одну бумажку, станет до конца своих дней дышать ртом.

Фред вылил кувшин воды на голову четвертому типу, который все еще оставался без сознания, чтобы тот тоже принял участие в сборе средств. Кучка аккуратно сложенных купюр напоминала толщиной томик «Моби Дика».

— Ну ладно… Эй ты. Жако, сейчас я расскажу, чего тебе ждать, если ты, во-первых, не заберешь свою жалобу на Моего друга «пиццайоло», во-вторых, утром не съедешь отсюда, в-третьих, если ты скажешь хоть слово полиции и, в-четвертых, если у моего друга «пиццайоло» начнутся неприятности.

Перейдя от слов к делу, Фред резким движением притянул его ухо к его же рту, отчего тот взвыл от боли. Тихо, чтобы остальные трое не услышали, он расписал ему все, что произойдет с ним, если хоть один из этих четырех пунктов не будет соблюден. Он сделал это с такой точностью, с таким количеством достоверных деталей, задействовав основные жизненно важные органы и перечислив все возможные способы их повреждения, привнес в свой рассказ столько реализма, вдохновленный недавно прочитанным описанием разделки туши кита, что мужчина позеленел и, как только Фред отпустил его ухо, бросился к раковине, чтобы выблевать в нее весь потребленный за ночь алкоголь.

Уходя, Фред оглянулся на четырех бедолаг, побитых и изувеченных, которым так и не придется доиграть свою партию. Наверно, в таком же состоянии пребывал и экипаж «Пекода» после главной встречи с Моби Диком. Скоро он это узнает.

* * *

В восемь часов Фред первым вошел на почту Мазенка. Он выбрал наиболее подходящую по размерам картонную коробку, чтобы отправить Пьеру Фулону пачку банкнот, взяв из нее лишь один билет на оплату срочной бандероли.

Питер Боулз все еще лежал, свернувшись калачиком в кресле. Человек, которому по долгу службы полагалось спать самым что ни на есть легким сном, блуждал сейчас в потемках сознания, не находя выхода. Фред взял плед и накрыл его, потом налил себе полный стакан бурбона, чтобы на какое-то время снять усталость. Он включил телевизор, нашел канал «Евроспорт», чтобы узнать результаты матча: «Гиганты» выиграли со счетом 34:15 благодаря действиям Гроссмана, забившего потрясающий гол с отметки в тридцать ярдов.

Выключив звук, Фред уселся в том же положении, что накануне. С тех пор как эти идиоты оторвали его от чтения, ему не терпелось вернуться на страницу 694, к решающему моменту, когда на горизонте показался Моби Дик.

Вот Ахав, например, ждал этого всю жизнь. Можно даже сказать, что эта встреча со зверем — которого он считал воплощением абсолютного зла — стала для него главным моментом его существования.

После троекратной погони за китом капитан Ахав, оказавшийся привязанным тросом к морскому чудовищу, последовал за ним в пучину, оставив позади себя разбитое судно и погубленный экипаж. Один Измаил, спасшийся на плоту, чудом выжил после этой гонки.

Фред положил книгу и прикрыл глаза. Этот конец казался ему потрясающе справедливым, другого он и представить себе не мог. В нем крылся глубокий смысл, касающийся главного в жизни человека, в его предназначении, но сейчас у него не было сил думать над этим. Единственно в чем он был уверен, это что в романе говорилось о нем самом — каким он был в разные периоды своей жизни.

Вот он — юный Измаил, отправляющийся на поиски приключений в долгое плавание, из которого, возможно, никогда не вернется. Он будет подчиняться иным законам, нежели

остальные люди. Он будет восхищаться своими патронами, но потом, в один прекрасный день, усомнится в них. К Измаилу он не испытывал ничего, кроме симпатии.

Через несколько лет Фред стал Ахавом Единственный хозяин на борту, то справедливый по отношению к экипажу, то безжалостный. Его решений ждали со страхом или облегчением. Он выделялся — сама решимость, сила, иногда безумие. Его шкура была самой прочной, а глаз — самым зорким. Люди шли за ним, не задумываясь.

Но в третий период своей жизни — и это самое невероятное — он стал Моби Диком. Там, по ту сторону Атлантики, Фред внушал всем неслыханную ненависть. После его предательства за ним стали охотиться, как за морским чудовищем, и самые опытные гарпунщики бросились в погоню за ним.

Да, ночь выдалась бурная. Он потянулся, положил роман на стол и наконец уснул.

* * *

Ровно в час Питер вскочил на ноги. Некоторое время он переводил взгляд с часов на все еще включенный телевизор, развалившегося на диване хозяина дома и пустую бутылку из-под текилы. Через несколько секунд Фред тоже открыл глаза..

— Боулз, у меня есть две новости — хорошая и плохая. Плохая — что вы не выносите алкоголя, хорошая — «Гиганты» выиграли.

Боулз, как зомби, подошел к зеркалу и посмотрел на свою несвежую, измятую со сна физиономию.

— Что произошло, Фред?..

— А что могло произойти? Вы не способны выдуть и бутылки текилы.

— Такого не могло случиться… Со мной не могло…

— Вы что, правда ничего не помните? На третьей рюмке мы стали почти друзьями, особенно когда Мьюлен забил гол. Ну, вы хотя бы помните этот потрясающий тачдаун? Нет? Потом вы черт знает сколько времени рассказывали мне о вашем колледже, затем решили позвонить своим бывшим подружкам — мне удалось вас отговорить, — и заснули, вдруг, без предупреждения.

— Мне надо принять душ… Вы сейчас никуда не собираетесь?

— Нет, не торопитесь, я весь день никуда не поеду.

— Фред, мне так неудобно…

— Не беспокойтесь, Квинт никогда не узнает об этом вечере. Впрочем, я даже не уверен, любит ли он футбол.

Пробормотав стыдливое «спасибо», Боулз вышел из комнаты. Фред потянулся, готовясь продолжить сон, но на этот раз у себя в постели. Он испытывал чувство особого покоя, от которого ему только еще больше хотелось спать. Взяв со столика «Моби Дика», он повертел в руках эту теперь пустую вещь, от которой ему надо избавиться, как прежде он избавился бы от трупа. Для этого имелись особые места. Книжные кладбища. Он поднялся на второй этаж, в библиотеку. Церемония длилась ровно столько, сколько нужно, чтобы освободить на полке место и поставить туда книгу. Уверенный, что видит ее в последний раз, он провел пальцем по обрезу, напоследок подумал об Ахаве и поблагодарил Германа Мелвилла за то, что тот помог ему пережить сегодняшнюю ночь. Фред так сроднился с этим романом, что ему даже не хотелось хвастаться им. Он не был уверен, что прочел шедевр, но дочитал «Моби Дика» до конца и никогда бы не подумал, что в его возрасте, после стольких прожитых жизней, что-то еще могло сделать его сильнее.

* * *

Данное Лене обещание заставило Уоррена как можно скорее повидаться с капитаном Томом Квинтом. Ни одно решение в семье Манцони не принималось без участия того, кто с первого дня курировал их в рамках программы Уитсек. Это благодаря ему Магги, Уоррен и Бэль стали добропорядочными американскими гражданами, и, если им удастся интегрироваться в общество и раствориться в нем, им светило французское гражданство. Когда Бэль поселилась в Париже, Том вместе с ней ходил смотреть квартиру, а потом несколько раз обедал напротив ее факультета, чтобы присмотреться к ее новому месту учебы. Когда Магги открыла свой «Пармезан», он помог ей с некоторыми административными делами и присутствовал на открытии. Квинт мог гордиться собой: все Манцони, кроме непредсказуемого Фреда, выправились и являли собой живое доказательстве эффективности программы по защите свидетелей.

— Чему обязан таким удовольствием, Уоррен? Я думал, мы скоро увидимся: на следующий уикэнд я собираюсь в Мазенк, мне надо поговорить с вашим отцом. Вы там будете?

— Собирался. Но я буду не один.

— Кажется, у вас есть для меня хорошая новость?

— Помните такую Лену, я познакомился с ней в лицее?

— Ваша «маленькая невеста», как вы ее называли?

Ничего не пропустив, Уоррен рассказал ему обо всем, что связывало его теперь с этой «маленькой невестой».

— Не знаю почему, но я сразу почувствовал, что у вас с этой девочкой серьезно. Я очень рад за вас, Уоррен.

— Вы не считаете, что все это слишком быстро? Что я слишком рано связываю себя обязательствами? С самой первой? Что я скоро разочаруюсь? Что буду жалеть? Что у меня впереди еще вся жизнь?

— Я бы не позволил себе такое. Сам очень плохо воспринял бы, если бы меня начали вот так предостерегать, когда я был по уши влюблен в свою нынешнюю жену; я был тогда едва ли старше вас, и жизнь впоследствии доказала мою правоту. Я всегда верил в вас и вашу сестру, вы взрослели на моих глазах, год за годом, и мне хорошо видно, что в силу обстоятельств вы гораздо опытнее и взрослее большинства ваших сверстников. Я уважаю ваше решение, Уоррен.

Эти слова проникли в самое сердце влюбленного юноши, которому как никогда нужно было сейчас доверие старшего. Уоррен откровенно раскрыл ему стоявшую перед ним дилемму, и Том сразу все понял, не вдаваясь в детали: если он не познакомит Лену с семьей, он ее потеряет. Но как познакомить ее с таким отцом?

— Появление в семье нового члена — это радость, но у вас не обычная семья. Если, чего я вам желаю, Лена станет вашей женой и матерью ваших детей, очень рискованно сразу посвящать ее в тайну программы Уитсек.

— Честно говоря, лучше бы она никогда о ней не узнала.

— А вы сможете держать это всю жизнь в секрете от любимой женщины?

— Боюсь, наш союз не выдержит такого испытания.

Уоррену не надо было говорить ничего больше. Том отлично знал этого паренька, он видел, как тот рос, падал, снова поднимался на ноги, будто маленький солдатик, никогда не жалуясь. Мальчишке пришлось пережить боль изгнания, его искушали ценностями и карьерой отца, но он понял, какой это ужас — прожить всю жизнь в среде организованной

преступности. И он отрекся от вековых традиций «Онората сочьета», чтобы выбрать путь свободного человека.

— Я сейчас скажу ужасную вещь: было бы здорово сказать, что он умер. Я уже представлял себя в роли сироты — это гораздо проще, чем быть сыном чудовища. Но еще до нашего знакомства Лена знала, что мой отец — американец и что он пишет книги. Она даже читала одну…

— «Кровь и доллары»?

— Нет, «Империю тьмы». Она не дочитала до конца и только спросила: «Откуда твой отец берет все эти ужасы?»

Том подумал, что и для него смерть Фреда стала бы огромным облегчением. Можно было бы больше не бояться этого извечного врага, снять наблюдение, а члены ЛКН пусть бы все так же резали друг друга, думая, что он все еще жив и здоров, — вот было бы прекрасное завершение программы Уитсек. Для Тома это еще означало бы, что он сможет чаще ездить в Штаты, да и сама мысль, что он пережил этого подонка, достававшего его последние двенадцать лет, была весьма приятна.

— Так что нам делать? Я еще маленьким помню, как вы улаживали проблемы, которые устраивал вам отец.

— На этот раз мне нужно время подумать.

— Не бросайте меня.

— Разве я когда-нибудь это делал?

* * *

Магги не пыталась больше подбадривать свою команду напускным весельем. Каждый этап дня требовал от нее сил, брать которые было больше неоткуда. Ей становилось все труднее скрывать, насколько серьезно положение «Пармезана». После дезертирства поставщиков она нашла новых, похуже и слишком дорогих для ее скудных средств. Кроме Клары, единственной, с кем она поделилась, снижения качества никто и не заметил. Со временем она, конечно, оправится от этого, если на нее не посыплются другие напасти. А она ждала именно их.

Франсис Брете зашел переговорить с ней и найти *выход.* Он так и сказал: *Из вашего положения, госпожа Уэйн, несомненно, существует выход.* И предложил ей просто-напросто выкупить ее предприятие, на этот раз без всяких особых условий и льгот.

Через какое-то время после ее отказа по анонимному доносу к ней явилась с проверкой санитарно-гигиеническая служба. Два инспектора тщательно изучили все, что только было можно, замерили температуру приготовления, проверили все звенья холодильной цепи, взяли пробы для лабораторного анализа, проверили использованное фритюрное масло, продукты глубокой заморозки, порылись в кладовке, в холодильниках, в подвале, осмотрели раковины, умывальники и туалеты для персонала. Они констатировали отсутствие грызунов и насекомых и не обнаружили ни единого нарушения — ни испорченных, ни несоответствующих нормам, ни представляющих опасность для потребителей продуктов. Управление по социальным и санитарным делам установило, что «Пармезан» полностью отвечает нормативам, о чем Магги знала и без них.

Еще через несколько дней пришла инспекция отдела труда — в связи с *неформальным сигналом* о нарушении законодательства. Инспекторы допросили наемных работников, изучили договоры о найме и платежные документы. Они осмотрели помещения, проверили срок годности огнетушителей, вентиляцию, безопасность. И тут тоже «Пармезан» оказался безупречен.

Магги уже не удивилась, когда, некоторое время спустя, к ней нагрянула и налоговая инспекция. Были проверены вся бухгалтерия, декларации налога на добавленную стоимость и профессионального налога, выписки из банковского счета, документы о найме торговых помещений, контракты с поставщиками, расходы по финансовым операциям, займы, кредиты, ссуды, инвентарная книга, дополнительные документы на поступления и отчисления средств, расходные счета. В ходе проверки было установлено, что бухгалтерия ведется правильно и открыто, и Магги получила официальное подтверждение платежеспособности.

Всех инспекторов, посетивших ее, она угощала своими *меланцане алла пармиджана* и выслушала немало комплиментов по этому поводу.

Хотя она и преодолела все эти трудности, они казались ей страшно несправедливыми, к тому же отняли у нее время, которое она могла бы употребить на решение других проблем. Они поколебали ее уверенность в себе и сделали ее раздражительной. Как-то вечером, по телефону, она отказалась принять заказ у клиента, который звонил ей каждый день: в приступе паранойи она заподозрила его в желании скупить все на корню, и это как раз перед наплывом покупателей — специально, чтобы понизить предложение. Тот буквально рухнул от такого обвинения: он просто большой любитель баклажанов по-пармски, может, он ими даже злоупотребляет, но никогда не работал на ее конкурентов. Что не убавило агрессивность Магги: *Если это правда, тогда вы скоро заболеете. У нас первоклассный продукт, но ни один желудок не в силах выдержать такого количества сыра и томатного соуса ежедневно. Как это меня не касается? Касается, очень даже касается! Я не желаю, чтобы от моей кухни люди болели!* В тот вечер, чтобы побыть немного одной, она присела на скамейку напротив пиццерии Франсиса Врете, где жизнь била ключом. К мрачным мыслям, крутившимся у нее в голове, добавились картины страшного насилия. Магги знала, что гнать их бесполезно, и стала ждать, пока это не пройдет само собой.

* * *

Они едва закончили заниматься любовью со всем пылом любовников, которым только что пришлось выдержать разлуку в целых три дня, и Франсуа Ларжильер включил над кроватью кинопроектор. Если другие после этого засыпают или закуривают, то он запускал в промежутке между любовными утехами какой-нибудь фильм, впрочем не обращая на него особого внимания. Бэль снова задумалась, почему бы этому человеку, которого она так любит, просто не обнять ее. В довершение всего из фильмов Ларжильер признавал только экшн, которые убивали всю прелесть момента. Он любил интеллектуальное фэнтези, утонченные ужастики, научную фантастику — только чтобы с кровью, — но больше всего — фильмы про гангстеров, сочетавшие насилие с задушевностью. Бэль не испытывала к этим жанрам никакого влечения. Прижавшись к нему, она обычно дремала, пока не начинался новый порыв страсти или пока Ларжильер не предлагал ей продолжить ночь каким-нибудь экстравагантным способом.

— Бэль? А вы видели «Крестного отца»?

— «Крестного отца»?

— Да, Фрэнсиса Форда Копполы?

Франсуа включил DVD. Он принадлежал к худшей разновидности киноманов, которые без зазрения совести комментируют действие, объясняют психологические моменты или начинают пересказывать диалог за секунду до того, как он начнется на экране. Убежденный в том, что Бэль не видела еще ни одного из фильмов, занимающих самые почетные места в его пантеоне, он считал своим долгом приобщить ее к «черному» кино исходя из того, что женщины менее чувствительны к этому жанру, чем мужчины.

— Да, я знаю, что вы сейчас скажете: это кино про бандитов, которые убивают друг друга, но знаете, все это гораздо глубже!

Ужасные, величественные судьбы, братоубийственные войны, честь и кровь, слезы и смерть, одни эмоции! Метафизика преступления, тестостерон и опера, гимн возмездию — грандиозно! А сцена, когда соперничающая семья собирается убить Вито Корлеоне в больнице? А возвращение на Сицилию и смерть невесты? А варфоломеевская ночь, организованная Майклом? Но главное — последние кадры, смерть отца на глазах у внука? Душераздирающе! Бэль выслушала этот панегирик с терпением влюбленной женщины, ее позабавило, как Франсуа заходится, рассказывая о культовых: словах или *легендарных* сценах, — когда речь шла о «Крестном отце», он не скупился на пафос. Восторженное отношение у него сохранилось с детства, оно говорило о его глубоком восхищении гангстерами — такими, какими они показаны в фильме. И дело тут было в самоотождествлении в крайнем его проявлении: голубая мечта большинства мужчин — эта сверкающая мужественность. Что надо иметь, чтобы найти себе место в мафиозном клане, — одни яйца или все же еще и душу?

Бэль страшно веселилась по этому поводу. Франсуа Ларжильер был полной противоположностью мафиозо. Он жил затворником, избегал привычных для миллионов людей мелких драм, а когда ему приходилось выбираться по делам за пределы родного квартала, и вовсе ходил по стенке. Он менял жилье только два раза в жизни и ни разу не бывал в пяти из двадцати округов Парижа.

— Вот-вот, послушайте! Он говорит: Go *to те mattresses,* буквально *Идите к матрасам,* но это значит, что он объявляет им войну! Это от итальянского выражения, когда солдаты баррикадировались в заброшенных домах и затыкали окна и двери матрасами.

Франсуа ошибался, но Бэль не хотелось ничего ему объяснять. На самом деле речь шла о беженцах, которые просили убежища и готовы были платить за место на полу, на матрасе.

— Видите этого актера? Это Роберт Дюваль, единственный несицилиец в клане Корлеоне, он ирландец, но для Вито он как сын. Он — *консильере,* советник клана.

Бэль сделала большие глаза, изображая удивление, и задала какой-то наивный вопрос, чтобы показать Франсуа, насколько она впечатлена его лекцией. Он называл всех мафиози из фильма по именам: Сони, Вито, Том и главное — Майкл, блудный сын, наследник империи, легендарный герой, сыгранный Аль Пачино. Он говорил о Майкле как о близком друге, он так хорошо понимал его — его внутренние драмы, душевные муки и даже его решения, иногда жестокие, но всегда основанные на безупречной этике и понимании чести. Ах, как сделать, чтобы Бэль разделила его восторг!

А Бэль, нежная, мягкая Бэль, чистая и непорочная, как Мадонна, разве сможет она испортить своему молодому человеку такое удовольствие? Чтобы он свалился со своих небес, лишился своего бандитского рая? Как признаться ему, что она узнала этот фильм еще до рождения, когда находилась во чреве матери? Он был частью ее детского приданого, лежал в кроватке, точно погремушка. Сколько раз малютка Бэль забиралась к папе на коленки в тот момент, когда он в сотый раз пересматривал этот фильм с такой грустной музыкой? Эта музыка служила ей колыбельной, она научилась ее петь одновременно с *Jingle Bells* — мелодией, которую дети начинают петь раньше, чем говорить, и которая сопровождает их потом всю жизнь. Как могла она рассказать Франсуа, что ее собственный крестный отец, принявший ее из рук священника у крестильной купели, звался Энтони Де Бьязе и был *консильере* клана Манцони? Энтони, мудрый Энтони, один совет которого мог разжечь или прекратить целую войну. Она могла бы рассказать о многих, оставшихся неизвестными широкой публике, но от этого не менее легендарных мафиози, целовавших ее когда-то в лоб. А сколько рук, сеявших смерть, качали ее колыбель? Сколько безжалостных убийц называли ее «самой красивой в мире», сколько капризов прощали ей, за то что она была дочкой босса?

Личности, которыми Франсуа восхищался сегодня, были призраками прошлой жизни Бэль, подарившими ей детство, достойное принцессы. Не каждая девочка, став взрослой, имела воспоминания такой силы.

— Вот, внимание! Сейчас Вито скажет свои культовые слова: *Я сделаю ему предложение, от которого он не сможет отказаться.*

Как сказать Франсуа, не обидев его при этом, что персонажи, которым он поклоняется, давно уже стали частью фольклора, что таких Корлеоне не существует, что даже ее отец, Джанни Манцони, и тот играл уже по другим правилам?

Наконец фильм кончился, и глубокой ночью они снова сплели объятия и долго молчали, наслаждаясь чистой гармонией. А потом, прежде чем погрузиться в сон, Франсуа Ларжильер изрек:

— Самое ужасное, что я буду упрекать тех, кто придет после вас, в том, что они — это не вы.

* * *

Любой телефонный звонок Уэйнам проходил через коммутатор Питера Боулза. Если он мог определить звонившего, то переключал его на аппарат Уэйнов, так же поступал и с исходящими звонками. Фред знал, как обойти эту систему, чтобы позвонить тайком во время своих редких отлучек, но проблема заключалась в другом: ему некому больше было звонить тайком.

Около десяти утра, когда с чашкой чая в руке он собирался отправиться к себе в кабинет, на дисплее высветилось имя его издателя. Рено Дельбоск никогда не беспокоил без дела, и никогда Фред не чувствовал себя больше писателем, чем болтая с ним.

— Здравствуйте, Ласло, это Рено.

— Рено! Ну-ка, расскажите мне сначала, что новенького у меня, а потом — что новенького у вас.

— Вас будут переводить на японский.

— На японский?

— На Франкфуртской книжной ярмарке я встретился с господином Накамурой, его издательство похоже на мое — и размерами, и духом. Он издает иностранные детективы, два-три в год, не больше, по собственному выбору. Он считает, что японцы будут без ума от ваших потрясающих историй из жизни американской мафии.

Рено Дельбоск создал свое маленькое издательство, после того как много лет проработал на крупный издательский концерн. За ним последовали два-три видных автора, что придало ему солидности в издательском мире. Разнообразие его вкусов со временем выразилось в каталоге, где элитарный очерк соседствовал с экзотическим романом, а кровавый триллер — с изящной безделушкой с другого конца света. Издательская политика Рено Дельбоска держалась на единственном пункте: его продукция должна нравиться Рено Дельбоску.

— Если я ничего не путаю, это будет уже третий перевод «Империи тьмы». А во Франции мы перемахнули за десять тысяч экземпляров, что в наши дни весьма и весьма солидно. Я знавал авторов, которые и при меньших успехах умирали от счастья.

Фред чувствовал, что для издателя этот перевод — лишь повод для звонка, настоящей целью которого было разузнать, как продвигается третий роман. Он немного оттянул начало разговора, спросив его, как продается первый.

— «Кровь и доллары» приближаются к пятнадцати тысячам и скоро будут переведены на испанский. Они как раз читают «Империю тьмы» и интересуются, как там с третьим.

— Я работаю, работаю…

Он действительно работал, но рукопись, не имевшая еще названия, застряла на сорок восьмой странице. Напрасно Фред читал и перечитывал начало — ничто не указывало на то, что за сорок восьмой страницей однажды последует сорок девятая. Приступая к третьей части воспоминаний, Фред изо всех сил старался воскресить в себе ощущение ясности и неотложности задачи, с которыми он начинал свой первый роман. Он так усердно выставлял себя писателем, так громко трубил о своем занятии тем, кто хотел услышать, что теперь в это поверили даже те, кто не хотел. Интересно, спрашивал он себя, а у других писателей тоже имеется за душой столько всего сбывшегося, что они могут записывать это всю свою жизнь, или же им хватает одного воображения? Фред с грустью вспоминал тот день, когда объявил Тому Квинту, что закончил свой первый роман.

— Роман! Безделье ударило вам в голову, Фред.

Как и члены семьи Манцони, Том Квинт плохо воспринял его запоздалое призвание. Но и ему пришлось признать очевидность этого факта, когда безграмотный невежда выдал томик в двести восемьдесят шесть страниц, испещренный черными строчками почти без знаков препинания. Он существовал, этот роман под названием «Кровь и доллары», наполненный энергией зла, словно ящик Пандоры, который никому не хотелось видеть открытым.

По понятным причинам Том стал первым читателем черной автобиографии, испугавшей его изобилием реальных деталей, имен и событий.

— Вы описываете тут двадцатилетнюю историю мафии, увиденную изнутри. И вы не только называете открытым текстом их имена, но еще и не скупитесь на детали относительно их родословной и способов избавляться от трупов.

— А что вы думаете о том месте, где я рассказываю, как мы с Диком Мионе разнесли в пух и прах супермаркет Моффат на углу Пятьдесят пятой авеню? Описание холодильной камеры?

— Я не прочувствовал всю его поэзию.

— Только не говорите, что вы не знаете, какими методами мафия борется с конкуренцией. А там, где говорится о фальшивых ставках на собачьих бегах? И отступление про Лампо, мою гончую? А драка с китайцами, которые собирались порезать нас на куски?

— Они лишили бы мир великого писателя, но освободили бы меня от вас. Из двух зол надо выбирать меньшее, как говорят французы.

— Вы слишком строги. Скажите лучше, что вас, как Магги, бесит сама идея, что я осмелился писать. Вы предпочли бы, чтобы я всю оставшуюся жизнь угрызался совестью и скитался по свету, не находя раскаяния.

Вместо этого Фред Уэйн снова вытащил на божий свет Джованни Манцони, сделав из него вполне современного героя без лишних предрассудков, вора по инерции и убийцу по долгу.

— То, что вы отвели себе такую красивую роль и сделали из вашего гнусного бизнеса этакий плутовской роман, меня нисколько не удивляет. В конце концов, эту рукопись можно воспринимать либо как документальное подтверждение диких порядков, царящих в городской среде, либо как пособие по повышению квалификации для бандитов, либо как храм во славу вашей собственной глупости. Постыдно не то, что вы описываете, а то, о чем вы умалчиваете. Вы отсортировали ваши зверства, потому что знаете, где проходит грань между тем, в чем можно признаться и в чем нельзя, между тем, что выглядит живописно и

что — омерзительно. Вы умалчиваете о ваших откровенно варварских поступках, чтобы не запятнать светлый образ шалопая с большим сердцем, каким себя представили.

— Вы думаете, я могу уместить всю свою жизнь в одном томе? У меня есть чем заполнить еще несколько. Я еще вас удивлю.

— И еще я считаю низостью, что кое о чем вы не упоминаете из страха перед Магги. Она о многом подозревает, но предпочитает не знать, например, о комнате, что вы снимали на год у госпожи Нелл, не говоря уж об оргиях, что вы устраивали с вашими молодчиками.

— На этих оргиях, как вы их называете, можно было нередко встретить копов и политиков, а иногда и их жен. Правда, признаю, что ни разу не видел там ни одного федерального агента. Вот вы, например, Том, я просто уверен, что вы ни разу не бывали в борделе.

— Мне хватало облав и обысков. Установку жучков и камер наблюдения в борделях я предоставлял заботам молодых сотрудников Бюро, они же убеждали некоторых девиц становиться нашими информаторами. У нас больше записей ваших похождений, чем DVD в порноотделе вашего видеоклуба.

В одном Том был прав: отчасти из уважения к Магги, отчасти боясь ее реакции, Фред лишь вскользь упомянул о своей разгульной жизни. Точно так же обошел он стороной период, когда увлекался и даже злоупотреблял наркотиками, которые впоследствии строго-настрого запретил своим детям. Однако главным в его романе были не его личные пороки, а та власть, которой он пользовался внутри организации. Его жизнь прячущегося от возмездия предателя обретала иной смысл, и служение мафии было больше не предметом ностальгической грусти, а ценным материалом, который он копил всю жизнь, чтобы поделиться им теперь с грядущими поколениями — разве Мелвилл и Хемингуэй поступали иначе?

Породив на свет великое творение, Фред очень скоро стал терзаться мыслью о его публикации. И тут Тому пришлось проявить чудеса дипломатии, чтобы ящик Пандоры не взорвался прямо у него в руках: Фред был способен устроить любую подлость — разослать свои скандальные откровения во все издательства Европы и Соединенных Штатов или даже отдать их в газету, послав таким образом к черту всю программу Уитсек.

Капитан Квинт сообщил об этом своему начальству в Вашингтон, и те, после короткой паники, прочитали роман. Как ни странно, сам факт, что Манцони решил поделиться своими бандитскими воспоминаниями, не сильно их обеспокоил: они боялись обнаружить в его книге имена кое-кого из политиков, кто так или иначе соприкасался когда-то с миром мафии. Успокоившись на этот счет, они предоставили Тому полную свободу действий, и тот остался с сомнительным опусом в двести восемьдесят шесть страниц на руках, да еще и написанным его злейшим врагом. Тут начался поединок, затянувшийся на долгие месяцы. Фред согласился переработать места, где говорилось о делах, не утративших еще своей актуальности, подправил все, что могло выдать его самого, в том числе описание внешности персонажей — даже тех, кого он сам в прямом смысле слова порезал на куски.

Он изменил имена и названия мест, перенес некоторые события в города, где не бывал ни разу в жизни, поменял контекст и сделал неузнаваемыми самые яркие эпизоды. После всех купюр и правок, сделанных по требованию федерального агента, роман вырос с двухсот восьмидесяти шести до трехсот двадцати одной страницы.

— Будем прагматиками, Том. Издав свой роман, я стану дешевле обходиться американскому правительству.

— Вы что, думаете, что ваше литературное творчество не только достойно публикации, но еще и будет приносить деньги?

— Попробуем, хотя бы ради того, чтобы доказать вам. Если моя книжка окажется никому не нужной, я оставлю все свои литературные амбиции, забьюсь в нору и буду всю оставшуюся жизнь каяться и совеститься.

— Чтобы такое стало возможным, вы должны публиковаться под псевдонимом.

— Ласло Прайор.

— Что?..

— Это мой псевдоним. Правда похоже на настоящего писателя?

— Но почему Ласло Прайор? Тут есть какой-то особый смысл?

— Ласло — потому что это как бы по-славянски, да и звучит загадочно. Я всегда считал, что все стоящие писатели — славяне, и все они — загадочные. А Прайор — потому что я всегда был фаном фильма «Миллионы Брюстера» с Ричардом Прайором.

Все это было неправда, Ласло Прайор существовал на самом деле и работал чернорабочим в баре Би-Би, в Ньюарке. Фред взял себе это имя, потому что ему нравилось, как оно звучит, но еще и потому, что между ним и этим типом всегда существовала особая связь. Ласло Прайор и Джованни Манцони были как бы двумя сторонами одной монеты — светлой и темной, и тому были объяснения, которыми Фред не желал делиться с Томом.

— Никаких встреч с издателем и никаких интервью.

— Идет, Том.

— В любом случае, я спокоен: кто захочет читать словесный понос безграмотного графомана? Неужели вы думаете, что найдется издатель, который отважится вложить в вас деньги? Да не родился еще тот дровосек, который решится вырубить кусок леса, чтобы сделать из него бумагу для вашей дребедени!

— Знаете, если это чудо произойдет, вы не пожалеете: я стану образцовым «раскаявшимся» — успешным, в расцвете лет и карьеры.

Через свои каналы Том запросил сводку относительно издательского дела во Франции. Затем, чуть ли не на спор, чтобы обломать зарвавшегося Фреда, был составлен список возможных издателей. Все операции надлежало совершать через Тома, он становился доверенным лицом писателя, пожелавшего сохранить инкогнито. Единственным, кто откликнулся через несколько месяцев после получения рукописи романа Ласло Прайора «Кровь и доллары», был Рено Дельбоск.

Издатель поделился с Томом своими ощущениями от текста. Он нашел стиль «небрежным и хаотичным», в ее нынешнем состоянии книга не могла быть издана, требовались глубокое редактирование и тщательный перевод. Однако он был потрясен высокой точностью описания сцен действия — это какое-то «графическое насилие», почти нематериальное, запредельное, не имеющее ничего общего с реальностью.

— Ничему из этого не веришь ни секунды. Например, эта сцена, где главный герой со своей бандой устраивают чистку в заброшенном доме в Бронксе, занятом пуэрториканцами. Или еще, тот бредовый кусок, когда Виктор Джилли отправляет под пресс бьюик, внутри которого находятся четыре типа, заподозренных им в связях с ФБР.

Виктора Джилли звали на самом деле Винсент ди Грегорио, и это был не бьюик, а шевроле «сильверадо», но в куске прессованного железа размером меньше кубометра действительно нашли четырех типов, только они сливали секретную информацию о клане Джилли не в ФБР, а Дону Пользинелли, *капо* враждебного клана. В описании Фреда этот эпизод и правда походил на некий литературный перформанс — краткий момент взаимопроникновения плоти и металла, в результате которого из-под пресса выходит современная скульптура, символизирующая последнее пристанище человеческого тщеславия.

— Этому не веришь ни секунды, — повторил Дельбоск, — но какое воображение, какой изыск, какое острое чутье на самые чудовищные подробности, какая жестокость! Я не знаю, кто скрывается под именем Ласло Прайор, и, честно говоря, не уверен, что хотел бы с ним познакомиться, но я хочу его издавать. Я могу предложить ему контракт без аванса на небольшой тираж — три тысячи экземпляров — в моей карманной серии, без рекламы. Положимся на людскую молву и посмотрим, что из этого получится.

«Кровь и доллары» вышли в свет в тот год, когда Уэйны поселились в Мазенке. Доверенное лицо Том подписывал контракты, вел телефонные переговоры, получал редкие вырезки из газет о книге, которая была уже переиздана дважды; таким образом, количество проданных за первый год экземпляров достигло восьми тысяч — неплохой итог, позволивший издательству сохранить свою независимость и планировать публикацию следующего (а почему нет?) романа Ласло Прайора.

Правда, прежде чем рукопись показалась Рено Дельбоску готовой к публикации, ему пришлось подвергнуть ее поистине ювелирной обработке. Он добился того, что Фред смягчил некоторые места — не из цензурных соображений, а для сбалансированности текста. Том, у которого не было ни времени, ни желания вникать в эти тонкости, вынужден был связать их напрямую. Они уговорились с Фредом, кто такой Ласло Прайор: высокопоставленный американский чиновник, удалившийся на покой, поселившийся в Провансе и занявшийся там писательством — не столько ради литературной карьеры, сколько чтобы просто убить время. И не такие психи бывают на свете.

— Этот господин Накамура, как и все мы, мечтает о встрече с вами. Я сказал ему о вашем инкогнито, и он обещал его уважать.

А Фред уже размышлял о своих японских читателях. Если повезет, то какой-нибудь якудза, грозный барон японской мафии, возьмет однажды в руки его книжку и, кто знает, может, извлечет урок для себя. Неплохо было бы, думал он, чтобы однажды кто-нибудь основал Интернационал жуликов и составил письменный акт — большую вселенскую книгу всех мафий мира.

Но Фред чувствовал себя слишком старым, чтобы браться за это. Он предпочел вернуться к своему третьему опусу, который имел все шансы оказаться последним.

4

Заглянув в логово Боулза для обычного разбора полетов, Том прошел по безымянной аллее к никогда не запиравшейся двери Уэйнов. В кухне он остановился на мгновение, привлеченный запахом мяса и пряностей, потрескивавших на маленьком огне; ему захотелось приподнять крышку, чтобы посмотреть, что же там готовится.

— Не вздумайте! — воскликнул Фред, появляясь из подвала с бутылками в руках. — Это сюрприз к ужину.

Глядя прямо в глаза друг другу, они обменялись крепким рукопожатием, лучше всякой улыбки говорившим о настроении каждого из них, и разыграли привычную сцену встречи добрых друзей, которыми они не были. Фред пригласил Тома пройти в сад, где их ждал чай с печеньем.

— Я подумал, что для белого вина — а оно в этих местах отличное — еще рановато. И давайте посидим на свежем воздухе — становится приятно.

Под мягким апрельским солнцем Том прошел по крытой галерее, белокаменные своды которой ничуть не пострадали за три века ее существования. Выйдя в сад, он уселся за тиковый стол, потемневший от дождя и холодов, и стал разглядывать заднюю часть дома, стараясь смотреть глазами своей жены Карен, всегда мечтавшей жить в таком месте. Он задержался взглядом на колокольне, оставшейся от старого монастыря, на увитых плющом камнях, на синих ставнях, расположенных на трех этажах комнат, на бассейне, устроенном

немного повыше, чтобы не было видно купающихся, и большой открытой площадке, где хватило бы места целой деревне. Карен заслужила такое.

— Вы что-нибудь делали с домом с прошлого раза?

Фред показал на нижнюю кухню, «очень удобно, особенно летом, чтобы не бегать без конца с этажа на этаж».

— Лимончик к чаю?

— Нет, спасибо, я так.

Специальный агент Томас Квинтильяни мог гордиться своим жалованьем, позволившим ему отправить сыновей учиться в университет и купить дом в фешенебельном районе Таллахасси, штат Флорида. Карен вела там здоровую, спокойную жизнь, деля свое время между садиком и соседями, большей частью пенсионерами. Но, несмотря на все это, она не скрывала своей ностальгии по Старому Свету, который узнала и полюбила, когда изучала там архитектуру, и ей было грустно, оттого что она никогда уже туда не вернется. А вот какой-то бывший гангстер живет в Провансе, в историческом месте, в трех часах езды на поезде от Парижа и своей семьи, когда он. Том, видится со своими три раза в год.

— Мне кажется, Фред, или вы действительно становитесь более цивилизованным? Тонкие вина, чай, старые камни. Вроде бы даже книжку прочитали?

— Обидно было бы пить всякую гадость, живя в винном краю, не правда ли? А чай я всегда пил, только теперь это японский зеленый — говорят, он хорош для простаты. И да, я прочел «Моби Дика» — как все, но не думаю, что об этом стоит рапортовать в Вашингтон.

— Вы стали другим, с тех пор как живете здесь, более основательным, что ли.

И они пустились в долгий разговор об оседлости и подвижности, сожалея каждый о том, чего ему больше не хватало, говоря банальности о темпах жизни, о судьбе, о надвигающейся старости. Эта встреча со старым врагом — как со старым другом — доставляла обоим какое-то необъяснимое удовольствие, каждому интересно было узнать, что произошло с другим за это время, услышать рассказ о его ошибках, его печальные признания. Но время откровенничать еще не пришло, и пусть в кармане у каждого лежал заряженный кольт, готовый быть пущенным в ход в любую секунду, пусть ножи были наточены и ожидали первого неосторожного слова, чтобы вонзиться в противника, пусть в загашнике дожидалась своего часа небольшая ракета, способная разнести прованскую деревушку, Том и Фред попивали чаек, обмениваясь банальностями и греясь в мягких лучах послеобеденного весеннего солнышка.

Капитан ФБР заметил своего подчиненного Боулза, который потягивался за окном, как будто только что проснулся.

— Вздремнул, наверно, сдав вам вахту, — сказал Фред. — Этот человек ночами не спит, все ждет, что я сбегу от него куда-нибудь, как в Нормандии.

— Ну, как вы с ним ладите?

— Он скрытный, молчаливый, слишком «английский» для меня. Вообще-то, по мне лучше бы это был итальянец, типа Капуто или Ди Чикко. Я уже заранее боюсь нашей завтрашней поездки в Париж. Представьте себе восемь часов в одной машине с Боулзом, и вы поймете, что такое полное одиночество.

Раз в год — это делалось под контролем программы Уитсек — Фреду предписывалось являться в посольство Соединенных Штатов для продления единственного документа, удостоверяющего его личность в глазах французской администрации, — паспорта. Впрочем, он никуда не ездил, и этот документ был ему априори не нужен, но Том никогда не упускал из виду необходимость срочного отъезда. Каждый раз его фотографировали, брали отпечатки пальцев, а в случае смены фамилии, что случалось в среднем раз в три года, велели представлять предыдущий паспорт. Учитывая его особый статус, ему назначали

особое время для свидания, обычно в воскресенье, рано утром, чтобы он встретил как можно меньше соотечественников. Фред предоставлял все необходимые сведения, кроме адреса, который знали только Том, Боулз и их высшее начальство в Вашингтоне. Насколько это возможно, Том старался избегать общественного транспорта, и эта поездка в Париж и обратно совершалась обычно на машине. Фред и Питер должны были выехать в субботу ближе к вечеру, к полуночи прибыть в отель, в шесть утра явиться в посольство, с тем чтобы в воскресенье вечером уже вернуться в Мазенк. В этом году, по причинам, знать которые Фреду было совсем не обязательно, Том постарался объединить их тайное рандеву и завтрашнюю поездку в посольство в один уик-энд.

— Боулз прекрасный сотрудник, и пора ему возвращаться на родину. К концу года я приставлю к вам нового агента — свеженького, с пылу с жару, выпускника Квантико.

— Что, если женщину? Могли бы вы уж среди пятнадцати тысяч федеральных агентов подыскать мне женщину. Я бы ничего от нее не скрывал; окажись она еще и хорошенькая, разрешил бы купаться в бассейне.

— Ну вот, еще даже не откупорили бутылку, а уже несете всякую чушь. Лучше сходите на свою нижнюю кухню и долейте горячей воды в чайник.

* * *

В восемь часов Тому наконец было позволено приоткрыть крышку кастрюли, в которой весь день что-то готовилось. Он увидел нечто продолговатое, коричневое и морщинистое, но при этом весьма аппетитное.

— Я знаю, что у итальянцев всему есть название, Фред.

— Это *польпетоне!*[11] Только не говорите, что ваша матушка никогда не готовила такое.

— Моя матушка родом из семьи калабрийских рыбаков, она никогда не умела готовить мясо.

Фред выключил огонь, воткнул в гигантский рулет вилку, чтобы вытащить его на разделочную доску, и нарезал на ломтики. В середине в форме медальона желтела начинка, щедро сдобренная петрушкой. Фред казался удовлетворенным результатом.

— На вид ничего особенного, но требует определенной сноровки.

Несмотря на вкусный запах, исходивший от того, что им предстояло отведать, Том жалел, что не поужинал в первом попавшемся ресторане, на нейтральной территории, что избавило бы его от этого гостеприимства. В прошлом они общались в самых экстремальных ситуациях: война не на жизнь, а на смерть, облавы, арест Фреда. Потом были допросы в тюрьме и определение на жительство на конспиративных квартирах ФБР, двадцать четыре часа в сутки бок о бок, во взаимной ненависти и с дрянным кофе в придачу. Затем они стали перелетать с места на место внутри страны, чтобы сбить со следа мафию, а после «Процесса пяти семей», под наблюдением и максимальным нажимом высокого начальства, махнули за Атлантику открывать новый континент. Они узнали Париж, потом французскую деревню, и Том всегда был рядом с Фредом, охраняя его, как главу государства. Теперь, спустя двенадцать лет, этот прием, это фальшивое гостеприимство, сам факт, что Фред стоял ради него у плиты, мешали Тому. Им предстояло пережить нелегкий момент, который, конечно, был частью их тайного соглашения, но который никогда не проходил безболезненно.

— Не старайтесь быть мне полезным, Том, лучше скажите, что вы думаете об этом вионье.

Том поднес к свету бокал белого вина. Он никогда не пил раньше семи вечера и редко выпивал за ужином больше двух бокалов. От крепкого алкоголя — даже в коктейлях, и от

пива — даже в жару, он и вовсе отказался. И никогда не отступал от этих правил, которые, в конце концов, совершенно отбили у него вкус к пьянству.

— Вионье, говорите? Пять лет назад вы бы не смогли и произнести такое.

— Этот чертов французский засел во мне, как зараза. Я иногда и сам не понимаю смысла слов, которые произношу, и ведь произношу — потому что слышу их то по телику, то на улице. Дети говорят по-французски, а с Магги мы слишком редко видимся, чтобы вдоволь наораться друг на друга на родном ньюаркском наречии. Мне не с кем больше ругаться, даже с Боулзом, с которого все как с гуся вода, а когда забываешь ругательства на языке — что остается? Хуже того: тут на днях я обжегся и вскрикнул не *оуч!* а *ай!.* Похоже, процесс стал необратимым, а?

За столом они прямиком приступили к главному блюду и *конторни.*[12] перчикам с чесноком, тушеному шпинату, брокколи. Том, основной едой для которого было то, что подают в самолетах и в гостиницах, с радостью ощутил прелесть домашней пищи. Где все те яства, что так здорово готовит Карен с ее талантом изобретать новые вкусы? Когда они жили в Новом Орлеане, она постигла все тонкости старой французской кухни. В Таллахасси в два счета освоилась с кухней крайнего Юга. Ей удалось даже выудить рецепты рыбных блюд у госпожи Квинтильяни-матери. Но с тех пор как Том жил в Европе, а дети покинули дом, она довольствовалась помидориной, нарезанной на краешке тарелки, которую съедала наспех, сидя в одиночестве на веранде.

Какое-то время Фред и Том болтали, избегая неудобных тем. Хотя для них все темы были неудобными. Не успев доесть свой кусок мяса, Фред начал возмущаться внешней политикой Соединенных Штатов — особенно когда «наших парней» посылают воевать черт-те где. Не выражая своего согласия или несогласия, Том заметил, что он лишен гражданских прав и не имеет морального права судить об американской политике.

— Что же, я и мнения своего не могу иметь?

— Мнения? Вы? Не знаю, кто это сказал: «Мнение — как дырка в заднице: оно у каждого есть». Так что держите его при себе, Манцони, особенно когда речь идет о патриотизме — вы, всю жизнь вытиравший об американский флаг ноги в ботинках от Гуччи!

И снова Том пожалел, что они не на нейтральной территории. Ставить на место человека, который принимает тебя за столом у себя в доме, не в его обычаях, но это ничего не меняет: есть вещи, о которых он просто не может слушать спокойно. А уж Фреду, этому бывшему мафиозо, и вообще не по чину разглагольствовать о международной политике; до 2001 года на борьбу с организованной преступностью расходовались две трети бюджета ФБР, на борьбу с терроризмом — одна. Потом эти пропорции были изменены с точностью до наоборот.

Удивленный такой жесткостью, Фред на мгновение застыл с раскрытым ртом. Своим молчанием он как бы выражал согласие с тем, что не имеет права голоса. На самом деле он становился патриотом, лишь когда это ему было удобно, и если и выступал иногда против какой-нибудь войны, то происходило это чаще всего за картами, в задней комнате бара, перед работающим телевизором: «Задолбали со своим сраным вооруженным вторжением! Давай лучше про биржевые курсы, эй ты, телик!» Если ему и приходилось самому браться за оружие, то лишь для зашиты территории, где он промышлял рэкетом и коррупцией, а вовсе не своей страны. Только внутренние мафиозные войны трогали его по-настоящему. Фред считал их не менее кровавыми, а слезы жен мафиози не менее горькими, чем слезы солдатских вдов.

— Что ж, вы правы, Том. Мне это не по чину.

Фред никогда не верил в политику, потому что никогда не верил в будущее. «Солдат мафии» задумывается о жизни на короткий срок, на день-другой вперед, потому что каждый прожитый день для него праздник, который он отмечает вечером в ресторане у Беччегато

или в баре у Би-Би. «Солдат мафии», умерший в своей постели, — это либо гений, либо неудачник. Дав показания против мафии, Фред перестал быть ее солдатом, и не потому, что предал ее, а потому что у него появилось будущее, как у обычного налогоплательщика — фраера, человека с улицы.

Вместо объяснений он предпочел нанести удар ниже пояса, эффективность которого не раз уже успел проверить.

— Я перестал верить в политику, когда политика начала верить в меня. Ах, Том, вам никогда не познать этого удовольствия, которое испытываешь при виде губернатора, жаждущего выкупить у тебя фотографию, где он пожимает тебе руку в шикарном ресторане. Даже Гуверу, вашему святому покровителю, и тому доводилось вкушать *лингуини*[13] за одним столом с легендарными *капо.*

— Раньше я, может, и попался бы на эту удочку, но сегодня песни на тему «политики ели у меня с руки» не помешают мне наслаждаться вашей замечательной кухней. Что меня всегда поражало в вас, мафиози, так это восхищение самими собой. Другие преступники плачут, что из-за трудного детства и всего такого не смогли жить нормальной жизнью, жалуются, что им не повезло, что они попали в дурную компанию, покатились по наклонной плоскости. Мафиози же, наоборот, благословляют небо за то, что они такие, какие есть; они считают, что на них снизошла благодать и что, когда они родились, над их колыбелькой склонились три добрые феи — Капоне, Нитти и Лучано. Я ни разу не слышал, чтобы даже на скамье подсудимых хоть один из них пожалел о своей карьере в «Онората сочьета». Даже в худшей из тюряг ваши похожи на блаженных, которые поедают свои макароны под пение Синатры. А в последний час, перед тем как испустить дух, вы благодарите Господа за то, что он избавил вас от этого ужаса — жизни честного человека.

— Жизнь честного человека? Да я еще мальчишкой знал, что у меня нет к этому ни малейшего призвания. В семь или восемь лет, когда я стал задумываться над тем, что такое жизнь, люди, будущее, знаете, что я делал? Я забирался на холмы Керни-парка и оттуда смотрел на Ньюарк. Мне был виден каждый дом, каждый огонек. Я представлял себе этот человеческий муравейник, бесконечное множество разных ситуаций, невероятную сложность взаимоотношений, мне было интересно, каким чудом вся эта удивительная чертовщина может крутиться и работать. Я чувствовал себя маленьким-маленьким и совершенно неспособным отыскать свое место в этом мире, что копошился у моих ног. Мне хотелось знать, где же тут моя дорога, что ждет меня и на каком углу, в какую сторону мне сворачивать. Все мальчишки задумываются об этом, и вы тоже, Том.

— Это точно. Только у меня это была крыша Крайслер-билдинга.

— Разница между нами в том, что там, где вы видели честного человека, я видел беднягу, бредущего по долине слез. Там, где вы видели доброго дедулшу, я видел старика, озлобленного сплошными неудачами. Там, где гуляли пары влюбленных, мне уже виделись будущие ревнивцы и рогоносцы. В каждом священнике я видел инквизитора, в каждом преподавателе — жалкого учителишку, а в каждом копе — копа. И сегодня ни вы, ни я нисколько не изменились: для вас человек априори хороший, пока он не проявит себя с плохой стороны. Для меня же он плох по своей природе, пока не удивит меня каким-нибудь добрым поступком по отношению к ближнему.

— Вы произносите «честный человек» так, словно это оскорбление.

Что же касается мафиози, тут дело не в слове «честный», а в слове «человек». Вы же так и не стали людьми, мужчинами. Ваш средний IQ не выше, чем у двенадцатилетнего мальчишки, отсюда и все остальное: нравственные устои, уважение к другим. Вы — дети в кубе, вся деятельность которых направлена на удовлетворение собственных желаний, при полном отсутствии чувства вины. Любой, кто будет иметь несчастье встать между вами и вашим ящиком с игрушками, обречен на немедленную смерть. Ваша жестокость — это

жестокость ребенка, обрывающего крылья бабочки, чтобы посмотреть, как она устроена. Вам случается иногда плакать — как плачет ребенок, у которого отняли игрушку. Когда же ваши шефы благодарят вас, вы раздуваетесь от гордости, будто сопляк, которого похвалил взрослый. Вы, Фред, — не мужчина в моем понимании.

— Сегодня я еще легко отделался, — улыбнулся тот, — обычно вы меня сравниваете с животным. Тронут. Фруктового салата?

— Домашнего приготовления?

— Естественно. Не знай я вас, подумал бы, что вы хотите меня обидеть…

Он поднялся и начал убирать со стола. Помогая ему, Том ждал начала настоящего разговора, который Фред все время оттягивал.

— Однажды вы поймете. Том, что обязаны мне лучшими моментами вашей карьеры, и тогда вы скажете мне спасибо.

— Я уже говорю вам спасибо, вне всякого сомнения, вы — моя лучшая победа. С тех пор как вы дали свои показания, «Коза ностра» превратилась в развалину и вот-вот совсем обрушится.

Том Квинт был одним из тех, кто подготовил этот крах, и его упорство было вознаграждено — вместе с Карен его пригласили в Белый дом, где он имел личную беседу с президентом в Овальном кабинете.

Фреду захотелось чего-нибудь крепкого, и он предложил выпить по капле грагаты — с видом на погруженную во тьму долину, в глубине которой мерцали огоньки засыпавшей деревеньки.

— Вы же прекрасно знаете, что я не пью такого, но если у вас имеется травяной чай, я охотно к вам присоединюсь.

— Поройтесь в верхнем шкафу. У Магги есть всё, но я в этом не разбираюсь.

Через несколько минут они созерцали прованскую ночь, один с рюмкой холодной водки, другой с чашкой мятного отвара в руке, умолкнув как два старых друга, каждому из которых вполне хватает молчаливого присутствия другого. Пользуясь безмятежностью момента и желая разговорить наконец Фреда, Том ввернул ему комплимент в своем духе, без всякой задней мысли:

— Я искренне завидую вашей возможности наслаждаться этим видом, этим покоем. Иногда, где-нибудь в аэропорту, во время видеоконференции с каким-нибудь занудой или когда я слышу, что вылет откладывается, я думаю о вас. Представляю, как вы сидите здесь, на свежем воздухе, или у камина, и думаю, что надо и мне когда-нибудь вот так…

Вопреки ожиданию, Фред плохо воспринял услышанное. Этот Том выставляет себя этаким активным деятелем, ответственным работником, в то время как Фреду только и остается, что сидеть, укрывшись пледом, словно пенсионеру, каковым он, в сущности, и стал. С начала беседы он не раз делал намеки на свое писательство, но Том ни одного из них не понял. А его как раз больше всего и раздражает, что тот всячески отрицает его статус писателя.

— В следующий раз, когда будете меня себе представлять, не забудьте пишущую машинку.

Она всегда где-то поблизости, и если я и оставляю ее на время, то лишь затем, чтобы вернуться к ней со свежими идеями. Правда, живи я где-нибудь в другом месте, никогда столько не работал бы. Здесь я могу сосредоточиться. Меня ничто не беспокоит из окружающего мира, такое впечатление, что я на верном пути к чему-то главному, а остальное — вопрос терпения.

Тому впору было укусить себя за руку. Они несколько часов всячески обходили эту тему, и вот на тебе — она возникает именно сейчас, когда этот мерзавец готов был уже

разродиться! Как он только смеет трепать такие слова: «работать», «сосредоточиться», «терпение», говоря о своих смехотворных приступах графомании? Хоть Том и жил в мире, где продается и покупается абсолютно всё — вещи, лишенные практического смысла, чистая выгода в вакуумной упаковке, никому не нужные услуги, — он никак не мог понять, каким образом сочинения Фреда могли убедить издателя. Книжки были выпущены, два тома по двести пятьдесят страниц, в твердом переплете, по двенадцать евро за штуку, их можно было приобрести в книжных магазинах и через Интернет, потрогать, раскрыть, даже сжечь — но это все равно ничего не изменило бы в абсурдности ситуации, потому что они существовали.

— Мне тут пришлось расстаться с некоторыми иллюзиями, — добавил Фред. — Я думал, что любому виду творчества должен сопутствовать хаос — ан нет.

Том почувствовал, как внутри него вскипает ярость, пробудить которую мог один только Фред, — реакция на дикую смесь глупости и самодовольства, которые — вот уж верх подлости! — выдавали себя за высшее искусство.

— Скажите, Том, вы ведь читали «Империю тьмы»? Вам не кажется, что это определенный шаг вперед по сравнению с «Кровью и долларами»?

Том одними глазами взмолился, чтобы он прекратил.

— Вы можете говорить открыто, не щадите меня.

— Вам прекрасно известно, что я читал «Империю тьмы», в силу обстоятельств я вообще ваш первый читатель. Только не спрашивайте, что я обо всем этом думаю.

— Нет, я спрошу.

— …

— …

— Кажется, у французов есть для этого отличное выражение: обосраться. Я не слишком разбираюсь в литературе, но знаю точно: то, чем вы занимаетесь, к ней отношения не имеет. Когда я сам прочитал вашу прозу, то, перед тем как отдать ее на съедение ни в чем не повинным читателям, я собрал в Вашингтоне четырех агентов, чтобы они изучили ее вдоль и поперек на предмет наличия всяких кодов, скрытых посланий, реальных имен, слишком прозрачных ситуаций и тому подобное. Надо было видеть их там, в зале для совещаний: они валялись от смеха в своих креслах, читая вслух куски вашего романа. Они буквально катались по полу, то и дело выкрикивая: «Слушайте, ребята, вот у меня — здорово!» — и от очередной цитаты впадали в такую истерику, что сбегались сотрудники соседних отделов. Да они и до сих пор не могут вспоминать об этом без слез.

Услышав это, Фред застыл на месте со стаканом в руке, не находя что ответить, чтобы сохранить хоть каплю собственного достоинства.

— Я все пытался разгадать тайну этого загадочного явления — издания ваших творений, — продолжал Том. — Столько людей пишут и только мечтают быть изданными, почему же вам, который считает, что метафора — это такой зверь с щупальцами, — почему вам это удалось? Я прочел «Кровь и доллары» во французском переводе — купил в аэропорту в Ницце и закончил перед самым приземлением в Катанье. У меня создалось странное впечатление, что я читаю другой текст. Произошло маленькое чудо. Ваш издатель совсем не такой дурак, каким я себе его представлял: он употребил весь огромный талант вашего переводчика, который, рискуя навеки увязнуть в этой словесной трясине, все же придал более-менее презентабельный вид жуткому нагромождению искореженных фраз, якобы выражающих неуемную животную силу. Кроме того, он очистил текст от якобы лирической составляющей, оставив только самые простые фразы, которые, с их кажущейся наивностью, делают описываемые вами ужасы совершенно невыносимыми. Короче говоря, автор «Крови и долларов» и «Империи тьмы» — это не таинственный Ласло Прайор, не

Джанни Манцони, не Фред Уэйн, а ваш издатель Рено Дельбоск и ваш переводчик Жан-Луи Муано. Если этот тип однажды окажется безработным, я сразу же возьму его к себе в Федеральное бюро.

Фред продолжал стоять неподвижно, как нокаутированный боксер, готовый рухнуть при малейшем дуновении ветра. Но Том еще не закончил и приготовился к последнему апперкоту.

— К счастью, это надувательство скоро закончится. Во втором опусе вы уже топчетесь на месте — вам нечего больше рассказывать, вы просто нагоняете объем своими анекдотами. Длиннющий список ваших гнусностей все же не бесконечен: когда вы расскажете читателям обо всех ста пятидесяти способах сокрытия трупов, то окажетесь на мели. На этот счет я спокоен: третьего романа Ласло Прайора не будет.

Окаменев от бешенства, Фред все же сохранил достаточно здравого смысла, чтобы не допустить физической агрессии в отношении Томаса Квинтильяни, чьи возможности расквитаться с ним были поистине безграничны. Начальство всегда его покроет и позволит действовать на свой страх и риск. Это не считая того, что в драке Том никогда никого не боялся и владел двумя или тремя видами восточных единоборств до такой степени, что его звали сэнсэем во всех школах мира.

— Я, конечно, немного преувеличиваю. В конечном счете я ведь не литературный критик.

— Для внука калабрийского рыбака вы разбираетесь очень даже неплохо. Бог знает, сколько между нами было всего с тех пор, что я вас знаю, но так больно, как сегодня, вы мне никогда не делали.

Капитан Квинтильяни поставил чашку на каменную скамью, на которой когда-то сиживали сотни монахинь, и посмотрел на мерцающие в долине огоньки. Он злился на себя за то, что поставил под угрозу продолжение такого важного разговора. Но Фред, получив нокдаун, тоже хотел поскорее с этим покончить.

— Доставайте ваш блокнот, Том.

И Том полез в карман пиджака.

— О расхищении фондов проекта финансирования города Белвью нам сообщил Луи Чиприани. Так называемое «дело Парето», вы, должно быть, помните.

Том строчил на полной скорости, слово в слово, пусть он и не понимал на данный момент всех подробностей, которыми Фред решил с ним поделиться.

— Этот же Луи был посредником между нами и банком Беккарта, отмывшим семьдесят пять процентов прибыли по делу Парето.

Том слушал во все уши — о том, чтобы переспросить что-то, не могло быть и речи. Когда Фред начинал выкладывать информацию, надо было хватать все на лету и обязательно в письменном виде, потому что он никогда не согласился бы оставить свой голос на пленке.

— Банкира звали Фицпатрик, имен не помню, но вы быстро его отыщите. Он был настолько счастлив иметь с нами дело, что сам — банкир! — попросил меня реинвестировать его прибыли.

В этом пакте заключалось исключительное долголетие Джанни Манцони в рамках программы Уитсек. Того, что он выдал во время процесса, хватило более чем на десять лет. Зная, что Дядя Сэм рано или поздно пошлет его ко всем чертям, Фред нашел способ обезопасить себя, сливая информацию по капле. Это была его страховка.

— Они с Луи вместе проводили отпуск на трехмачтовом паруснике, принадлежавшем банку. Еще Луи организовал налет на Нейшнл Ситирейл для Пользинелли. Он сначала предложил это нам, но мы заколебались, и зря. А вот захват фургона «Фарнелла» — наших рук дело.

Том записывал. Вот она, награда за год ожидания.

— Вы там у себя, в ФБР, считали, что четвертым был Натан Харрис, и напрасно его сцапали. Вам надо будет выпустить его из Сан-Квентина и попросить у него прощения. Четвертый — это Зигги де Витт.

— Зигги де Витт? «Шкипер»?

— В то время он еще им не был. Этот идиот грохнул шофера, о чем никто его не просил, у него нервы просто ни к черту. После того случая он придумал довольно хитрый ход, как превращать южноафриканские брюлики в колумбийский кокаин, все это переправлялось туда-сюда на яхтах разных фраеров, у которых бабок было по самое некуда, и главное — эти идиоты даже не подозревали, что они перевозят.

— Так, а двое остальных, кроме вас, как мы уже установили, Энтони Пэриш и Джефри Хант?

Фред кивнул и продолжил:

— Думаю, мне стоит указать вам еще на одну ошибку: после той дурацкой облавы, что ФБР устроило на собачьих бегах на Род-Айленде и которая закончилась бойней, газеты писали о трех погибших мафиози. По части братьев Минск вы были совершенно правы, а вот что касается Берни Ди Мурро, это был чистоплюй, который и яблока-то ни разу в жизни не украл.

Во время своих откровений Фред никогда не упускал случая упомянуть одну-две судебные ошибки, чтобы поставить Тома в неловкое положение.

— Его семья до сих пор страдает, в любой дряни, что случится в их квартале, подозревают их. Вы больше не записываете. Том? Это вам уже не интересно? Предпочитаете услышать, откуда взялся тридцать один процент финансирования стадиона Палленберг?

— ...

— Конечно, это интереснее. Эти проценты были перечислены «Ройсан компани», фирмой, которую основали мы с Арти Калабрезе и Дельроем Пересом, а юридический адрес ее располагался в почтовом ящике полуразрушенного дома на Уэст-Маркет-стрит.

Том покрылся холодным потом. Агенты вот уже десять лет пытались разобраться с этим делом, не продвинувшись за эти годы ни на сантиметр.

— Я внес десять процентов, Калабрезе — одиннадцать, то есть все, что получил от своего бизнеса с внедорожниками, а Дельрой имел удовольствие внести свои десять процентов, отправив для этого восемьдесят торговцев героином работать сверхурочно на улице. На мой взгляд, вашим коллегам из DEA стоило бы заглянуть в подвал дома номер тысяча сто восемьдесят четыре по Тилбери-род, в Ньюарке — там они сгружали дурь, прибывавшую из Боготы. Теперь вы понимаете, что на этом стадионе мы чувствовали себя словно в своей гостиной. У меня была ложа. Арти. Дельрой и я, мы даже носили значок с изображением последнего президента, после того как он выступал там с речью во время избирательной кампании. Ну вот; Том. На этот год — всё.

На большее капитан Квинт и не рассчитывал. Фред всегда очень точно дозировал количество информации, которую сливал лишь для того, чтобы продлить внимание программы Уитсек к собственной персоне.

— Следующее свидание через год. Если мы за это время останемся добрыми друзьями, обещаю рассказать вам все о карибской цепочке, которая появилась на моих глазах и, кажется, чем далее, тем сильнее сияет.

В порядке исключения Том задал последний вопрос:

— А на Джои Д'Амато у вас ничего нет?

— Джои Д'Амато? На психопата, что ли?

— Я готов оплатить любую информацию об этом подонке.

— Я мало с ним работал, уж больно он был ненормальный. Даже на нас нагонял страху. Что, о нем снова заговорили?

— Ему на свободу через три месяца, а мне не хотелось бы видеть его на воле.

Фред понимал почему. Рассказывали, что Джои Д'Амато, получив пятнадцать лет за вооруженное ограбление, прямо на суде поклялся, что достанет того, кто упрятал его за решетку, — а именно, капитана Томаса Квинтильяни лично.

— Мне жаль, Том, но у меня на него ничего нет.

— Что ж, ничего не поделаешь, — ответил тот, пряча блокнот и намереваясь включаться в работу.

Хотя Фред и сам решал, какую информацию и в каком количестве он выдаст в следующий раз, такие сеансы давались ему с большим трудом. Он готовился к ним заранее, делал заметки, прикидывал, какое впечатление произведут его откровения. Но чем ближе был день его ежегодного свидания с Томом, тем он становился раздражительнее и мрачнее. Не то чтобы его уж так сильно волновала судьба Дельроя Переса или Зигги Де Витта, но всё снова переживать, снова оказываться в роли предателя — от этого нутро у него переворачивалось, и он ощущал себя в одно и то же время и палачом, и жертвой. Не сегодня-завтра жизнь людей, которых он только что заложил, полетит ко всем чертям, и никто не поймет, что за проклятие обрушилось на них. Они быстро догадаются, что кто-то накапал, но вот кто? Много имен придет им на ум, но только не Джованни Манцони, этого предателя из предателей, исчезнувшего двенадцать лет назад. Никому из них невдомек, что они стали частью долгосрочной стратагемы и что после них будет еще много других, и те тоже будут ломать себе голову, как это они оказались за решеткой, даже не почуяв опасности. Только что, между двумя глотками граппы, он убил несколько человек. Он не нажимал на курок, но это было так. Эти люди погибли. Люди, которых Фреду не в чем было упрекнуть, совсем наоборот. Некоторые из них протягивали ему руку помощи, один даже спас жизнь, предупредив о ловушке, и никто не причинил ни малейшего вреда. А Фред отправил их только что за решетку — кого на пять, кого на десять, кого на двадцать лет. Кое-кого из них Том расколет, и они тоже сдадут еще какого-нибудь парня, и тогда он мелкую сошку отпустит, чтобы поймать рыбу покрупнее. Там, по ту сторону Атлантики, жизнь «Коза ностры» делилась на «до» и «после» Манцони. Фред приберег для нее еще несколько ударов, но все они будут нанесены сзади.

— Мне пора, — сказал Том. — У меня был трудный день, а вам завтра ехать. *Польпетоне* и все остальное было великолепно.

— Будьте моим гостем до конца, устраивайтесь наверху, в любой спальне. Можете даже занять все крыло с ванной и всем прочим.

Предложив стол, предложить еще и дом — это был его способ выйти из сражения с гордо поднятой головой.

— У Боулза вам отдохнуть не удастся. Вы там просто не заснете: он храпит.

— Храпит? А вы откуда знаете, Фред?

— Ну… Я просто думаю, что Боулз должен храпеть, как все после выпивки.

— Боулз пьет?

— …Делайте как знаете, Том, и спокойной ночи.

Капитан покинул дом, не испытывая никакой радости при мысли о тесной каптерке, где ему предстояло провести ночь. Правда, спать он не собирался: ему надо было как можно скорее передать только что полученные сведения высшему начальству Федерального бюро.

* * *

Прошедший день был ужасен, и следующий обещал быть не легче. На пороге спальни Фред попятился, увидев, как из ванной выходит Магги.

— Это ты?

— Я решила лучше приехать вечерним поездом, — сообщила Магги, уже закутавшись в перину.

Действительно, она только что хлопнула дверью своего заведения и поспешила укрыться рядом с мужем. На этот раз Франсис Брете победил окончательно. Действуя через посредника, группа «Файнфуд» предложила владельцу дома на улице Мон-Луи, где располагался «Пармезан», выкупить здание. Вместо подписания очередного договора о найме. Магги попросили в кратчайший срок очистить помещение. Чтобы добить умирающего Давида, Голиаф развернул военные действия с размахом, которому позавидовал бы Пентагон. Объявив своей команде о закрытии предприятия и пообещав найти какой-нибудь выход из сложившейся ситуации, Магги, как того требовали правила, последней покинула тонущий корабль. Похоже, прекрасная история «Пармезана» на этом заканчивалась.

Битва против агрессивного и злобного конкурента измотала ее и заставила усомниться в обоснованности надежд. Теперь она жалела, что имела наивность бороться за свое скромное место в экономических джунглях, законы которых были подчас еще более жестокими, чем те, по которым жил клан Манцони. Она не имела ни малейшей склонности ощущать себя жертвой и не признавала поражения, не испробовав всего, что в ее власти, но такая недоброжелательность ей претила, а потому она уже готовилась сдать оружие.

Она потянулась к мужу, чтобы привлечь его в постель, прижаться к нему. Ей нужно было почувствовать его объятия, уткнуться лбом ему в грудь. Отвечая на нежность жены, он не заметил ее состояния и, скользнув руками по ее бедрам, ухватил за ягодицы. Несколько мгновений Магги терпела его ласки, но потом тихонько высвободилась из объятий. Однако Фреда не так легко было заставить отказаться от своих намерений, и он вполне однозначно дал ей понять, что желает увидеть ее голой; несколько минут они продолжали борьбу, которая закончилась взрывом единодушного хохота. Он слишком хорошо знал ее, чтобы не понимать, что в подобном случае нужно подождать и она сама к нему вернется. Да и он был озабочен и утомлен не меньше ее, и потому не стал настаивать на продолжении любовных игр. Он долго стоял под душем, который расслабил его мышцы и нервы, а затем лег рядом с женой, чтобы забыть этот день, следя за беззвучными и бессмысленными кадрами телепередачи.

— Мы с Квинтом были там, внизу.

— Я видела вас, когда закрывала ставни.

— А почему ты не подошла поздороваться с нами?

— Я почувствовала, что вам надо побыть наедине. Я не права?

Они пожелали друг другу спокойной ночи, но у них так и не вышло сосредоточиться на приятных мыслях, которые могли бы плавно перейти в сновидения. Они ворочались в постели, время от времени оказываясь лицом к лицу с широко раскрытыми глазами.

— Вот видишь, надо было все-таки трахнуться, — улыбнулся Фред.

У Магги возникло искушение воспользоваться бессонницей и рассказать ему о своих несчастьях. Кому еще ей довериться, как не спутнику жизни, с которым положено делить и радость, и горе? Многие их радости были намного радостнее, чем у других, а горе — намного горше. Они прошли бок о бок через страшные испытания, пережили немыслимые драмы, и все же вот — лежат рядом в постели, делят бессонную ночь. *Меня обижают, Фред!* Ей хотелось прокричать это мужу в два часа ночи. Потому что, если даже Фред и рад ее

возвращению домой, он не потерпит, чтобы его жену кто-то унижал, доводил до слез, разрушал то, что она создала своими руками. Увы, она слишком хорошо знала единственный возможный ответ мужа на такое обращение: генеральная уборка.

Он начнет с Франсиса Врете и будет строгать его ломтями, пока тот не скажет, откуда получал приказы; бедняга недолго будет сопротивляться, расколется сразу, как только проглотит первые выбитые зубы. Тогда Фред отправится в штаб-квартиру и самостоятельно отыщет дорогу к кабинету замдиректора по кадрам. Тот удивится сначала, не понимая, чего хочет от него этот тип и как охрана — четыре громилы, вырубленные им на автостоянке, — его пропустила. Однако, приняв бензиновый душ, он вдруг почувствует себя очень уязвимым и лично проводит его до кабинета генерального директора, который, протаранив головой батарею, сознается, что получает приказы от американцев. Через какое-то время в Денвере, Сиэтле или Питсбурге, на верхнем этаже Файнфуд-билдинга, главный босс, возглавляющий целую коммерческую империю, увидит как в его кабинет вламывается какой-то псих. Схватив босса за ноги и вывесив его вниз головой за окно, псих спросит: *Это ты тут главный или над тобой еще кто-то есть?*

Между двумя воплями ужаса несчастный выкрикнет свое «нет», и Фред, готовый отпустить его полетать с шестидесятого этажа, добавит: Ты *что, правда решил зарубить моей жене Магги бизнес?* И босс, слыхом не слыхавший ни о Магги, ни о «Пармезане», да и в Европе никогда не бывавший, станет молить своего мучителя о прощении. После чего, успокоившись, Фред покинет здание, унося в мешке для мусора несколько миллионов долларов за моральный ущерб. Вот такой он, метод Манцони.

— Мне тоже надо было выпить травяного чая, а не этой граппы.

— Давай, Фред, я приготовлю нам обоим.

Четверть часа спустя они сидели развалившись на диванах большой гостиной, он в пижаме, она в пеньюаре, с чашками в руках.

— Считается, что вербена помогает от бессонницы?

— Как и всё — надо в это поверить.

— Довольно вкусно…

Сделав несколько глотков, он добавил:

— Тебе не кажется, что мы стареем?

Магги, растроганная его доверительным тоном, приготовилась объявить, что ее парижское бегство закончено. «Пармезан» останется приятным воспоминанием, эта победа тем более важна для нее, что она добилась ее так поздно. Она умолчит о пережитых неприятностях, о давлении, перед которым ей пришлось уступить, о горечи, что надолго останется в глубине ее сердца.

Но в тот самый миг, когда она собралась нарушить молчание, Фред опередил ее.

— Я знаю, что тебе наплевать на все это, но Квинт опять попытался меня унизить в разговоре о моих книжках. Он считает, что это литературное безобразие скоро закончится, потому что мне не о чем больше писать. И ведь он прав, этот говнюк.

Не хватило секунды. Магги и не заметила, как сложилась эта типичная семейная ситуация, когда супруги пытаются установить, чьи неприятности важнее. Сколько раз приходилось им проживать этот момент, когда, делясь своими бедами, каждый считал их гораздо более серьезными, чем пустяки, о которых рассказывал другой. У Фреда и Магги эти противопоставления обычно выглядели так: «машина на штрафной стоянке» и «ангина», «дерьмовый день» и «такой-то не звонит», «устал как черт» и «я вся на нервах» и т. д. Она жалела, что не успела начать первой и теперь вынуждена помалкивать, слушая, как этот эгоист пытается разжалобить ее своими дурацкими стилистическими проблемами, — и это в то самое время, когда она переживает настоящую драму, о которой он даже не подозревает.

— Я представлял себе, что состарюсь с авторучкой в руке, что меня будут читать во всем мире, что я протяну вот так до самого конца. А теперь… «Империя тьмы» будет, наверно, моей последней книжкой. Мне не о чем больше рассказывать, да и в любом случае делаю я это плохо. Никто не хочет читать меня на языке оригинала, да ты и сама это знаешь.

Она промолчала, ей было обидно, что критика Квинта задела его гораздо сильнее, чем ее слова.

— Стиль у меня такой, что обосраться можно, а воспоминания почти иссякли. Теперь я понимаю, почему все время топчусь на месте с персонажем Эрни — мне нечего про него писать, ему просто нечего уже делать.

— О каком Эрни ты говоришь?

— Эрнесто Фоссатаро. Он вел лимузин в день нашей свадьбы.

— Да, такого не забудешь, он едва умел водить машину.

— Он появляется на сорок шестой странице моей книжки. Я рассказываю, как ездил с ним в Институт судебной медицины на опознание его брата.

— Это мне ничего не говорит.

— Мы с Эрни тогда дар речи потеряли, потому что у брата не было гортани.

— Что?

— Судмедэксперт показал нам тело Пола без гортани. Эрни чуть с ума не сдвинулся, все орал, что не уйдет, пока ему не вернут чертову гортань его братца. Сбежались копы, стали убеждать его, что так и нашли тело — без гортани.

— Можно без подробностей?

— Так вот я рассказываю об этом, а потом — всё, Эрни больше не появляется. Я потратил уйму времени, чтобы описать его внешность, ты, может, и не помнишь, но описывать внешность Эрни — это не пустяк. Я так здорово внедрил его в окружение, да уже и сам начал к нему привязываться, и вот все застопорилось, потому что мне нечего больше писать про него.

— А его смерть? Ты же можешь рассказать, как он умер?

— Да нет же! Эрни умер от разрыва аневризмы, в больнице. Помню наш самый последний разговор, я тогда давно его не видел и вот спрашиваю: «Как дела, Эрни?» А он и отвечает: «Неважно, голова болит». Помню, я еще тогда подумал: «Зачем он говорит мне это, идиот?» Ну, правда, я ведь спросил чисто из вежливости — такие вопросы задаешь по сто раз на день, встретишь кого-нибудь и спросишь: «Как дела?» — и вдруг он мне про свою голову. Что он, хочет рассказать мне про вчерашнюю попойку? Или чтобы я сбегал ему за аспирином? У меня в те дни на хвосте уже болтались федералы, а он мне гундит про свою идиотскую башку. Он еще добавил тогда: «У меня мать и сестра умерли от разрыва аневризмы, это у нас семейное, боюсь, как бы и со мной такого не случилось». Я не мог рассказать ему о своих проблемах с федералами и мысленно послал его подальше с его башкой. А недели через две мне сказали, что он умер.

Магги всегда знала, что она не одинока: Фред не обращал внимания не только на ее жалобы.

— Ты пишешь мемуары, похожие на роман. Попробуй обратное.

— …?

— Ты считаешь себя романистом — так вот попробуй сочинить жизнь Эрни дальше.

— Как будто он не умер?

— Представь себе, что он продолжил свою блестящую карьеру, и придумай, что такого он мог еще совершить. Чем он занимался?

— Рэкетом. Крышевал, разбирался с конкурентами. Они с ребятами умели поставить всех по стойке смирно.

Поднеся чашку к губам, Магги задумалась. Эрни… Встречала она таких десятками, в самых разных областях деятельности — похуже, чем рэкет. Однако фраза *разбирался с конкурентами* навела ее на мысль. Взгляд ее утратил невинность.

— Так подумай в этом направлении.

Продолжить судьбу Эрни? Фред задумался. Не вспоминать, а сочинять. Создавать что-то новое, а не перетряхивать старьё. Воскрешать мертвецов и снова ставить их на работу. Чтить память павших, описывая их подвиги. Вытащить на свет божий приговоренных к пожизненному заключению стариков, которые могли бы еще славно потрудиться на дело организованной преступности. Безграничные возможности — если только Фреду удастся преобразовать прожитое в живую материю. От покрытых пылью анекдотов перейти к захватывающим дух приключениям. Говорить о себе не я *был,* а *трепещите, вот он я.* Может, именно для этого хитроумный Бог подсунул ему однажды эту заржавленную пишущую машинку: чтобы он заново сочинил историю своего тайного общества. Не выкапывать больше славное прошлое, а написать его заново — таким, каким ему надлежало быть. То, чего не было, но что могло бы состояться. Создать идеальный образ империи — описать ее такой, какой ее должны были бы знать, а не жаловаться на ее упадок. Именно потому, что такие вот Джанни Манцони приложили руку к падению «Коза ностры», Фреду Уэйну (он же Ласло Прайор) необходимо сегодня дать ей новую, прекрасную будущность!

— Смотри-ка, Магги, пьешь, пьешь всю жизнь всякую сорокаградусную хрень. С каждой рюмкой считаешь себя круче, сильнее, умнее всех. И вдруг однажды хлебнешь травяного настоя, и все становится яснее ясного, и сразу планов — завались. Что ж ты мне раньше этого не сказала?

Магги не слушала его. Слова *территория, пицца, Эрни, конкуренция Брете, романы рэкет судьба, метод* и *пармезан* выстраивались в ее мозгу в порядке, не поддававшемся на данный момент дешифровке. Но она не успела задуматься над всем этим: Фред схватил ее за руку и с напускной грубостью потащил куда-то. Она подчинилась, зная, что это путешествие по лестницам и коридорам закончится в постели. С былой страстью они скинули себя одежду, с легким сердцем и огнем в крови, исполненные неожиданной для такого часа энергией. Фред набросился на нее, пожирая ее тело, и Магги стиснула его — человека, которого любила, — в объятиях, вцепившись в него, словно оба они висели над пропастью. Их вытолкнуло в открытое пространство, они упали на коврик перед кроватью и с новой силой сплетали руки, ноги, искали губы друг друга. Экстаз подстерегал их и настиг неожиданно, сразу обоих.

Магги прослезилась, возблагодарив жизнь, которую подчас проклинала, за то, что та подарила ей встречу с Джанни Манцони. Человеком, который в такие мгновения был ее прошлым и будущим. Человеком, которого она предаст с наступлением утра, но до утра было еще так далеко.

* * *

Питер вырулил машину в безымянную аллею на глазах у шефа, который даже не пытался его направлять, настолько он был озабочен предстоящим уик-эндом, расписанным с точностью до часа. Появился Фред с рюкзачком на плече.

— А что, это паломничество в посольство все еще имеет смысл? Зачем мне вообще паспорт? Я ведь теперь самый оседлый человек в мире.

— Им нравится встречаться с вами раз в год — так им кажется, что они контролируют ситуацию. И потом, мы никогда не можем быть застрахованы от необходимости внезапного

отъезда, так что пусть уж лучше ваш паспорт будет в порядке. Помните, сколько времени мы потратили на таможнях?

Был уже седьмой час, и капитан Квинт стал торопить Фреда с посадкой в машину.

— Оставляю на вас дом, Том.

Невинное замечание, но Том предпочел бы его не слышать. Фред помахал рукой Магги, стоявшей у окна спальни. Машина тронулась, и Магги с Томом смущенно переглянулись.

Готовясь к двадцатичетырехчасовому общению с этим тупицей Фредом, Питер пообещал себе не совершать прошлых ошибок: не давать ему руль, не позволять заправляться, не разрешать делать нелепые заказы в номер и т. д. Проспав двенадцать часов кряду, он отлично отдохнул и чувствовал себя способным проделать весь путь до Парижа без остановок. Кроме того, чтобы обезопасить себя от болтливого пассажира, он позаботился о компакт-дисках.

— Боулз?! Я надеюсь, вы не будете все шесть часов душить меня классикой? Я ведь тоже имею право на свои пятьдесят процентов программы?

Машина спускалась с холма в лучах предзакатного солнца.

— От этой классической музыки я покрываюсь гусиной кожей, — добавил он. — Не зря они ее всегда суют в фильмы ужасов. Помните, как в «Психозе»?

— Это не классическая музыка, она была написана специально для фильма.

— А скажите, Боулз, сколько надо времени, чтобы музыка стала классической?

Питер тяжело вздохнул. Кажется, эта поездка будет такой же длинной, как и предыдущая.

* * *

Пока машина федерального агента направлялась к автостраде, Уоррен подъезжал к железнодорожному вокзалу Монтелимара. Лена, пребывавшая в крайнем возбуждении от того, что Уэйны наконец пригласили ее к себе, повторяла, сидя рядом с Уорреном, тысячу советов, которыми родители снабдили ее по такому важному поводу. Дожидавшаяся в вокзальном буфете Бэль увидела красного «жука» своего брата и бросилась ему навстречу. Девушки поцеловались и сразу принялись обсуждать единственное общее воспоминание — ту самую вечеринку, на которую Бэль явилась под руку с братом. Глядя, как его возлюбленная сияет от счастья, что наконец-то едет в Мазенк, Уоррен подумал, что проклятье, тяготевшее над ним с рождения, возможно, скоро кончится.

— А вы похожи, — заметила Лена.

— Бэль все забрала себе — и красоту, и сообразительность. Мне почти ничего не осталось.

В условленный час, о котором они договорились с Томом, Уоррен припарковал машину в безымянной аллее. Лена сразу спросила, относится ли к дому колокольня над их головами. Она восхищалась всем вокруг, стараясь скрыть возбуждение. Уоррен провел ее в дом, где их встретила Магги.

— Вы еще красивее, чем мне вас описывали.

Не зная, что сказать, Лена в естественном порыве расцеловала ее, и они обе рассмеялись.

Бэль уединилась на минутку, чтобы взглянуть на свой мобильник, но тут же спрятала его обратно: Ларжильер опять не прислал сообщения, даже чтобы извиниться за свое поведение накануне.

Она злилась на себя за то, что вчера не послала его сразу к черту, до конца выслушав его глубокие мысли. Все-таки он здорово умеет ее достать. И откуда у него столько воображения? Великий Ларжильер в чистом виде, коронный номер — из неопубликованного. С удивительной точностью он описал ей двух детишек, которых у них никогда не будет, двух малышей, сотканных из света и тени, порождение благородной матери и никудышного отца. Он описал их личики — странное сочетание ее красоты и его лукавства, он даже перечислил их комплексы, на которые следовало бы потом обратить внимание.

— Бэль, предложи же нашей гостье чего-нибудь выпить.

Старшего он назвал Луиджи, а младшую — Марго. Он даже набросал в общих чертах стандартный день четы Ларжильер и их деток, двадцать четыре часа сплошного безумия и в конце — апофеоз с вмешательством пожарных и стражей правопорядка. Луиджи станет наемником, а Марго, которой будет не под силу тягаться с матерью в красоте, ждет судьба диснеевской колдуньи. Все это было бы очень даже смешно, если бы за этим бредом не крылись вечный пессимизм, безволие, неспособность мужчины составить счастье женщины.

— Бэль, может, разожжешь огонь в камине?

Почему ей так хочется губить свою жизнь рядом с этим Ларжильером?

Накрывая на стол, Магги думала, успеет ли она превратиться в приличную свекровь до того, как подадут закуски. Когда Уоррен сказал ей, что встретил девушку, она вздохнула с облегчением: сын оказался способным влюбиться. Но он сразу добавил, что собирается жить с *женщиной своей жизни.* Зачем он совершает такую предсказуемую ошибку, ведь до сих пор ему удавалось их избегать?

Перед тем как сесть за стол, Лена спросила, указав на пустой стул:

— А мы не будем ждать господина Уэйна? Он еще работает?

— Милая Лена, — ответила Магги, — господин Уэйн принадлежит к тем писателям, для которых очередная глава важнее всех законов гостеприимства.

Ужин был организован ради знакомства с ее новой семьей, и Лена заранее волновалась при мысли, что ей предстоит увидеть такую знаменитость. В те редкие случаи, когда Уоррен говорил об отце, он нервничал, мрачнел и старался как можно скорее свернуть разговор. Лена пыталась поискать через Интернет, но не нашла в сети ни фотографий, ни интервью Ласло Прайора, только короткую биографию на сайте его издателя, который утверждал, что сам ни разу в жизни его не видел. Этот человек, писавший слишком жестокие на ее вкус книги, был отныне окружен ореолом легенды. И легенда чуть не превратилась в табу, но тут Уоррен организовал этот вечер.

— Наш папочка не живет с нами, в реальности, — сказал он. — Большую часть времени он витает в своем воображаемом мире, гораздо более осязаемом, чем наш. Когда он радует нас своими появлениями, для него это как сон, он смотрит на нас будто на некие виртуальные существа, довольно забавные, но абсолютно нереальные.

— Всё совсем наоборот, — сказала Бэль. — Иногда папа бывает не в себе, но он знает реальную жизнь лучше всех. Это просто чемпион реальной жизни. Он представляется мне самым неромантичным человеком в мире.

— Возьмите еще салата, милая Лена, и не слушайте их. Фред знает, что вы приехали, он просто немного робеет — ведь вы первая невестка в его жизни.

Лена не понимала: они что, смеются над ней или у Уэйнов принято так развлекаться за столом? Они с огромной скоростью и ловкостью перебрасывались вежливыми шутками, жаля друг друга, словно осы. Теперь ей не терпелось увидеть отца, который был, несомненно, ключевой фигурой в этой семье со всеми ее особенностями.

Наконец появился Том Квинт, одетый с иголочки, в туго затянутом галстуке, и извинился за опоздание. Он подошел к Бэль, поцеловал ее через плечо.

— Ну, как ты, дорогая?

— Мы уже начали волноваться.

Затем он похлопал по голове Уоррена и попросил представить ему это очаровательное существо, что сидит с ним рядом. Покраснев от смущения, Лена встала, назвала свое имя и протянула руку этому элегантному мужчине, улыбавшемуся ей светлыми глазами. Том уселся рядом с Магги и потянулся за салатником.

— Моя семья, должно быть, сказала вам, что у себя в кабинете я забываю о времени. Думаю, мне пора менять распорядок дня. Я слышал, что Моравиа писал каждый день с шести утра до полудня, а потом с чувством выполненного долга жил обычной жизнью.

Очарованная Лена была сторицей вознаграждена за месяцы ожидания. А Магги, Уоррен и Бэль, потрясенные его появлением на сцене, дружно решили, что этот Фред — просто безупречен.

* * *

«Собачья площадка». После Лиона Фред потребовал остановки, и Питер воспользовался этим, чтобы заправиться. В кафе на автозаправке Фред бегло взглянул на местные продукты и направился к холодильнику с сэндвичами. Его любовь к треугольному тостовому хлебу проявлялась исключительно в дороге и выражалась в двух сэндвичах на каждые пятьсот километров. Однако, чтобы выбрать то, что нужно, среди бесконечного разнообразия предложений, требовалось приложить особые усилия.

— Надеюсь, мы не будем торчать здесь из-за вас лишние двадцать минут, как обычно, — сказал Питер.

— В Париже вы мне никогда не даете поесть вдоволь, так уж здесь не лишайте такого удовольствия. Послушайте, в кои-то веки я выехал погулять, да и вам стоит подкрепиться.

Как всегда, крайне озабоченный своим питанием, Питер не стал долго раздумывать; прочитав на этикетке список ингредиентов и красителей, он ограничился ветчиной и белым хлебом.

Они отправились дальше. Фред молчал целых четыре километра, в течение которых кабину наполняли звуки сонаты Моцарта, но передыигка скоро кончилась.

— Все хочу вас спросить, как это вы там, в ФБР, находите свое призвание?

— …?

— Ну, мы, мафиози, часто идем по стопам родителей, без вопросов. Как в «Марсельезе» поется: *На тот же путь и мы пойдем, как старших уж в живых не будет.* А вы?

— …

— Я не говорю о мелких копах с улицы — у них тоже часто отцы — копы, нет, я о федеральных агентах. Это ведь не может быть семейной традицией. Тогда как?

— Не уверен, что мне хочется отвечать на этот вопрос.

— Есть только одно объяснение такому призванию — кино.

— Что вы имеете в виду?

— Мальчишкой вы, должно быть, видели фильмы про таких типов в строгих костюмах, темных очках и с наушниками, которые говорили что-то вроде: *Специальный агент Боулз, ФБР. Расследование возобновляется, шериф.* И это будило в вас мечты… Или я ошибаюсь?

— Что я могу точно сказать, так это то, что фильмы про парней в костюмах в полоску и красных галстуках, которые объедались макаронами и говорили что-то вроде: *Закатайте мне этого парня в бетон* никогда не будили во мне мечты.

— Да ладно, Питер. Скажите все же, что это был за фильм-первоисточник?

В ответ Питер лишь махнул рукой, выражая таким образом нежелание продолжать разговор: он не собирался объяснять этому раскаявшемуся убийце истоки своего призвания ни всерьез, ни чтобы скоротать время. Но если бы Питеру пришлось отвечать откровенно, он мог бы сложить целую мозаику из мелких событий, которые привели его в Бюро. Он рассказал бы о своем обостренном чувстве закона, и прежде всего закона федерального, который был для него превыше всех остальных. Он объяснил бы, что означает для него борьба с преступностью и как ему хочется иногда душить преступников голыми руками. Он вспомнил бы, возможно, о той печальной студенческой вечеринке, где, не желая отставать от товарищей, нанюхался смеси героина с кокаином, а потом его всю ночь рвало. Он рассказал бы, как через несколько месяцев после этого два его приятеля умерли от передозировки. И пусть какой-нибудь Манцони покатится со смеху, но он поведал бы, не умея объяснить толком, о своем странном сочувствии по отношению к жертвам — любым, вообще, и о своем глубоком желании восстанавливать попранную справедливость. Он объяснил бы, как ФБР привлекло его своими передовыми методами, своей железной точностью, своим терпением и твердостью, которые обусловливали его превосходство над другими формами подавления преступности. Но Питер никогда не стал бы говорить о черно-белом кино, потому что попросту забыл о нем. Маленький экран, телеканал, по которому крутят одно старье, шестидесятые без конца, эстетика другой эпохи, и этот сериал, сохранивший все свое волшебство, который даст сто очков вперед современным детективам с их кровищей и спецэффектами. Тут Фред был прав: кино впечатлило юного Питера гораздо раньше, чем все остальное — понятие добра и зла, мысли о нравственности и работе.

Герой, которым восхищался маленький Питер, звался Элиот Несс. В 1930 году он сформировал специальную бригаду для борьбы с Аль Капоне и попытался сделать так, чтобы в Чикаго начали уважать сухой закон. В душе у Питера навсегда запечатлелся образ Роберта Стэка, сыгравшего его в сериале «Неприкасаемые», — высокий, невозмутимый, немногословный, предпочитавший слову дело, он-то отправил Аль Капоне в Алькатрас. Особенно завораживала в этом герое его манера противостоять коррупции, не пасовать ни перед каким давлением, оставаться на высоте в любых обстоятельствах, особенно перед лицом смерти, которой ему столько раз угрожали. И Питер больше не вспоминал о нем.

* * *

— Папа, знаешь, Лене не нравится, что в твоих книгах столько жестокости.

Лена мрачно взглянула на Уоррена. Тот с удовольствием продолжил:

— Она считает, что в мире и так уже слишком много жестокости, чтобы добавлять еще. Для нее книга — это произведение искусства, и ее задача не подогревать низменные чувства читателя, а развивать то лучшее, что есть в нем.

Том не ожидал, что ему придется отвечать на вопросы, так мало его касающиеся. Он лучше разбирался в реальной жестокости, чем в книжной, и больше всего презирал уверенность Джанни Манцони в том, что, делясь воспоминаниями, он искупает литературным путем свои грехи.

— Вы правы, Лена, я и сам не слишком разделяю пристрастие наших современников ко всякого рода зверствам, но что вы хотите; я убеждаю себя в том, что вымышленная жестокость дает людям возможность разрядки, позволяя им избавляться от жестокости природной. Когда-нибудь станет ясно, принес ли я пользу обществу или все же совратил кого-то с пути истинного.

Партитура, которую разыгрывал Том, была просто немыслима с точки зрения его начальства, которое никогда не позволило бы ему такого. Но надо было что-то решать, а он страстно любил искать неизбитые решения для новых проблем. В данном случае ход напрашивался сам собой: Фред должен на один вечер материализоваться, познакомиться с Леной, а затем исчезнуть — уехать обратно в Соединенные Штаты, чтобы работать там над масштабным трудом по истории американской преступности. Лене этого хватит. Таинственный господин Уэйн оказался идеальным свекром, совершенно неуловимым: его никогда нет по самым серьезным причинам, но он всегда тут, в сердцах своих близких. Она приходила в восторг от всего, что делал Том. Он виделся ей настоящим героем: такой непринужденный, он вроде бы не принимает себя всерьез, но все же творчество для него важнее всего. Она уважала его выбор и восхищалась им.

Уэйны тоже открывали для себя совершенно нового Тома, неожиданно оказавшегося прекрасным актером. Он глубоко вошел в образ и импровизировал теперь с поразительной легкостью.

Увлекшись разговором, он со словами *моя жена* положил на какое-то мгновение руку на плечо Магги. Быстрый жест, короткое слово, мимолетное проявление супружеской привязанности — Уоррен и Бэль едва ли заметили это, но их мать была искренне взволнована. После этих слов — *моя жена* — время для нее словно остановилось, она увидела в Томе не мужа на один вечер, а настоящего спутника жизни. За короткое мгновение она заново прожила всю свою жизнь, на этот раз — рука об руку с капитаном ФБР Томом Квинтом.

Ливия, как звали ее в ту пору, встретила Джованни случайно и влюбилась в него вопреки всему. Как и сегодняшняя Магги, она не испытывала особой тяги к проходимцам. Дочь сицилийских рабочих, не имевших никакого отношения ни к мафии, ни к полиции, она так же могла бы повстречать и полюбить не Манцони, а Квинтильяни, в котором чувствовалась та же сила. Вместо того чтобы наблюдать первые шаги своего возлюбленного на тернистом пути организованной преступности, она с тем же мужеством шла бы по жизни рядом с Томом, скромным инспектором нью-йоркской полиции, мечтавшим о значке федерального агента. Жизнь ее была бы тогда не менее бурной, она так же волновалась бы, так же при каждой задержке мужа ей мерещились бы револьверные выстрелы и больничные койки. Точно так же, как, живя с Джанни, ей приходилось мириться и с «Коза ностро», присутствовавшей даже в ее постели и ее снах, она жила бы втроем с Томом и Федеральным бюро. Она была бы рядом с ним во имя Закона, подобно тому как оставалась рядом с Джанни во имя Омерты.[14] В течение двадцати лет она боялась бы, что в дверь ее постучат и люди с серьезными лицами скажут, что Том погиб, исполняя свой долг, как боялась она появления тех, кто сообщит ей о смерти Джанни, погибшего, но не потерявшего своей чести. И она плакала бы теми же вдовьими слезами, настрадавшись вдоволь от безумия этих мужчин, которые так и не перестали играть в «полицейских и воров».

— Ты попробовал моих брокколи? — спросила она Тома по-французски, чтобы обратиться к нему на «ты».

Магги представила себе, как были бы счастливы ее родители, если бы много лет назад она познакомила их с Томом Квинтильяни. Как же — парень борется с этими паразитами, которые сосут кровь из бедных и не очень бедных, начиная с итальянской общины Нью-Йорка и его окрестностей. Как гордились бы они в день свадьбы, видя, как их Ливия идет к алтарю об руку с этим славным малым, их земляком, таким положительным, своим, тоже из иммигрантов, который гордится тем, что он американец, и верит, как и они, в идеалы своей родины. Судьба распорядилась иначе: сегодня Магги была проклята, отвергнута отцом, который так и умрет, не простив ее. Кстати, именно Том приносил ей время от времени новости о семье: брат развелся, мать попала в больницу. Но никто из ее родных никогда не

интересовался новостями о Ливии: для них она умерла в тот самый день, когда вся в белом вошла в церковь об руку с Манцони.

Магги отметила, сколь легко разыгрывали эту комедию дети, называя Тома *папой* с той же естественностью, с какой она говорила ему *дорогой.* Они, конечно, правы, воспринимая все происходящее как игру, а не как страшное предательство. Постепенно вино помогло Магги забыть ужасное чувство вины, терзавшее ее весь день, и она смирилась с мыслью, что затеянный маскарад необходим для счастья ее сына. Она умела различать настоящую любовь, и теперь у нее не было сомнений: Уоррен и Лена будут вместе. Не имея возможности принять девушку в нормальных условиях, Магги готова была на все, чтобы только дать юной любви шанс. Даже если для этого потребуется устранить неудобоваримого свекра.

Ни разу в жизни она не взглянула на Тома с мыслью о любви, ни разу у нее не возникло желания или потребности обмануть Фреда. И это давало ей право сегодня вечером помечтать, представляя себя госпожой Квинтильяни, — так, всего лишь в мыслях, ради игры. В конце концов, в картинах совместной жизни с Томом не было ничего такого ужасного; ока всегда считала его красивым мужчиной, он был аккуратен, внимателен к своей внешности, воспитан, всегда думал, прежде чем что-то предпринять. Она же всегда имела слабость к мужчинам, умеющим обходиться без женской заботы. Том мог выгладить свою форменную рубашку лучше, чем это сделали бы в любой прачечной, и никогда не задавал вопросов типа *Что мы сегодня будем есть?. На какую кнопку нажимать?* или *Какой у меня размер брюк?.* Но больше всего Магги ценила в нем его молчаливую готовность поддержать словом и делом. В самые ответственные моменты, хорошие и плохие — особенно в плохие, — он всегда был рядом, и одному Богу известно, что стало бы с семьей Манцони, если бы по воле случая они попали в другие руки.

— А как вы познакомились, мсье Уэйн и Магги? Можно я буду называть вас Магги, мадам Уэйн?

Том и Магги украдкой переглянулись, каждый из них предпочел бы предоставить другому право сочинить историю, которая могла бы быть их общей.

* * *

— Видите ли, Питер, я нередко задумываюсь над тем, какую власть имеет вымысел. И удивлялся этой власти задолго до того, как сам начал писать романы.

Они подъезжали к Шалон-сюр-Сон. Боулз вел на постоянной скорости, держась в правом ряду, равномерно мелькающие огни нагоняли на него сон. Их разговор о том, как кино неосознанно влияет на выбор профессии, не раз уже отклонялся в сторону, и теперь Фред пустился в туманные рассуждения о литературных персонажах и их прототипах. Питер слушал, нимало не доверяя его так называемому практическому опыту.

— Когда люди идут в кино, хорошим хочется, чтобы победили хорошие, а плохим — чтобы плохие. Но все усложняется, когда хороший сапожник смотрит фильм, где самый злодей — тоже сапожник. Тут уже ничего не поделаешь, и сапожник-зритель начинает придумывать тысячу оправданий сапожнику-злодею из фильма, потому что он знает, как тяжело приходится сапожникам и какая на них иногда нападает тоска — тут можно и до крайности дойти.

Не прерывая разглагольствований, Фред достал с заднего сиденья мешок с едой, раскрыл упаковку сэндвича и предложил Боулзу последовать его примеру.

—.. И наоборот, — продолжил он, — крутой рэкетир, который терроризирует весь Ист-Энд, начинает идентифицировать себя с киношным суперполицейским, когда узнает по ходу действия, что родом они из одного городка — Бисмарк, штат Дакота. Живя в Нью-Йорке, наш

рэкетир ни разу не встретил никого, кто родился бы в Бисмарке, ему даже стыдно признаться, что он оттуда родом. И вот он видит этого киношного полицейского, который борется со шпаной, и — тут опять ничего не поделаешь — принимает сторону этого высокоидейного карьериста, потому что тот, как и он, родился в Бисмарке, штат Дакота. А после кино рэкетир снова пойдет на улицу и снова будет железным прутом выбивать из людишек доллары.

Вопреки давешним страхам Боулза, Фред не слишком донимал его своими разговорами. Вся эта трепотня о влиянии художественного вымысла на реальную жизнь была ему даже интересна.

— Я понял, что вам не хочется говорить о фильме, сделавшем из вас агента ФБР, но я стану уважать вас в три раза больше, если вы ответите мне откровенно на вопрос: не было ли такого фильма, где ваши симпатии оказались на стороне плохого, а не хорошего? Я никому не проболтаюсь.

— Плевать мне на ваше уважение, но вопрос и правда интересный.

Питер задумался на минуту, жуя протянутую ему половину сэндвича. Фред тем временем в два счета расправился со своей частью — ветчина, сыр, зерновой хлеб — и остался явно недоволен.

— В фильмах про Джеймса Бонда, — сказал Питер, — я всегда — Джеймс Бонд. Кроме «Человека с золотым пистолетом». Там злодея зовут Франсиско Скараманга, это самый страшный наемный убийца в мире, просто легенда, до такой степени, что начинаешь сомневаться в его существовании.

Фред абсолютно не помнил этого фильма, но видел, что Питер играет в открытую. Слушая его, он разглядывал оставшиеся половины сэндвичей и думал, что Боулз, пожалуй, был прав, выбрав себе простой белый хлеб с ветчиной.

— За каждое убийство он берет миллион долларов и никогда не ошибается. Он живет на райском острове с потрясающей женщиной. Представляете, я теперь больше никогда не досматриваю фильм до конца, потому что там Бонд его убивает. Так что для меня Скараманга всегда жив.

После недолгого колебания Фред взял себе вторую половину сэндвича Питера, а ему протянул, ничего не говоря, зерновой хлеб с ветчиной и сыром. Боулз, увлеченный подробностями жизни Франсиско Скараманги, съел его машинально, даже не заметив различия с предыдущей половиной.

Выпив глоток воды, Фред продолжил игру с той же серьезностью, что и Питер:

— А для меня это был Джин Хэкмен из «Французского связного». Он там играет копа. Хотел бы я хоть раз в жизни встретить такого. Если уж он решил достать какого-нибудь бандита, то в лепешку разобьется, но достанет. Это у него станет навязчивой идеей, делом всей жизни, он не он будет, если не поймает его, потому что Дойл такой же бешеный, как самый бешеный из бандитов, потому что у него ничего нет в жизни, кроме этого. И когда я вижу, как он носится быстрее всей этой шпаны, как бьет морды всем этим гангстерам, которые, в общем-то, мне братья, и как преследует, крошит, мочит всю эту мразь, я кричу браво и хочу еще!

Питер хихикнул, не ожидая такой непосредственности. Он протянул руку за бутылкой воды и, сделав несколько глотков, почувствовал, что ему щиплет язык.

— Фред, вы что, подсунули мне газированную?

Нет, вода была обыкновенная, однако язык щипало все сильнее. Не обращая внимания на Питера, Фред продолжал свое:

— Я не знаю никого из мафии, кому нравился бы этот фильм. Честно говоря, вы первый, кому я об этом рассказываю… Питер? Вы в порядке?

Нет, он был не в порядке. Питер притормозил и поднес руку ко лбу, его охватил жар. Фред открыл окно.

— Вы белый как полотно… Остановите… Что с вами такое?

Питер боялся продолжения, а продолжение это уже стучало в венах, горело огнем в горле и вздувалось на языке. Он припарковался на обочине и нагнулся к пакетам из-под сэндвичей, валявшимся у ног Фреда.

— Что вы мне дали?..

— Дал? Что дал?

— Сэндвичи, вашу мать!

Привыкший к такому обращению со стороны ребят из ФБР Фред понял, что совершил какую-то ошибку.

— Что такое? Какой сэндвич? Ваш, в синей упаковке. Объясните мне, в конце концов, что происходит!

В приступе страха, который лишь ускорял развитие симптомов, Питер, прерывисто дыша открытым ртом, сравнивал этикетки. Он сунул Фреду под нос красную упаковку:

— Вы дали мне это? Говорите, быстро!

— Кажется… Теперь, когда вы сказали… я думаю…

— Фред! Мать вашу!

Неужели столь невинный поступок, как замена одного хлеба другим, мог привести к таким последствиям?

— Мне захотелось попробовать ваш…

— У меня аллергия на лактозу, чтоб вас!..

И агент, выпучив глаза, схватился за горло.

— Начинается отек Квинке, звоните пятнадцать, быстро! — закричал он, протягивая свой мобильник.

Фред, словно в кошмарном сне, увидел, как язык Питера, удвоившись в размерах, вылезает у него изо рта.

— Но разве вы не носите с собой лекарства от этого?.. Таблетки?.. Микстуру какую-нибудь?.. Что-то, чтобы остановить это?.. У астматиков всегда с собой вентолин… У диабетиков инсулин…

Питер был на грани обморока и, не имея уже сил отвечать, лишь подумал: *Я строго слежу за тем, что ем, черт бы тебя побрал! За десять лет я ни разу не попался! Как я мог знать, что жизнь сведет меня с таким придурком?!* Он стыдился своей аллергии с тех пор, как стал федеральным агентом, которому не положено иметь слабостей — ничего, что могло бы помешать выполнению задания. А Фред Уэйн и вообще был последним человеком, которому он рассказал бы о своей аллергии: тому хватило бы коварства повернуть это себе на пользу или просто отравить его из чистого садизма, чтобы посмотреть, как задыхается агент ФБР, что, собственно, и происходило в данный момент.

— Звоните же, чтоб вас!..

Из сдавленного горла слышалось одно хрюканье, и Фред, тоже в панике, набрал номер. Он смог повторить телефонистке неотложной помощи слова *отек Квинке,* но та спросила о подробностях.

— Да не могу я передать ему трубку, ему трудно говорить, и потом он все время ругается…

— Опишите его состояние.

— Он сидит, уткнувшись лбом в руль, рубашка мокрая от пота, а главное — язык висит изо рта, будто в мультике кот, который устал гоняться за мышью. И еще мне кажется, что у него щека и подбородок тоже начинают раздуваться, это мне напоминает какой-то фильм…

— Ваши координаты?

— Какие координаты? Кругом темно как в заднице, а вы говорите координаты!..

Следуя ее инструкциям, Фред вышел из машины и прошел пятьдесят метров до ближайшего километрового столба:

— Мы на триста восемьдесят четвертом километре, дорога А-6, по направлению к Парижу.

Она пообещала, что машина скорой помощи приедет в кратчайший срок, и Фред вернулся к Питеру, который теперь совсем задыхался.

— Пять минут, Питер, всего пять минуток!

Он взял его за плечо и сильно сжал: Я с *вами, не бойтесь.* Ему захотелось сделать что-то такое, хорошее, но он ничего не придумал. В голове у него вдруг завертелись разные картины—великолепные тела в красных купальниках, волны калифорнийского пляжа, утопленники и действия спасательниц в бикини, оказывающих им первую помощь. Однако в данном случае от воспоминаний о «Спасателях Малибу» было мало толку. Паникуя все больше, он едва удержался, чтобы не закричать: *Не умирайте, Питер!* — и постарался удержать его в сознании до прибытия скорой.

— Да, не повезло вам: с такой аллергией на сыр и загреметь во Францию. Теперь я понимаю, почему вы всегда отказываетесь от лазаньи, которую готовит вам Магги. Она туда кладет отличную моцареллу, выписывает ее специально из Лациума, из глухой деревни. А может, у вас аллергия только на коровье молоко, и молоко буйволицы вам подойдет? С этими вещами никогда не знаешь: тут так, а тут — иначе. Мой приятель Бартоломео, которого у вас знают как Обезьяну Барта, тоже был аллергиком, только неизвестно на что. Обедаем, все идет нормально, и вдруг — бац! — у него изо рта будто бейсбольная перчатка торчит. Он сдавал анализы, проходил тесты и все такое, в конце концов оказалось, что у него аллергия на какую-то хрень, которую готовят из свиного костного мозга и используют в разных соусах и желе, чтоб они застывали и были гуще. Ее еще кладут в желейные конфеты, например. Мы так узнали, что Барт в его-то годы все еще любит сладкое: с ним случился приступ на крестинах Бэль, мы до сих пор это вспоминаем. В другой раз, дело было в китайском ресторане, проглотил он ложку пекинского супа и начал задыхаться, прямо как вы сейчас. Ну, сразу бежать на кухню, к шеф-повару, пригрозил макнуть его головой в котел, если тот не скажет, что было в том чертовом супе. Дело кончилось скорой, увезли обоих — опять вечер насмарку.

В зеркале заднего вида показалась мигалка скорой помощи, и Фред со вздохом облегчения закрыл глаза. Левая рука его продолжала крепко сжимать плечо Питера.

* * *

Уоррен больше не наливал Лене полные бокалы. Воодушевившись сверх всякой меры, новый член семьи Уэйнов постепенно теряла контроль над своими чувствами, перемежая торжественные заявления с выражением любви в адрес своего возлюбленного.

— Мои родители немного старомодны в отношении вопросов брака, они хотят торжественной церемонии, — сказала Лена, протягивая пустой бокал.

— Прошу прощения за мою невесту, она пьяна.

— Вовсе нет! Мои родители поженились совсем молодыми, и до сегодняшнего дня я ни разу не слышала, чтобы они ссорились, даже в шутку, даже когда им говорят, что от хорошей

ругани одна польза. Вот такие они, мои родители, и я люблю их за то, что они опровергают все правила, какие только придумали про супружеские пары и их долговечность. Я люблю их, за то что они любят друг друга вот так — тихо и спокойно, за то что они не стесняются показывать свою любовь — такие уж оригиналы, и вообще, мне очень хотелось бы познакомить вас с ними, Магги!

Магги понимала теперь, почему ее сыну и Лене не терпелось пожениться. Если ее родители были такими, какими она их описала, если она с детства жила в тихой, счастливой атмосфере, разве ей могло не хотеться последовать их примеру, и поскорее? Холить и лелеять будущих детей, как холили и лелеяли ее саму?..

Напряжение, чувствовавшееся в начале вечера, переросло в мягкую эйфорию. Хитроумная операция, задуманная капитаном Квинтом, прошла с бешеным успехом. Отныне Магги, Бэль, Уоррен и Том были связаны тайной, объединившей их — в семью на один вечер, какой они никогда не забудут, семью, появление которой было уже оправданно присутствием в ней человека, безупречного с точки зрения морали и этики.

*

После двух инъекций — кортизона и адреналина — Боулза положили на носилки, чтобы перенести в машину скорой помощи.

— Вы его увозите?

— У него анафилактический шок, мы отвезем его в больницу Сен-Лоран.

— А я? Мне что делать? — спросил Фред, потрясенный тем, что его бросают одного.

— Вы не можете оставить здесь машину. Больница находится в двадцати километрах отсюда, вот номер, поезжайте в Шалон.

И они скрылись под вой сирены. Он медленно поехал прочь, достал из кармана мобильник Боулза, попытался набрать номер, но в результате только заблокировал клавиатуру. В этот момент он проезжал под указателем «ПАРИЖ/ОССЕР/БОН».

Сколько уже он не сидел за рулем вот так — на свободе? Впереди у него была еще целая ночь, и он чувствовал себя подростком, опьяненным первыми минутами абсолютной свободы. Фред понял, что искушение сбежать никогда не покидало его. Уехать, скрыться, развеяться, отправиться прямиком в столицу, наглотаться бурбонов в каком-нибудь баре с девицами, и потом, на рассвете — на Север. А почему не на Север, собственно? Господи, как же это здорово — увидеть в темной ночи, где-то там впереди, за рулем автомобиля проблески будущего!

Однако он остановился на площадке для отдыха, взял горячего кофе, чтобы дать себе время на размышление, и выпил его, прислонившись спиной к телефонной будке. Что, если такая выходка будет стоить ему новых неприятностей? Всё эта хрень — Уитсек их: лишают людей собственной воли, делая из них каких-то подопытных крыс. В сущности, это всего лишь эксперимент, и неизвестно еще, окажется ли она жизнеспособной. Фред снова почувствовал несвободу и позвонил Тому: он измерил длину своего поводка и сам счел его слишком длинным. Голосовой ящик переадресовал его на номер Боулза. Где его только носит, эту падлу Квинта? В кои-то веки он понадобился.

и вот! Фред пожалел, что ему так и не удалось произнести короткую речь, которую он заготовил — только ради того, чтобы услышать на том конце провода многозначительную паузу: Том? *Это Фред. Боулз в больнице, а я, пожалуй, поеду надерусь в каком-нибудь баре со шлюхами.* Он набрал свой домашний номер, где тоже никто не подошел, потом мобильник Магги. Это молчание начинало его беспокоить.

Он проехал до следующего съезда с автострады и развернулся. Было девять тридцать вечера.

* * *

Вечер продолжался. Незадолго до полуночи Магги подала десерт, а Том пошел в подвал за шампанским. Лена воспользовалась его отсутствием, чтобы сказать, насколько впечатлил ее этот человек.

— Как вы, наверно, все гордитесь, что у вас в семье есть настоящий писатель! Я обожаю своего папу, но он работает в торговом центре, в службе сервиса, и, как бы мы ни старались, его работа никогда не будила в нас романтических мыслей.

Магги заметила, что на автоответчике мигает огонек, и удивилась, кто это может звонить в субботу вечером, да еще в такое время. Но она сразу обо всем забыла, как только увидела Тома, который вошел в комнату с бутылкой в руке — настоящий любезный хозяин дома, желающий сделать приятное гостям.

— Магги, теперь я могу сказать вам, что представляла вас себе такой итальянской мамой. А вы оказались совсем другая.

В то время как Магги отвечала ей очередным анекдотом, в безымянной аллее Фред парковал машину Боулза. Изнемогая от усталости после всего, что ему пришлось пережить за последние сутки — изнуряющие дебаты с Томом, ночь откровений с Магги, поездка в Париж, прерванная приступом Питера, — он хотел знать, почему у него в доме никто не подходит к телефону. Фред переступил порог, на секунду задержался в кухне, заметив остатки жаркого в серебряном сервизе, прошел в коридор, ведущий в гостиную, и оттуда услышал отголоски разговора.

— Из всей нашей семьи Уоррен — больше всех итальянец. Он лучше меня готовит пасту, насвистывает арии из опер Верди, а иногда даже разговаривает руками.

Фред еще издали узнал голос жены и детей, которым тут быть не полагалось. Ему пришла забавная идея послушать под дверью, и он замедлил шаг.

— Вы увидите, милая Лена, что с годами это только усиливается. Возьмем, к примеру, моего мужа, он иногда начинает ругаться как сицилийский контрабандист, хотя ни разу в жизни не был на Сицилии.

.. Милая Лена? Это что, званый ужин? Без него? И кто эта милая Лена?

— Чистая правда, — добавила Бэль. — Папа и Уоррен гораздо чаще выдают себя, чем мы, им труднее скрывать свою итальянскую сущность.

— Ничего подобного! — возразил Уоррен. — Папа, может, и страдает атавизмом, но я всегда считал себя американцем до мозга и кости — когда мы там жили. А теперь я француз.

Прижавшись к стене в коридоре, Фред еще несколько минут послушал разговор о корнях и успокоился, убедившись, что тоже присутствует в беседе в качестве «папы» и «мужа». Ему оставалось лишь войти в комнату и попросить представить эту Лену, которая, судя по всему, прекрасно знает его сына.

— А вы, мсье Уэйн? Кем вы себя чувствуете — итальянцем, американцем или французом?

Фред застыл на месте.

Что это еще за мсье *Уэйн?*

— В Риме веди себя как римлянин, — ответил Том. — Что бы там ни говорили Бэль и Магги, я ничуть не тоскую по своим корням, да и атавизмом никаким не страдаю, как считает

Уоррен. Мои родители с уважением относились к принявшей их стране и привили это отношение мне.

Фред потер виски и попытался выстроить в нужном порядке слова *родители, Магги, уважение* и *корни.* Все это было произнесено голосом Тома Квинта?

— Ваш сын говорит то же самое, — сказала Лена. — Но когда он смотрит Олимпийские игры, то болеет не за американского чемпиона и даже не за француза, а за итальянца.

Тут какая-то ошибка. Этот мсье Уэйн ни в коем случае не настоящий, потому что настоящий мсье Уэйн —.это он, Фред, пусть даже он родился Манцони, а затем был Блейком, Брауном или Ласло Прайором. Теперь-то именно он носит фамилию Уэйн, которую выбрало для него ФБР, потом, не исключено, у него будет другое имя — Кларк, Робин, все равно что, только покороче и понеприметней, — но на данный момент на свете имеется лишь один Фред Уэйн. Нет, он не сумасшедший, хотя вполне возможно, скоро им станет, если не поймет наконец, что за нелепый фарс разыгрывается сейчас за столом у него в доме.

— Он мне сказал однажды, что хотел бы даже иметь итальянское имя, — не унималась Лена. — А мне нравится Уоррен. Так красиво звучит: Уоррен Уэйн. Это вы выбрали для него такое имя, мсье Уэйн? Или Магги?

Чтобы доказать самому себе, что это он отец своих детей, Фред мысленно ухватился за такую картину: Бэль, совсем маленькая, едва умеет ходить, он приподнимает ее и подносит к колыбели, где лежит новорожденный: *Смотри, это твой братик.* При родах он, конечно, не присутствовал: у него были тогда разборки с профсоюзом торговцев морепродуктами, которые в тот вечер блокировали поставки, падлы. А сразу после родов он по приказу Дона Пользинелли на неделю уехал с заданием в Орландо. Это было в тот самый момент, когда Ливия больше всего нуждалась в нем, но тут уже он ничего не мог поделать. Впрочем, это ничего не меняло — дети были его и только его.

— Ответ тут простой, — сказала Магги, — я взяла имя своего любимого актера, Уоррена Битти. Я влюбилась в него, еще когда была в вашем возрасте, как половина всех американок. «Бонни и Клайд», «Небеса могут подождать», я видела их сто раз…

— И что сказали вы, мсье Уэйн?

— Меня бы все равно не услышали. Зато имя для Бэль мы придумали вместе и задолго до ее рождения.

Фред почувствовал, как ум у него заходит за разум, мозг начал напряженно работать: никогда в жизни он не позволил бы Магги назвать сына в честь Уоррена Битти, этого напыщенного дылды, красавчика, бабского любимчика, которому вторая половина американского населения с удовольствием набила бы морду. Он сам выбрал имя Уоррен, потому что так звали *его* любимого актера, Уоррена Оутса, игравшего в фильмах Сэма Пекинпа, главным образом в «Дикой банде» и «Принесите мне голову Альфредо Гарсиа», — крепкого парня, способного на крайнюю жестокость, когда того требовали обстоятельства. Это разумное и неоспоримое объяснение укрепило Фреда в мысли, что он и есть Фред Уэйн, отец Уоррена.

— Об этом еще рано говорить, — сменила тему Лена, — но есть такая идея: годика через два отпраздновать свадьбу и одновременно — новоселье в доме в Веркоре. Это будет праздник века!

Ах вот до чего дело дошло?

Фред представил себе свадебную фотографию: невеста в белом платье, сын в перчатках цвета свежего масла, толпа родственников и ни одного знакомого. Он поискал на фото себя и не нашел.

— Я сделаю все, чтобы присутствовать, — уверил Том, — однако, если не получится, надеюсь, вы не слишком рассердитесь на меня, милая Лена.

Стоя в коридоре в полной растерянности, Фред начинал понимать смысл разыгранной мистификации. Его исключили из семьи, заменив более презентабельным суррогатным отцом. Ну, как после этого удивляться, что этот человек — его заклятый враг?

— Мсье Уэйн, — сказала в заключение Лена, — знайте, что в нашем доме всегда найдется кабинет, где вы сможете спокойно работать, и поверьте, никто не станет вам там мешать.

Тихо ступая, Фред вернулся в кухню, поискал выпить чего-нибудь покрепче и нашел только остатки дрянного рома, который Магги использовала для приготовления десертов. Он опорожнил бутыль в три глотка, затем вышел на свежий воздух и забрался в машину Боулза. Фред снова увидел себя там, на автостраде, несколько часов назад. Он боролся с искушением сбежать и в конце концов отказался от этой мысли, решив вернуться домой. Какая ирония! А теперь ему хотелось сделать так, чтобы между ним и этим злосчастным домом было как можно больше километров. Бежать, бежать от этой дьявольской семейки, просить защиты у полиции! Киллеры ЛКН — сущие младенцы по сравнению с этой четверкой! Он столько лет прожил рядом с людьми, способными на подобные махинации, и это его, Джанни Манцони, считают монстром! Объявили общественно опасным элементом и засадили под надзор!

Фред завел машину, развернулся в аллее, но вдруг засомневался и выключил мотор, чтобы еще раз поразмыслить. Вот он собрался бросить тут всю эту распрекрасную семью Уэйнов и их новенького папу, а может, лучше сыграть по-другому? Может, стоит вогнать их в холодный пот, чтобы они осознали всю глубину своей низости?

Он вернулся в дом и, уже не колеблясь, с решимостью убийцы, каковым и был, прошел по длинному коридору, стараясь произвести больше шума, чтобы быть узнанным издали. Перед тем как войти в гостиную, он услышал свой красивый низкий голос:

— Магги? Фред? Куда вы все подевались?

И лишь после этого, подобно старому лицедею, привыкшему тщательно готовить выход на сцену, появился сам — с распростертыми объятиями. Он увидел их сразу всех пятерых. Они сидели за столом, застыв от изумления, не успев донести до рта десертные ложки.

— Ну, что же вы? На телефон больше не отвечаем? Я оставил три сообщения, хотел предупредить о своем приезде. Весь день провел в надежде, что вы меня пригласите. Магги, иди сюда, я тебя обниму!

Она с усилием поднялась из-за стола и позволила этому видению, парализовавшему всех вокруг, поцеловать себя. С невероятной естественностью Фред приветствовал всю семью и под конец крепко пожал руку Квинту.

— А что это меня никто не представляет милой барышне? Том. Я кузен Магги и крестный Уоррена. А вас зовут…?

— Лена. Я…

— Это моя невеста, — сказал Уоррен с энтузиазмом смертника.

— Поздравляю! Желаю счастья! Что тут можно бросить на клык?

Избегая его взгляда, Магги медленно пошла за тарелкой.

— Они не рассказывали вам обо мне, мадемуазель Лена? Держу пари, что нет. Я живу в Ньюарке, но мне случается бывать в Европе по делам. Импорт-экспорт. Продаю всякую французскую хрень американцам и американскую — французам, а когда бываю в этих краях, обязательно заезжаю сюда. Так ты что, и мой мейл не получила, Магги?

— …Получила.

— Приютишь меня на эту ночь? Не то могу и в Монтелимаре, «У императора», заночевать, думаю, у них найдется номер.

— …Будь как дома.

Фред хлопнул Тома по плечу.

— Ну что, писатель? Готовишь нам что-то новенькое?

— …Да вот, работаю.

— Твою последнюю книжку я читал в самолете. Объеденье. Проглотил одним махом. Надо, чтобы ты как-нибудь сделал меня своим персонажем. Знаешь, у меня есть куча интересных историй.

— Могу себе представить.

— Как все-таки приятно снова оказаться в кругу семьи, — сказал Фред и поднял бокал за здоровье присутствующих.

* * *

Распрощавшись со всеми, Уоррен с Леной отправились к Деларю. Фред подождал, пока Бэль уйдет к себе, и с подозрительной кротостью обратился к Магги:

— Трудный выдался денек. Для всех. Надеюсь, твоя будущая невестка ничего не заметила. Пойду пройдусь, надо успокоиться перед сном.

— Джанни…

Но что после такого скажешь? Любые объяснения были бы оскорбительны, а Магги не хотелось переходить от унижения к оскорблению. Она боялась гнева Фреда, с которым ей будет не справиться. Против всех ожиданий, ему удалось сдержать эту невыносимую боль, и теперь его потрясение принимало другую форму, более глубокую, безмолвную. Не будет ни трагедии, ни бури, ни затишья, ни возвращения к нормальным отношениям, ни примирения. Ничего больше не будет. Уверенность в этом помогла ему быть убедительным и найти правильный тон.

— Хочешь, я скажу тебе, Ливия? Это мерзость — то, что вы мне устроили, но я знаю, почему ты это сделала. Я такой, какой есть, и если Уоррен побоялся познакомить со мной эту девочку, я сам виноват в этом. Если из Тома вышел более пристойный свекор, чем из меня, то и тут некого винить, кроме себя самого. И кто знает, вдруг это испытание поможет мне сблизиться с сыном?

Магги ждала всего, только не удивительной мягкости.

— Уоррен вырос, Ливия. Теперь он мужчина. Пора и мне им стать.

— Джанни…

— Мне самому надо что-то делать для этого. Пусть даже получая по морде, как сегодня.

Магги незаметно погружалась в обманчивую надежду, и вскоре та накрыла ее с головой. А что, если и правда свершилось чудо? Что, если ее муж задумался наконец по-настоящему над своей жизнью?

Чтобы сделать свое раскаяние еще более убедительным, Фред поцеловал Магги в лоб, и она приняла этот поцелуй как знак прощения, молясь про себя, чтобы за прощением последовало забвение.

Он спустился вниз и вышел в ночную, пахнущую лесом прохладу, освещенную отблеском полной луны. Том в распахнутой на голой груди рубашке сидел, опустив руки, на каменных ступеньках жилища Питера. Прикрыв глаза и жадно вдыхая свежий воздух, он пытался восстановить внутреннее спокойствие.

— Что там с Питером? — спросил Фред.

— Он вне опасности, завтра вернется.

— Тем лучше. Я пройдусь до часовни. Вы понимаете — мне надо побыть одному.

Сегодня Том был не просто защитником Магги, он стал ее сообщником. Уоррен, потерявший уважение к отцу, предпочел ему другого. И Бэль, чистая, невинная Бэль, вместе со всеми участвовала в этой комедии. Она называла Тома «папой», а такое забыть труднее, чем плевок в лицо. Какое злодейство! Дети его детей, быть может, никогда не узнают, что они — Манцони. Фред будет самой страшной семейной тайной, пока окончательно не исчезнет в памяти поколений.

— Спокойной ночи, Том.

— Спокойной ночи, Фред.

Агент молча проводил его взглядом. Да, вечерок… Гордости собой он ему не прибавил, однако рано еще решать, успех это или фиаско. Сейчас он хотел одного: послать всё к черту и забыться сном на столько, сколько потребует его тело. Но он не сможет уснуть со спокойной совестью, пока не позвонит жене и не скажет, как ему ее не хватает.

В девятнадцать тридцать Карен в накинутом на плечи пальто собиралась уходить. Она не сразу сняла трубку: у крыльца дома в Таллахасси, штат Флорида, в машине ее ждала сестра, с которой они собирались поужинать вместе.

— Это я, душа моя.

— Томас? У тебя все в порядке? Обычно ты не звонишь в такое время.

— Я хотел поцеловать тебя, прежде чем лечь спать… Тебе, может, некогда?

— Мы с Энн едем ужинать в мексиканский ресторан, но я так рада тебя слышать, дорогой. Как ты там?

— Я во Франции, на юге, завтра еду в Париж. На этой неделе мне придется выполнить одно особое задание; покончу с ним, сразу приеду домой недели на две.

— У тебя за хорошей новостью всегда скрывается плохая. Ты называешь это задание особым, чтобы не говорить, что оно опасное?

— Нет-нет, успокойся, ничего такого. Опасности вместо меня подвергаются другие, я только руковожу. Молодежь любит лезть на рожон, как и я сам в их возрасте, и я не могу отказать им в таком удовольствии.

— Значит, до твоего приезда можно спать спокойно?

— Ты и не заметишь, как я окажусь рядом с тобой. Поцелуй за меня твою сестру.

— Обязательно.

— Я хотел еще сказать…

Но у него не повернулся язык проговорить слова, и они так и остались невысказанными у него на сердце: *Знаешь, сегодня вечером, я изображал супружескую пару с другой женщиной. За столом я положил ей ладонь на руку, в точности, как делаю это с тобой, и очень убедительно рассказывал всякие истории из нашей совместной жизни, которой не было, а потом случайно назвал ее «дорогая». Как видишь, мои задания не слишком опасны, это было самым рискованным.*

— Что, любимый?

— Я люблю тебя.

— Я тоже.

Том повесил трубку, спокойный и умиротворенный, готовый наконец отоспаться как следует. Через какие-то две недели он снова увидит Карен и устроит ей новый медовый месяц. Том так скучал по ней все эти долгие годы работы в Европе, что, возвращаясь домой, превращался в самого романтичного и страстного любовника в мире. Разлука лишь укрепляла их любовь, и никакие невзгоды их не пугали. Это была единственная польза от его одиночества.

В тот самый момент, когда он собрался наконец лечь на свою походную кровать, зазвонил мобильник, и на дисплее высветилось имя Алека Хиргрейвза. На этот вызов он не мог не ответить: звонил шеф Бюро из Вашингтона. Том устало вздохнул и заговорил первым:

— Алек? Ты обычно звонишь, чтобы сообщить о какой-нибудь проблеме, но, знаешь, сегодня мне так не хотелось бы никаких проблем…

— Миранда только что сломала ногу на тренировке.

— Что?!

— Ну, ты же ее знаешь, вечно лезет впереди мужиков, вчера решила побить свой собственный рекорд на второй дистанции и влепилась в барьер.

— О, черт! Вот дура!

— Примерно то же сказал и я.

— А я собирался завтра вечером встречать ее в Руасси…

— Операция Костанца отменяется. Можешь ехать в отпуск раньше. Но я бы предпочел откусить язык, чем сообщать тебе такую благую весть.

— Полгода! Полгода подготовки псу под хвост! Упустим Джерри Костанцу в Париже, еще лет пять не сможем до него добраться; если, конечно, он не пойдет на большой риск, а он не пойдет.

— Миранда боится тебе даже звонить, Том.

— Сама виновата, бедняга…

— …

— Черт! Черт! Черт!

— …

— Я подумаю над этим всем, Алек. Завтра перезвоню.

Отключив телефон, Том пнул ногой картонную коробку с личными вещами Питера, которую тот все еще не распаковал. Похоже, ночь будет не так безмятежна, как он ожидал.

* * *

Фред, у которого и в мыслях не было пройтись до часовни, остановился у мастерской местного гончара, чей силуэт виднелся за занавеской. Когда-то они вместе искали сходства в работе писателя и гончарном деле и с тех пор всегда здоровались, махая друг другу издали рукой.

— Можно воспользоваться вашим телефоном? Мне надо позвонить в Соединенные Штаты, сейчас поздно, но разница во времени… Не беспокойтесь, это вам ничего не будет стоить, я позвоню за счет абонента.

Сосед жил один, никогда не ложился до зари, и сейчас Фред согласился выпить кофе, который тот столько раз ему предлагал.

— Проходите.

— Я решил быть умнее других и попытался сам установить себе дополнительную розетку в кабинете, ну и нарушил все, что только можно. Парень из «Телекома» обещал прийти в понедельник.

— Вы — как я, у вас тоже нет мобильника.

— Был, а теперь нет.

— Когда работаешь дома, как мы с вами, без него можно обойтись. Телефон там, справа от вас. Я сделаю нам без кофеина? Есть еще мирабелевая настойка, довольно ядреная, хотите?

— Думаю, я сегодня уже достаточно выпил. Хватит и кофе.

Фред подошел к полкам, на которых была выставлена продукция, взял в руки поочередно несколько горшочков, тарелок и вазочек и отпустил пару дежурных комплиментов мастеру. Затем, исполнив долг вежливости, набрал номер.

— Ничего серьезного, надеюсь?

— Нет, звоню племяннику, это единственное время, когда его можно поймать.

Гончар поставил перед Фредом чашку, тот кивком поблагодарил его.

— Алло, Бен? Это твой дядя.

Бенедетто Д. Манцони, сын Оттавио Манцони, старшего брата Фреда, жил в Грин Бэй, штат Висконсин. Когда-то он был самым молодым из команды Манцони и специализировался по взрывчатке. С тех пор прошло много времени, и теперь он вел спокойную жизнь в нескольких тысячах километров от своих прежних дружков.

— Цио?[15] Как только мне сказали, что звонят из Франции, я сразу подумал про тебя. Ты все еще там живешь?

— Да.

— Квинт нас слушает?

— Нет.

— Ну, как ты?

— Ты мне нужен, Бен.

Родные только что показали ему, какой он нежелательный и ненужный отец, что ж, теперь из одного уважения к ним он должен избавить их от себя.

— Ты помнишь Ласло Прайора?

— Ласло Прайора? Официанта из из бара Би-Би? Как не помнить!

— Как ты думаешь, он еще жив?

* * *

В нормальное время Том остался бы в Мазенке еще на день, чтобы переговорить с Фредом и оценить размеры морального ущерба, нанесенного за вчерашний вечер. Но сейчас у него были заботы поважнее: дело Джерри Костанцы разваливалось на глазах.

Сколько часов провел он в воздухе между Парижем, Палермо и Нью-Йорком, чтобы подготовить эту чертову операцию! А сколько видеоконференций?! Сколько информаторов надо было «окучить»?! Бюро давно уже не готовило ничего в таких масштабах. Агент Миранда Янсен не прилетит сегодня в Руасси, а в Бюро нет другой девицы с подходящей внешностью и достаточной подготовкой, чтобы заменить ее вот так, с ходу. Последнее время она вкалывала как лошадь, готовилась, похудела, став похожей на бритву, перекрасилась в блондинку и выучилась говорить на сицилийском диалекте. Том представил ее на больничной койке, в гипсе: он жалел Миранду и проклинал ее в одно и то же время. Миранда не знала Парижа. Том пообещал, в случае удачного завершения операции, устроить ей незабываемую прогулку по ночному городу.

— Том? Что-то не так?

Бэль не понимала, почему Том решил ехать тем же поездом, что и она, и даже поменял билет, чтобы оказаться рядом с ней в первом классе. Зачем ему понадобилось отправляться вместе с ней, если у него зверское настроение и он всю дорогу молчит, погруженный в свои мысли. Переживает, наверно, из-за вчерашнего?

— Не бойтесь. Том, ничего с ним не случится.

Но Квинту было решительно наплевать на Фреда с его чувствительностью и расстройством, наплевать на весь этот маскарад, на бури, которые сотрясут семью Манцони в ближайшее время. Годами он ловил ее папашу, потом охранял, сопровождал, обихаживал и даже замешал, когда собственные дети его устыдились. Манцони — это и его ссылка, разлука с Карен. Манцони — самая большая его победа и его проклятие. А теперь еще одно гангстерское отродье, Джерри Костанца, может уйти у него прямо из-под носа, помешать его крестовому походу против организованной преступности. За ночь Том не нашел никакого выхода, но он просто обязан был его найти. Провал — единственная роскошь, которую он не мог себе позволить.

Противоречивые решения крутились у него в голове, раздирая его на части. То, что подсказывала интуиция, запрещал устав, то, что нашептывал инстинкт, отказывался принять разум, подсознание же толкало его на поступок, против которого восставало нравственное чувство. И все же непреодолимое желание рискнуть победило.

— Бэль, вы слышали когда-нибудь о Мауро Сквелье? Капо из Палермо, связанный с кланом Пользинелли из Бруклина?

Бэль удивилась, услышав, что он называет какие-то имена, к тому же еще и мафиозные.

— Сквелья? Когда я была маленькая, о нем говорили как о каком-то памятнике древности — что-то вроде фараона. Он еще жив?

— Он подключен к аппаратам искусственного дыхания и кровообращения. Уже назван его наследник. Но семья Пользинелли хотела бы, чтобы это был кто-то другой, а потому страсти по обе стороны Атлантики накалились до предела.

Бэль впервые слышала от Тома подробности его деятельности в Федеральном бюро. И какие подробности!

— Джерри Костанца из клана Пользинелли отказался ехать в Палермо для улаживания конфликта, а Джакомо Реа, представитель Сквельи, не принял приглашение явиться в Бруклин.

Том уже не мог остановиться, Бэль же не решилась спросить его: *Зачем вы мне все это рассказываете?*

— После долгих переговоров, которые длились нескольких месяцев, оба согласились проделать часть пути и встретиться на нейтральной территории. Свидание состоится в ближайший четверг в Париже.

— …?

— Главная беседа пройдет при закрытых дверях в апартаментах Костанцы в «Плазе». Потом они пойдут ужинать в ресторан отеля, и около полуночи Джерри вернется к себе в номер. Он никогда не меняет своих привычек.

На какой-то миг она испугалась, что отец снова взялся за старое и совершил какую-то глупость, которая скажется на них всех.

— За ужином Костанце захочется женского общества. Обычно вне дома он обращается в лучший эскорт-сервис страны, где в данный момент находится. Ему присылают одну-две девицы, самых красивых и разговорчивых; он разыгрывает перед ними роль этакого патриарха — эрудита и соблазнителя, а потом за кофе благодарит за компанию и идет спать. Девицы получают бабки, каких никогда не получали за ужин в шикарном ресторане, и еще до полуночи тоже укладываются — в свою постель с пультом от телевизора в руках. Госпожа Костанца в курсе привычек мужа и считает их совершенно безобидными.

Бэль начала сомневаться, что дело касается ее отца.

— Если бы все шло по плану, вместо такой девицы в четверг Костанцу развлекала бы специальный агент Миранда Янсен, но эта кретинка умудрилась сломать ногу.

— Том, вы правда хотите меня попросить о том, о чем я думаю?

— Разве я вас о чем-то попросил?

— Да, прикинуться шлюхой ради ФБР! Я правильно поняла?

— Как я могу предлагать это вам — дочери Манцони?

«Дочь Манцони». Если бы он хотел сказать ей, что у нее больше данных, чем у Миранды, для выполнения такого задания, он сделал бы это именно так.

— Вы хорошо меня рассмотрели, Том? Я? *Undercover?*[16]

— Повторяю еще раз: я ни о чем вас не просил, и, даже если бы вы согласились занять место Миранды, не имел бы права взять вас на эту роль. С чего вы решили, что обладаете такими данными? Да, у вас именно та внешность, что нравится Джерри, вы отлично знаете мафиози, говорите по-английски, по-французски и понимаете исконный сицилийский диалект.

Схватив сумку, Бэль выбежала из купе. Как Квинт, защищавший их все это время до паранойи, мог предложить ей такое? На Лионском вокзале она ускорила шаг, чтобы оторваться от него, но его рука легла ей на плечо.

— Я не могу дважды предать своего отца за такой короткий промежуток времени: первый раз, называя вас папой, второй — согласившись работать на его злейших врагов.

— Если вы захотите встретиться со мной до четверга, я в Париже всю неделю.

Бэль почувствовала себя вдруг страшно одинокой посреди толпы: ни семьи, ни друзей, никого, кому можно было бы доверить тайну семьи Манцони, которую она не переставала носить в себе.

* * *

Меньше чем через час она лежала в объятиях Франсуа Ларжильера на его драгоценном ковре, не привыкшем к такому обращению. После бурной встречи они застыли в молчании, тесно прижавшись друг к другу. Ей вдруг стало жалко невинности их первого периода, которой, казалось, не будет конца.

Тем временем Франсуа медленно высвободился из ее объятий, оделся и принял нравоучительный вид. Бэль не успела даже испугаться, как он завел свою обычную пластинку: он собирался в очередной раз доказывать ей, что их отношения обречены на провал. Почему все мужчины в ее жизни такие извращенцы? Отец, Том Квинт и самый ненормальный из всех — Франсуа Ларжильер.

Под видом восторгов и комплиментов он принялся за единственный недостаток Бэль. Ее красоту. Ее невозможную, неизменную, чрезмерную, беззастенчивую красоту. Он считал своим долгом сказать о ней все, что думает, — наделить смыслом, а потом этого смысла и лишить.

— Красота любит только саму себя!

Как можно быть таким несправедливым? Бэль никогда не почитала себя за икону. Глядя на себя в зеркало, она единственная не замечала этой светящейся ауры, которую все воспринимали как сияние божества.

— Красивые женщины начинают жить по-настоящему только лет в сорок…

Почему он так тяжело переживает ее красоту, вместо того чтобы наслаждаться и гордиться ею? Чего он боится? Что ему грозит?

— Девочки, которым все время твердят, что они красивые, в конце концов начинают в это верить…

Он несколько раз употребил слово «создание», не умея определить ее иначе, и упрекнул в жадности, с которой она всегда ищет солнце и в конце концов всегда его находит.

В заключение своей обвинительной речи Франсуа Ларжильер сказал, что никогда женщина его мечты не станет женщиной его жизни, потому что это неслыханно, этому нет прецедентов ни в реальной жизни, ни в какой другой, потому что это против всякой нормальной логики.

Раздавленная его речью, Бэль молча оделась, хлопнула дверью и, лишь очутившись на улице, расплакалась. Она остановилась у скамейки посреди газона, окаймлявшего угол бульваров Сен-Мишель и Монпарнас, и позвонила капитану Томасу Квинтильяни.

— Я насчет вашего задания, Том. Я согласна.

— Вы не пожалеете.

— Но я хочу что-то взамен.

— Просите все, чего захотите.

— Чего захочу? Правда?

5

Дельрой Перес вошел в аптеку, расположенную в нескольких метрах от его штаб-квартиры на Тилбери-роуд, Ньюарк, штат Нью-Джерси, прижимая руку к уху. Всю ночь он мучился синуситом, с которым не смог справиться ни один врач; то у него глаз горел огнем, то переносицу сжимало будто щипцами, не говоря уже о болезненных точках, от которых сверлило в висках. Но самое ужасное — это левое ухо.

— Такое ощущение, что мне вбивают гвоздь в барабанную перепонку, — сказал он аптекарю. — Нет, даже не гвоздь, а винт. Длинный такой винт, вкручивается, вкручивается в мозг…

Между двумя и тремя часами ночи, за неимением сильных анальгетиков, он съел упаковку аспирина и положил на щеку горячий компресс. Он даже разбудил спавшую рядом девицу и наорал на нее, но ничего не помогло. Теряя последнее терпение, он отправил несчастную в жуткий квартал на поиски дежурной аптеки. И очень удивился, когда она не вернулась.

— Мне очень жаль, но напроксен без рецепта не опускается.

— Да знаю я, черт побери! Но мне же больно! И именно сейчас! Пока я доберусь до какого-нибудь шарлатана, боль перекинется на другое ухо. Мне надо сейчас же принять две таблетки напроксена, и, клянусь головой моей матери, днем я принесу вам рецепт.

Выпив полбутылки водки, он заснул беспокойным сном, но, едва рассвело, проснулся с той же болью. Он выпил кофе, потом его вырвало, и он потащился в аптеку.

— Мне очень хочется вам помочь, но я не могу нарушить правила.

— Это же просто обезболивающее! Что тут может случиться, черт побери! Вы что, думаете, что, выкурив трубку напроксена, я схвачу ружье и уложу двенадцать человек в ближайшем фаст-фуде? Вы этого боитесь?!

В трехстах метрах отсюда, дома у разгневанного человека, произносившего эти слова, лежал шестидесятикилограммовый тюк кокаина, доставленный накануне из Колумбии. Среди прочих причин, по которым он не мог обратиться к врачу, была и встреча с его главным перекупщиком на предмет распределения товара. Половина груза должна была в тот же день отправиться в Нью-Йорк, где десять основных дилеров, специализировавшихся на клиентуре из шоу-бизнеса, уже ждали его прибытия. Химик, которого позвали на встречу, оценит качество товара и назначит цену за грамм. Представитель местного босса Пол «Демон» Дамиано тоже будет там. Беседа обещает быть жесткой, потому что Пол обязательно начнет соваться в обсуждение цен за грамм, чтобы увеличить свою долю, — наглеет с каждым разом, можно подумать, это он — босс.

— Господин аптекарь! Мне срочно нужно лекарство, — сказал он, доставая из кармана пачку свернутых в трубку стодолларовых купюр. — Я готов заплатить в тысячу раз больше,

чем они стоят, в тысячу! Черт бы вас побрал! Всего две таблетки — а к концу дня он у вас будет, этот чертов рецепт!

Какая несправедливость, честное слово! Нестерпимую дикую боль можно снять за пару минут, но нет, он будет продолжать страдать и мучиться и терять очки перед этим засранцем Дамиано, и все из-за какого-то тупого, злобного придурка в белом халате, который отказывается продать ему таблетки. Все это не только несправедливо, но и нелепо! Вот оно — избавление, в ящике, стоит протянуть руку! Боль становилась все сильнее, вот уже И коренные зубы включились, а эта падла за прилавком не собирается уступать.

Видит Бог, уж Дельрой знал, что такое страдание. Двадцать лет назад, когда он начинал простым наркоторговцем, молодые люди в последней стадии падения сотнями тянули к нему руки, чтобы получить дозу. Он обирал их, выжимал из них последнее, пока они не умирали где-нибудь в канаве. Он толкал подростков продавать все, что им принадлежало и что не принадлежало, некоторые продавали свои органы или маленькую сестренку — и все ради дозы героина. Дельрой открывал в своих клиентах разнообразные способности: они воровали, убивали, грабили — лишь бы выйти из ломки, перестать страдать.

— Слушайте, я не уйду отсюда без этих таблеток. Мне плохо, черт вас дери, как вы не понимаете?!

Пока аптекарь приводил для убеждения клиента новые доводы, в заднем помещении его жена уже набрала номер девятьсот одиннадцать и диктовала инспектору полиции свой адрес — такие звонки ей приходилось делать по два-три раза в неделю. Минут через пять, в тот самый момент, когда Дельрой опрокинул стеллаж с пастилками для горла, в аптеку вошли два человека в синей форме. Против всякого ожидания, они не стали забирать возмутителя спокойствия, а обратились к аптекарю.

— Вы что, не видите, что этому человеку плохо?

— …?

Позабыв про боль, Дельрой уставился на них с тем же изумлением, что и аптекарь.

— Сейчас же выдайте ему лекарство! — приказал сержант.

— Как вы можете оставлять человека без помощи в таком состоянии? — добавил его коллега, как будто больно было ему.

За тридцать лет работы аптекарю и его супруге нередко приходилось вызывать полицию. Поводы были разные: наркоманы в состоянии ломки, торговцы амфетаминами, подростки, жаждущие острых химических ощущений, разнообразные налетчики, — и ни разу полицейские не принимали сторону нападавшего, попирая законы американского аптечного дела.

— Но я не имею права, господин полицейский…

— На этот раз вам придется сделать исключение, я уверен, что этот господин обязательно принесет вам рецепт до окончания рабочего дня. Верно?

Оправившись от первого удивления, Дельрой и правда поверил, что коп, оказавшийся человечнее тех, с кем ему приходилось сталкиваться раньше, просто пожалел его. Впервые в жизни ему не пришлось врать — за него все сказала боль, и люди проявили сострадание к его мукам.

Через полчаса, благодаря неожиданному вмешательству копа, боль улеглась, и Дельрой снова почувствовал себя вполне в форме, чтобы встретиться со своим химиком и дать отпор Полу Дамиано.

Не успели переговоры начаться, как в ангар ворвались шесть агентов DEA, с автоматами и в бронежилетах, под предводительством агентов ФБР Тимоти Ферлонга и Брюса Рикмана, которые следили за Дельроем последние семьдесят два часа и ждали начала мероприятия, чтобы накрыть всех. Тем же утром Ферлонг и Рикман, сидевшие в машине у аптеки, в

последний момент перехватили двух патрульных полицейских, которые, возьми они Дельроя, завалили ли бы всю операцию.

— Вы дадите ему все, что он просит, — сказал тогда Рикман, — и если ему захочется запить таблетки чаем «эрл грей», вы пойдете и принесете ему этот чай, понятно?

Ни один из двух копов не осмелился бы связываться с ФБР и тем более рисковать завалить целую операцию, но им пришлось призвать на помощь всю свою выдержку, разыгрывая сценку перед ошарашенным аптекарем и его женой.

Дельрой, в наручниках, сразу понял, что его сдали.

— Кто? Кто этот сукин сын? — спросил он агента Ферлонга, зачитывавшего ему его права. — Джонни-Джон? Это он, тварь, сдал меня? Или Беллини? Еще одна сволочь… Да, точно, это он — этот мешок с дерьмом!

Пол Дамиано, уверенный, что его заманили в ловушку, решил оправдать свое прозвище «Демон» и в приступе дикой ярости принялся крушить чем попало людей из бригады быстрого реагирования. Троим агентам удалось с ним справиться, но он продолжал выть как дикий зверь, с которого сдирают шкуру, и с этим ничего нельзя было поделать. Химик же, наоборот, все время операции простоял с поднятыми руками и не оказал ни малейшего сопротивления. Он только попросил агента Рикмана поосторожнее надевать на него наручники, потому что он еще не совсем оправился после перелома ключицы и в некоторых положениях ему может быть больно.

— Так кто же меня все-таки сдал? — не унимался Дельрой. — Сальма? Эта сука Сальма? Хочет расквитаться со мной, посадить?

— Не знаю, как С альма, а мы — да, — откликнулся Рикман, довольный тем, что ему не придется больше пасти эту сволочь Дельроя, прослушивать его разговоры, обыскивать его квартиру, а главное — часами дожидаться, когда он выйдет из очередного джаз-бара.

Дельрой знал, что садится надолго, но эта мысль волновала его гораздо меньше, чем желание узнать, кто же все-таки его сдал. Он назвал еще несколько имен, но среди них не было Джанни Манцони, которому двенадцать лет назад удалось скрыться и исчезнуть из общей памяти членов огромной семьи ЛКН и их пособников.

* * *

Несколькими часами позже, в шестидесяти километрах оттуда, Мелани Фицпатрик, потягивая лимонад, давала указания прислуге на кухне своей шикарной виллы, расположенной на Сентенниэл-авеню в Трентоне, штат Нью-Джерси. В этот момент кто-то позвонил в дверь.

— Откройте, Чики, это, наверно, посыльный от Тайлера.

Мелани ждала к ужину четырех важных гостей, в том числе компаньона мужа из банка Беккарта, которые были без ума от цыпленка со сладким перцем и кесадильи[17] в исполнении Чики. На десерт планировалось мороженое с перцем и дыней от Тайлера, лучшего мороженщика в городе. Однако Чики вернулась к хозяйке с пустыми руками.

— Там пришли два господина из полиции…

— Из полиции?

— Из ФБР.

Мелани не могла не заметить беспокойного взгляда кухарки и ее дрожащих рук.

— Не бойтесь ничего, Чики, все ваши документы в порядке.

— Я знаю, мадам, но, когда эти люди смотрят мне в глаза, я сразу начинаю чувствовать себя нелегалом.

Наверху Ронан Фицпатрик выбирал себе рубашку к ужину, не переставая постукивать пальцами по клавиатуре ноутбука, поставленного на край кровати. Он отправлял е-мейлы, последние на сегодня, один — финансовому партнеру в Канаду, другой — сестре с фотографией гольф-клуба, который они собирались подарить отцу на его юбилей, и третий — Эми. Красотке Эми, заместителю по кадрам, которая и сама была редким кадром — просто жемчужиной — и с которой вчера они выпили по стаканчику наедине, глаза в глаза. Ронан озаглавил свой мейл «Сухой мартини» и начал его словами: *Эми, этот бокал в вашем обществе был настоящим чудом.* Размышляя над следующей фразой (он хотел сделать ее достаточно тонкой, чтобы убедить Эми в необходимости следующего свидания), Ронан снял с плечиков сиреневую рубашку, которая будет чудо как хороша с его серым льняным костюмом. Он нравился себе в сером с сиреневым.

— Милый!

Ронан спустился с лестницы, но, увидев на пороге двух мужчин, затормозил.

— Эти господа из ФБР. Могу я узнать, что происходит?

Через десять минут Ронан Фицпатрик в джинсах и джемпере садился в машину агентов, держа в руках сумку, в которой были пижама, зубная щетка и пачка успокоительного. Он совершенно правильно понял, что этот арест имел отношение к делу Парето двенадцати- или тринадцатилетней давности, единственному абсолютно нелегальному делу, которое до сих пор приносило прибыль запредельных размеров, позволившую ему, среди прочего, отгрохать себе шикарный особняк в центре города. А все началось со знакомства с Луи Чиприани, прославленным аферистом, близким другом нескольких политиков, а также некоторых постоянных участников шоу Ларри Кинга, с которым он встретился в одном приличном доме. После нескольких партий в сквош Луи представил ему своих «друзей» из Нью-Джерси: Манцони и Галлоне, которым нужен был свой человек в банке.

Как давно это было. В его памяти срок давности этого дела уже давно вышел.

Мелани чувствовала себя будто в кошмарном сне и все пыталась ухватиться за что-то реальное, какое-то приемлемое объяснение, которого муж не мог ей дать.

— Скажешь ты мне или нет, что все-таки происходит? Это имеет отношение к банку? К какому-то клиенту? Говори же!

— Не знаю. Им надо что-то проверить.

— Что-то? Что же именно?

— Не знаю…

— Ты вернешься к ужину?

— Не знаю.

— Что мне сказать Брайану?

— Ничего не говори! И вообще, если будут звонить из банка, ничего не говори. Придумай что-нибудь.

— Что?

— Скажи, что… не знаю, придумай сама!

— Ну, хоть примерно — что?

Фицпатрик не успел ответить, один из агентов надавил ему ладонью на макушку и втолкнул на заднее сиденье машины. По этому жесту Ронан понял, что к ужину он не вернется.

Мелани охватила паника, что она не сможет найти приемлемого объяснения такому спешному отъезду мужа. *Ронана вызвали к постели умирающего отца… Ронан стал свидетелем страшной аварии… Ронан срочно уехал в Европу!* Но как объяснить этот спешный отъезд в Европу в семь часов вечера? Надо найти что-то другое… что-то убойное… *Ронан*

сейчас отдает свою почку в Вайоминге... Ронана взяли в заложники... Ронан поехал к Тайлеру за мороженым, и с тех пор о нем ни слуху ни духу... Все что угодно, только не *Ронана сейчас допрашивают в ФБР.* Мелани вынуждена была признать, что ей есть еще чему поучиться в деле сокрытия истины.

На допросе Ронан сразу услышал имя, которое предпочел бы забыть навсегда: Луи Чиприани. Первые четыре-пять лет после дела Парето Ронан ни разу не пожалел о своем знакомстве с «друзьями» из Нью-Джерси, но потом, когда во время громкого процесса о вымогательстве по милости Луи (он был оправдан за неимением улик) о нем заговорили в газетах, эта дружба перестала его устраивать. Партии в сквош и воскресные прогулки на яхте становились все реже, и в конце концов Ронан попросил Луи не звонить ему в банк, а потом и вообще не звонить.

* * *

В то время как Фицпатрик скромно отвечал на первые вопросы следователя, Луи Чиприани стоял перед начальной школой в квартале Линдейл, в Миннеаполисе, штат Миннесота. Около года назад он решил отойти от нью-йоркской суеты и поселился в тихом уголке с женой и маленьким сыном — последними существами в мире, которым он еще был нужен. Скрываясь от преследования налоговой полиции, кредиторов и кое-кого из обобранных им компаньонов, он жил теперь на счет молодой супруги, которая выбивалась из сил, чтобы заработать на адвоката средней руки. Единственное, чего желал теперь Луи, это покончить навсегда с прежней жизнью великосветского жулика, чтобы достойно воспитать сына.

Поодаль, метрах в ста от него, в машине, следившей за ним с самого утра, агент Холл и агент Эстебан ждали указаний из Вашингтона.

— Они сейчас как раз разделывают какого-то банкира из Трентона, — сказал Холл. — Вопрос нескольких минут: от страха парень спечется в два счета.

Не успел он договорить, как зазвонил телефон. Им давали зеленый свет, чтобы взять Чиприани.

— Может, все же не стоит брать его на глазах у мальчишки?

— А сколько ему?

— Лет восемь, может, девять.

— Тогда как будем действовать?

Ворота школы распахнулись, и оттуда вылился поток ребятишек. Луи подхватил на руки шестилетнего мальчугана. Он обожал своего сынишку и каждый вечер сам забирал его из школы.

— Луи! — воскликнул агент Эстебан, расплываясь в счастливой улыбке.

Расцеловав в обе щеки человека, которого он никогда прежде не видел вблизи, он шепнул ему на ухо пару слов.

Ошарашенному этим неожиданным проявлением любви, Луи ничего не оставалось, как представить новых друзей сыну.

— Они приехали издалека. Папа давно с ними не виделся.

Смущенный появлением двух незнакомцев, мальчуган ухватился за папин пиджак.

— Я отвезу тебя домой, а сам останусь с друзьями, потому что для меня это большая радость. Ты ведь хочешь порадовать папу?

Уговаривать малыша не пришлось: порадовать папу было для него делом чести.

Высадив его у дома, Луи позволил надеть на себя наручники и процедил сквозь зубы:

— Спасибо, ребята.

* * *

ФБР скоординировало все аресты, последовавшие за последними признаниями Фреда Уэйна. Только арест Зигги Де Витта, пребывавшего на своей яхте, потребовал специального международного постановления, а потому он еще пару дней пребывал в неведении относительно того, что в Кабо-Верде его ждут агенты Интерпола. Взяв этих деятелей, Федеральное бюро сочло необходимым заняться теперь Натаном Харрисом.

Фред сказал правду: Натан никогда не участвовал в нападении на фургон «Фарнелла», в ходе которого убили человека. Однако вследствие доноса, совершенного из чистой мести, а также по неудачному стечению обстоятельств, Натан Харрис был обвинен вместо Зигги Де Витта, и никто из участников процесса не опроверг этого обвинения, в том числе и Фред. Натан все отрицал, он даже официально заявил о своей невиновности в ходе процесса, наскоро состряпанного под давлением губернатора, который жаждал крови. Но как судебная, так и тюремная администрация остались глухи к его заявлениям, и Натан совершенно обезумел. После неудачной попытки бегства ему добавили два года, потом он напал на тюремщика, а как только вышел из карцера, взял в заложники начальника тюрьмы прямо у него в кабинете. Так, мало-помалу, вместо первоначальных четырех лет, он отсидел в Сан-Квентине четырнадцать, из них три года — в одиночке.

И вдруг его освобождают, хотя он ничего не просил, не требовал никакого пересмотра и даже почти забыл, что получил срок из-за судебной ошибки. В полном изумлении он прошел с мешком в руках по коридору восточного выхода из тюрьмы и оказался на залитой солнцем улице. Вдали до самого горизонта простиралась бухта Сан-Франциско. А прямо перед ним, засунув руки в карманы и прислонившись спиной к дверце машины, стояла какая-то фигура.

— …Агент Хиргрейвз? Это вы?

Алек Хиргрейвз подошел к нему и протянул руку.

— Здравствуйте, Натан.

— Я отсидел в этом аду четырнадцать лет, и первый, кого я встречаю на свободе, — вы?

— Мне надо с вами поговорить.

— Только не говорите, что это вам я обязан пересмотром дела.

Капитан Алек Хиргрейвз в свое время вел следствие и посадил Натана. Теперь он сам взял на себя эту инициативу, которой от него никто не требовал, и приехал встретить его у ворот тюрьмы.

— Нет, это не я. Скажем так: поступила дополнительная информация, благодаря которой дело о перевозке фонда «Фарнелл» предстало несколько в другом свете.

— Дополнительная информация?

— Четвертым были не вы.

— Ах вот как? Хорошая новость. Четырнадцать лет жизни… Четырнадцать лет с сознанием этой дикой несправедливости. Четырнадцать лет я пытался понять, как вы могли допустить такую ошибку. А теперь что? Что вы будете делать? Извинитесь передо мной? А как насчет возмещения морального ущерба? Это предусмотрено законом? Как по-вашему, сколько может стоить один час в Сан-Квентине? Я ведь могу и наехать на Дядю Сэма, я узнавал.

— Это не вернет вам эти четырнадцать лет.

Несмотря на сокрушенный вид, капитан вел в уме весьма приятные подсчеты. До дела «Фарнелл» Натану всегда удавалось уходить от правосудия. Агенту Хиргрейвзу так и не

удалось поймать его на деле о похищении миллиардера, найденного в лесу с полиэтиленовым пакетом на голове. Кроме того, Натан подозревался в убийстве одной молодой проститутки, однако его адвокатам удалось тогда добиться прекращения дела из-за нарушения процедуры. Оба эти обвинения, даже учитывая возможные послабления, потянули бы по совокупности на гораздо больший срок, чем те четырнадцать лет, что Натан провел на нарах.

— Я не могу говорить от имени Дяди Сэма, но знайте, что от своего имени я приношу вам извинения, Натан. Подвезти вас до города? Может, вам что-то хочется?

— Я хочу выпить.

Было еще только девять утра, но Алек не решился оставить его пить в одиночестве.

6

С закрытием «Пармезана» Клара, Рафи и разносчики разошлись по домам, моля небо, чтобы их хозяйка нашла выход из создавшегося положения. Но какой выход могла она найти в шестистах километрах отсюда, в своей деревне, в департаменте Дром?

Фред думал, что после этого печального уик-энда жена останется с ним хотя бы из чувства вины. Она была ласковее обычного, откликалась по первому его зову и даже — впервые в жизни — поинтересовалась его писательскими делами. Со своей стороны Фред продолжал разыгрывать кротость и благодушие, и ему даже удалось внушить ей, что рана, нанесенная в тот вечер, начала затягиваться. Таким образом, достигнув в своей лжи неимоверных высот, они даже обрели утраченную было близость.

Сидя перед чистым листом бумаги, Фред никак не мог выйти из напавшего на него оцепенения. Раньше с ним такого не бывало. Магги убеждала его, что только настоящий роман, основанный на чистом вымысле, позволит ему сдвинуться с мертвой точки и начать работать по-настоящему: *Ноты ты уже знаешь, теперь сочиняй мелодию.* Но способен ли Фред сочинить что-либо вообще? Его изобретательские способности проявлялись в те времена, когда, став боссом, он придумывал разные оригинальные сценарии для выуживания денег, неслыханные финансовые махинации и прочие комбинации, считавшиеся самыми дерзкими на Восточном побережье. Весь этот материал уже был втиснут им в первые две книги, которые позабавили кучку читателей своей запредельной жестокостью. Но то, что другие принимали за цинизм или иносказание, на самом деле представляло собой тоску по прошлому.

— Все это безнадежно устарело, — сказала Магги. — Хватит этих старых добрых времен, всем плевать на твои воспоминания. Расскажи лучше о том, как рэкетир Эрни решил *поставить по стойке смирно весь квартоли утихомирить конкурентов,* только расскажи эту историю так, как будто она происходит здесь и сейчас, во Франции, со всеми вытекающими отсюда подробностями. Только ни в коем случае не в твоей зоне в Нью-Джерси, которую со времени нашего отъезда, наверно, уже всю раскатали. Если это будет сделано точно, достоверно и, главное, убедительно, то дело в шляпе.

Фред и сам знал, что он редкий представитель исчезающего вида, но терпеть не мог, когда ему это напоминали. Однако Магги была права: интрига, основанная на истории о крупном вымогательстве, давала общую структуру роману, который мог обрати подробностями о других видах мафиозной деятельности — шантаж, запугивание, отмывание денег. Фреду уже виделись первые десять-пятнадцать глав этого романа, у которого еще не было названия, но который мог стать, при наличии у автора добротного исходного материала и вдохновения, Новым Заветом организованной преступности. Во времена своей деятельности в ЛКН Фред никогда не находил в себе особого таланта к работе с наркотиками и проституцией, предпочитая предоставлять это другим, сам же занимался скорее ростовщичеством и слиянием с легальным бизнесом. Ему казалось, что это он изобрел

понятие свободного предпринимательства, и он считал, что каждый предприниматель обязан предоставить право на свой копирайт.

— Я два года работал на Эрни, он раскрыл мне все свои секреты. Если кто и знает эту тему, то только я.

— Вот и докажи это. Возьми какой-нибудь конкретный случай. Например, скажи, что бы он стал делать, чтобы обложить данью мою лавочку?

— Где ты продаешь свою лазанью?

— Не лазанью, а баклажаны по-пармски.

— Ну, Эрни тобой никогда не заинтересовался бы: как он смог бы на тебе заработать хоть доллар? Заниматься тобой — только конкурентов смешить. Это признаться в собственном падении, все равно что мне начать воровать на улице сумки.

Мысль, что ее предприятие не представляет никакого интереса для рэкетиров, задела Магги. Все же она сумела стать проблемой для целого концерна, а это дорогого стоило. Она застряла костью в горле у одержимого жаждой наживы монстра, который располагал оружием не менее грозным, чем парни из мафии.

— Ладно, допустим, что я для Эрни Фоссатаро слишком мелкая рыбешка — такую обычно кидают обратно в воду. Но предположим все же, что он оказал мне эту великую честь и занялся мной. В таком случае он ведь обязан меня же и защищать?

— Да.

— А что будет, если более крупная рыба начнет теснить меня в моей луже?

— Насколько крупная?

— Настоящая акула, которая пожирает все, что попадается ей на пути, из породы тех, что распространились по всему миру — потому что они самые сильные.

— Нет такой крепости, которую не взял бы Эрни. Я уверен, построй «Кока-Кола» завод на его территории, он предложил бы им крышу против «Пепси», и они согласились бы. Помнишь тот овощной супермаркет, который открылся в двух шагах от нас? Его еще рекламировали как «огород Нью-Джерси». Участок был куплен фирмой «Рикс и Брукс», агропищевым гигантом, который создал эту структуру для торговли мелким оптом и в розницу.

— Я часто ходила туда за овощами, там круглый год можно было купить сладкие перцы.

— Так вот фирма «Рикс и Брукс» очень быстро стала называться «Рикс, Брукс и Фоссатаро». Эрни как представителю клана Галлоне принадлежал двадцать один процент. Он вынудил их взять себя в компаньоны, если они хотели и дальше процветать в этом регионе, и «Рикс и Брукс», при всей их крутизне, должны были подчиниться. Только для такого финта бейсбольной биты и трех опрокинутых ящиков с помидорами мало.

— Предположим, что напротив моего заведения открылась гигантская пиццерия, настоящий символ свободного предпринимательства, процветающая транснациональная корпорация. Что бы он сделал, твой Эрни?

Она постаралась вложить в свой вопрос ровно столько иронии, чтобы Фред воспринял его как вызов.

— Ну, чтобы все было наглядно, надо бы, чтобы напротив тебя действительно был такой гигант.

— Он есть…

* * *

Будущее снова казалось безоблачным.

Едва проснувшись, он — в своей съемной комнате на плато Веркор, она — в своей детской в Монтелимаре, Уоррен и Лена звонили друг другу. Они вместе отходили ото сна, рассказывали, что кому приснилось за ночь, обсуждали планы на день, договаривались о времени следующих звонков. С четверга они начинали думать о том, как проведут уик-энд, и не могли дождаться встречи.

В то утро, повесив трубку, он наскоро побрился и помчался в мастерскую, где получил поручение от патрона.

— Поедешь в Вилар-де-Лан, к Гриола, он отложил для меня немного английского паркета.

Уоррен завернул в тряпочку дощечку для образца и отправился в дорогу, радуясь неожиданному путешествию, притом с самого утра. Вот уже несколько месяцев, как он стал иначе смотреть на окружающую природу, видя в каждом красивом уголке место для будущей жизни, в каждой груде бревен — материал для работы, в каждом незнакомце — вероятно соседа. Шорох листвы делал его поэтом, вид деревушки на крутом склоне холма — философом, а луч света, пробивающийся меж двух утесов, — мистиком. Все его восхищало, во всем он видел подлинное, исконное.

Их гнездышко будет как бы Ноевым ковчегом, где они станут ждать великого потопа. Он заведет себе хаски, не меньше четырех, для снежных зим. Еще у него появится ручной ворон, гордый и прекрасный, который будет сидеть у него на плече, опровергая дурную славу, сложившуюся об этих чудесных птицах. А еще… да, конечно, две лошади, они станут бегать на свободе как раз неподалеку от Вилар-де-Лан, — очень красиво!

Уоррен прошел вдоль первого склада заведения Гриола, где хранилась старая мебель, предназначенная на реставрацию, ко второму, где на выдвижных стеллажах было навалено старое дерево всех оттенков коричневого цвета. Нацепив очки, Ален Гриола внимательно рассмотрел привезенную Уорреном дощечку.

— Точно такого оттенка у меня не будет, но где-то оставался кубометр похожего.

Он поискал пару минут, потом положил руку на нужную коробку, и юноша сравнил две дощечки.

— Покроете лаком потемнее, и все будет как надо, — сказал Гриола.

Уоррен кивнул, выписал чек, и хозяин проводил его к выходу.

— Передавайте привет старику Донзело.

Уоррен уже шагнул за порог, когда странное ощущение дежавю заставило его остановиться. Он вернулся назад, в центральный проход, вдоль которого громоздилась старая мебель.

— Вы что-то забыли?

Ощущение оставалось. Он стал озираться вокруг, и взгляд его остановился наконец на столике, накрытом голубой тканью, из-под которой виднелись только черепаховые ножки. Присев на корточки, он вгляделся в позолоченные медальоны в форме женских лиц, помещенные на изгибе каждой ножки. Чтобы убедиться окончательно, он стянул ткань, и ему открылась черепаховая столешница, изящно инкрустированная медью.

— Это столик в стиле «булль», эпоха Наполеона Третьего, — сказал Гриола.

— Я знаю.

— С ним почти ничего не надо делать, только почистить хорошенько да ящик отполировать. Меньше чем за шесть тысяч евро я его не отдам.

Уоррену достаточно было сказать: *Этот столик краденый, и я знаю, у кого его украли. Зовите жандармов,* и дело было бы сделано. Он не мог спутать — это был столик Деларю. Они даже специально показывали его Уоррену, чтобы узнать его мнение как мастера о

черепаховом столике в стиле «Булль». Он сказал им тогда: *Я столяр, а не краснодеревщик,* но все равно, чувствовал себя гораздо увереннее, чем в разговоре о Моцарте.

Жандармы не слишком обнадежили Деларю относительно возможности увидеть когда-нибудь еще их столик. Грабители были либо дилетанты, которым слишком ценные вещи лишь мешают, и они в конце концов выбрасывают их на помойку; либо речь шла, наоборот, о профессионалах, которые знали, за чем идут и как это сбыть. Вот доказательство: столик очень быстро найдет покупателя за шесть тысяч евро у какого-нибудь антиквара с безупречной репутацией.

Если бы Уоррен произнес эту фразу: *Этот столик краденый, и я знаю, у кого его украли. Зовите жандармов,* семья его невесты получила бы обратно свое имущество, он стал бы героем, а Лена потом рассказывала бы эту историю их детям.

Потому что детей у них будет куча. Уоррен смастерит им деревянные игрушки, и мальчикам, и девочкам; от старших эти игрушки перейдут младшим, а те передадут их своим детям. Они с Леной станут основателями династии великих путешественников, которые объедут весь мир, но никогда не забудут места, где родились. Из них получатся честные, порядочные ребята, которым и в голову не придет ставить себя выше закона.

Уоррену стоило только сказать Гриола: *Этот столик краденый, и я знаю, у кого его украли. Зовите жандармов* — и начало великой семейной саги было бы положено. Но вместо этого он произнес:

— Возможно, у меня есть покупатель. Наш клиент, дантист из Баланса, он как-то спрашивал, где можно купить вот такой столик. Я могу с ним поговорить, но он спросит документы.

Юный Уэйн не зря произнес эту фразу прежде, чем ту. В день ограбления Деларю и сами не знали, что им придется уйти на два часа из дома. Так что предупредить грабителей об их отсутствии с такой точностью мог только кто-то из близких. И Уоррен хотел раньше других узнать, кто это.

— Все есть, а вы как думаете? Мне продал его один старьевщик из Ди, он ищет всякий хлам по чердакам и продает на рынке. Он мог лет десять ждать, пока кто-то захочет его купить за приличную цену. Скажите вашему клиенту, пусть позвонит мне, я могу вам даже дать фотографию.

Уоррен вернулся к машине и поехал в сторону Ди, не обращая больше внимания на пейзажи.

*** * ***

Мне придется надеть микрофон? — спросила Бэль. Том веселился, глядя, как серьезно она относится к заданию, воображая себя уже суперагентом ФБР, готовым рисковать жизнью, чтобы записать секретные разговоры воротил преступного мира.

— Нет, никакого микрофона. Они даже не станут вас обыскивать.

— Том, вы уже сто раз сказали, что я ничем не рискую. Но мне хочется услышать это в сто первый.

— У нас продумано все до мелочей, сбоев быть не может. Двое моих людей будут сидеть за соседним столиком, рядом с тем, где расположитесь вы с Костанцей и Реа, и это у них будет микрофон, по которому они станут комментировать мне все, что происходит. Они не спустят с вас глаз, а я в это время буду ждать снаружи, в нашем микроавтобусе, и вмешаюсь, если что, однако этого не потребуется.

— Лучше бы вы тоже там были…

— Будьте как можно естественнее, улыбайтесь, но так, чтобы не было видно, что вам за это платят; участвуйте в разговоре, но ненавязчиво, смейтесь над их остротами, но сдержанно, позволяйте говорить вам комплименты, но не ввязывайтесь в игры с обольщением, слушайте все, о чем они говорят, но не проявляйте любопытства, а главное — будьте яркой, но старайтесь не показывать, что вы умнее их: думаю, это будет труднее всего.

В день операции она проснулась поздно и долго бродила по дому в футболке, ожидая, когда по приказу Тома ей доставят соответствующее случаю вечернее платье. Стоя перед зеркалом, она задумалась над тем, как должны краситься девицы, которым платят такие деньги только за то, чтобы они составили кому-то компанию. Грустный парадокс: единственный в мире человек, которому она хотела бы нравиться, был единственным в мире, кто считал ее слишком красивой для себя. Господи, как же тяжел и извилист путь к сердцу Франсуа Ларжильера!

Он позвонил в тот самый момент, когда она надевала элегантное черное с синим платье — такое она и сама бы не отказалась иметь.

— Увидимся вечером?

— Я иду на ужин.

— На ужин? Вы? Что еще за ужин?

— Я буду изображать девицу по вызову по заданию ФБР, которому нужны сведения об одной крупной фигуре из «Коза ностры».

— А если серьезно?

— Да ерунда, встречаюсь с девчонками с курса.

— Так когда мы увидимся?

— Не знаю.

И она резко повесила трубку, договаривая про себя: *Все это делается для вас, господин Придурок.*

Она поехала в «Плазу» на такси и попросила портье сообщить Джерри Костанце, что ждет его в баре.

— Как вас представить?

— Азия.

Том предложил ей назваться Надей, но Бэль выбрала другое, не менее звучное имя, ей не хотелось упускать такого уникального случая *провести вечер в образе шикарной шлюхи по имени Азия.*

* * *

Ни Магги, ни Фред прежде не считали нужным интересоваться делами друг друга до такой степени; она всегда игнорировала его писательство, он — ее забегаловку, и теперь им хватило нескольких часов, чтобы наверстать упущенное за последние годы. Этим вечером в большой гостиной, превратившейся в главный штаб, Магги разложила на столе все, что она собрала относительно самой крупной сети пиццерий в мире: подробную схему управления «Файнфуд Инкорпорейтед», фотографии ее руководителей, кучу газетных вырезок. Ознакомившись с некоторыми цифрами, Фред почувствовал легкое головокружение.

— За время трансляции последнего Суперкубка они продали в США миллион триста тысяч пицц!

Эта цифра впечатляла Магги гораздо меньше, чем триста тонн сыра для пиццы, которые они употребляли за год, — страшно даже представить такое жуткое количество! Пробегая глазами газетные заметки, Фред возмущенно застонал и прочел вслух:

— Пропитым летом они запустили в производство пиццу «кальцоне фьорентина», в которую входит рикотта, неаполитанский соус, шпинат, яйца, сметана, и все это под пряной корочкой…

— Ням…

— Да за одно только это безобразие Эрни уже сел бы им на хвост. Не любил он подобных издевательств над итальянской кухней, а еще больше — чтобы америкосы прибирали к рукам нашу пиццу и нашу пасту, а потом лепили из них себе миллиарды.

Магги проиграла партию монстру и предпочитала принять это поражение без дальнейшей борьбы. Новая книга Фреда станет как бы посмертным посланием от «Пармезана» его убийцам. Они должны понять, что она могла бы превратить их жизнь в ад, но не сделала этого; должны увидеть, чего они избежали. Она молилась Богу и черту, чтобы у Фреда хватило сил на эту книгу, как хватало когда-то на то, чтобы терроризировать в одиночку целый американский штат.

— Чтобы взяться за такую *cash machine,* — сказал он, — нужен определенный отправной капитал, и людей придется нанять. Главный удар примут на себя три стратегические фигуры: твой Франсис Брете, управляющий по парижскому региону и европейский директор, а на главного босса в Денвере выйдем позже. Надо узнать, где они живут, и вычислить всех самых близких членов их семей. Потом я хочу знать их привычки, коды, график и место парковки. За две недели частный детектив смог бы тебе сказать, где их жены покупают лифчики.

Для осуществления этой части программы Магги собиралась обратиться к Сами и Арнольду, которых так достала наглость *этих, напротив,* что они будут только рады поработать вместе со своими скутерами на благое дело.

Видя, как Фред активно взялся за работу, Магги сделала над собой усилие, чтобы не сказать ему: *Ни в чем себе не отказывай, дорогой, нагони на них страху. Сделай это для меня*.

* * *

Уоррен позвонил с дороги патрону и, сославшись на аварию, сказал, что вернется лишь к вечеру. Приехав в Ди, он без труда отыскал старьевщика, копошившегося в своем пыльном сарае без вывески, где кучей валялись пружины от матрасов, крышки от дымовых труб начала двадцатого века и столь любимые парижанами медные кастрюльки. Подождав, пока тот отделается от клиента, торговавшегося по поводу цены на подставку для курительных трубок, Уоррен прошел за ним в угол между двумя металлическими шкафами, служивший старьевщику кабинетом.

— Я от Гриола. Вы продали ему черепаховый столик.

Ему не пришлось даже показывать фотографию.

— Надеюсь, он получил за него хорошую цену.

— Эта вещь была украдена, и я знаю даже у кого. Если вы скажете, как вы ее получили, я обещаю, что вас никто не потревожит.

— Не потревожит?

Слово было выбрано неудачно, и Уоррен тут же пожалел об этом. Старьевщик нисколько не опасался быть потревоженным каким-то там проходимцем, который явился требовать у него объяснений. Но молодой Уэйн не проявлял особой враждебности, ему просто надо было узнать все обстоятельства ограбления, даже если правда окажется хуже, чем сама потеря вещи, без которой все прекрасно обходились. Не важно, был этот человек скупщиком краденого или нет — какое Уоррену до этого дело? Подобные истории лишили его детства, и

в свою новую жизнь он их не допустит. Мир таков, каков он есть, ему его не изменить, но он не позволит чтобы этот мир помешал его любви.

— Похоже, вы знаете об этой вещи больше, чем я. Слушаю вас.

Уоррен заново сформулировал свой вопрос, вложив в него больше дипломатии, но желаемого ответа так и не получил. Дело его было правое, и он хотел разобраться во всем самостоятельно, не причиняя никому вреда, — так будет лучше, в том числе и для этого незнакомого человека, который, похоже, терял уже самообладание.

— Убирайтесь отсюда…

Молодой Уэйн начинал сердиться, больше всего именно от того, что он не хотел сердиться, но его не поняли, так что… Он схватил старьевщика за воротник, поставил его на колени и, протащив несколько метров, засунул его голову в нижний ящик металлического шкафа. Тот взвыл, забился, пытаясь освободиться, начал задыхаться, но Уоррен утихомирил его ударом ноги по ящику, край которого врезался ему в горло.

В наступившей тишине Уоррен удивился той легкости, с которой он исполнил это короткое па-де-де. Он немного приоткрыл ящик — не для того, чтобы дать своей жертве вздохнуть, а чтобы услышать, что она скажет.

— Старушка разбирала свой гараж… В списке вещей был этот столик… Она не представляла, сколько он может стоить, я этим воспользовался… Нехорошо, конечно, но все так делают… Если хотите, у меня есть бумага с ее подписью, там, в папке, наверху…

Нет, в наличии этого документа, позволившего составить фальшивый сертификат, Уоррен не сомневался, а вот в изложенной ему версии — да. Ему впервые доводилось заниматься таким нелегким делом — пытаться уловить правдивые нотки в голосе человека, голова которого засунута в металлический ящик. Самое трудное тут — поймать момент, когда человек перестанет попусту трепать языком, а начнет выдавать именно то, чего ждет от него мучитель. В промежутке между этими двумя мгновениями обычно и появляется правда.

Да, когда представляется случай, старьевщик занимается скупкой краденого, да, он принимает у себя взломщиков, промышлявших в округе, да, столик краденый, у кого — он не знает, но может позвонить парням, которые ему его сбыли.

Уоррен попросил его быть поубедительнее, говоря по телефону, чтобы они приехали как можно скорее, *а то запру тебя вот в этот сундук и подожгу.* Затем он обошел сарай в поисках какой-нибудь дубинки и некоторое время колебался между обрезком канализационной трубы и металлической ножкой садовой скамьи, валявшейся там в разобранном виде. Он взвесил в руке и то, и другое и остановил свой выбор на свинцовой трубе, достаточно тяжелой, чтобы одним ударом раскроить череп.

Приготовившись таким образом к встрече с грабителями, он вспомнил вдруг написанные его отцом слова из «Крови и долларов». Почему они запомнились ему и именно сейчас всплыли из памяти?

Видеть, *как бьют за дело, и бьют сильно — это зрелище, которое никогда не надоест и за которое не чувствуешь вину. Вот единственный вид насилия, которого* я *уж точно никогда не боялся.*

* * *

Джерри Костанца, приятный шестидесятилетний господин в коричневом костюме, встретил Бэль с любезностью джентльмена. Сопровождавшие его головорезы, напротив, осмотрели ее с ног до головы, как делали это со всеми женщинами, тем более с такими, каких никогда не смогли бы себе позволить. Один из них был типичный представитель вида; сильный как бык, мускулов столько же, сколько жира, навеки задержавшийся в подростковом

возрасте, он беспрекословно подчинялся боссу и смертельно боялся женщин. С его стороны Бэль нечего было бояться, чего не скажешь о другом; с такими типами, редкими и очень опасными, надо проявлять особую осторожность. Такие с годами не теряют стройности, всю жизнь занимаются спортом, равнодушны к еде и к женским ласкам, и, в отличие от откормленного итальяшки, в них трудно признать мафиозо. Они быстро делают карьеру и становятся чемпионами среди убийц Обычно они не создают семьи и умирают в перестрелке, оставляя после себя горы трупов.

При взгляде на эти три фигуры Бэль вдруг увидела себя совсем маленькой в ресторане Беччегато, где все сидящие за столом мужчины дружно кричали «браво» при ее появлении. Она перелетала поверх тарелок с рук на руки, а потом после ужина каталась на бьюиках, шевроле и кадиллаках, которые эти господа предоставляли в распоряжение маленькой принцессы. От такого возврата в прошлое ей стало немного грустно.

Чувствуя, что волнуется, она решила сама разрядить обстановку. Выросшая среди хищников, Бэль обладала врожденным чутьем и могла спокойно проникать в места обитания этих зверей, ходить среди них с впечатляющей уверенностью, гладить их по голове. Не одного из них она выдрессировала, приучив повиноваться своим капризам. А они были примечательные личности, посолиднее этих двоих, взять, к примеру, Рико Франчиозу, или Рикки Француза, «чистильщика», работавшего на клан Галлоне, который мог сделать неопознаваемым любой труп или сжечь целый этаж, чтобы скрыть возможные отпечатки пальцев. Рикки обожал малышку и раз в месяц, в субботу, возил ее кататься на карусели. Вложив свою ручонку в лапищу Рикки, девочка проводила с ним несколько часов и была в восторге от своего первого кавалера. Однажды он позвонил сказать, что не сможет пойти с ней из-за неожиданного срочного задания, но, услышав ее горький плач, пообещал все же прийти. В тот день, пока она хохотала над клоунами, Рикки, взломав двери адвокатской конторы, устроил в архиве пожар. Бэль даже не заметила его отсутствия и поцеловала в лоб в благодарность за незабываемый момент. В тот день Рикки поклялся себе, что не умрет, пока не заведет детей, по крайней мере одну дочку.

Желая наслаждаться в одиночку обществом своей новой *компаньонка,* Джерри приказал охранникам — на нью-джерсийском варианте итальянского языка, который она прекрасно понимала, — покинуть стол до прихода Джакомо Реа. Джерри был неулыбчив, но его утонченные манеры, свидетельствовавшие о прекрасном воспитании, позволяли незнакомым людям, особенно женщинам, чувствовать себя в его обществе легко и непринужденно.

— Еще бокал, Азия?

Много не пейте, но что-то выпить надо, они не любят, когда их гость: остаются трезвыми, это портит им вечер и делает их подозрительными, Один-два бокала вина, не больше.

Она заказала второй стакан виски безо льда и выпила его с таким же удовольствием, как и первый.

Сосредоточьтесь на самом капо и не касайтесь его охранников. Они должны оставаться как бы невидимыми.

— Вы никуда не ходите без ваших телохранителей?

— Безопасность.

— Должно быть, вы очень важная птица, Джерри.

— Ну, не настолько.

Главное, не задавайте вопросов о его деятельности.

— А чем вы вообще занимаетесь?

— Бизнесом. Ничего особо впечатляющего. Вам быстро станет скучно, если я начну рассказывать.

И никаких вопросов о его делах в Париже.

— Вы в Париже проездом?

Костанца ответил что-то неопределенное и заговорил о том, какая это радость быть в Париже, об очаровании парижских улиц, о медовом месяце в Париже, который он обещал своей жене, но который так и не состоялся.

Ничего личного. Чтобы он не подумал, что вы копаетесь в его личной жизни.

— Я уверена, Джерри, что она будет ждать этого знака любви, пока вы его не проявите.

Конечно, Бэль не могла беседовать на трех языках о Вольтере с такой же легкостью, с какой это делают девушки по вызову, она не обладала их острым чутьем на мужскую галантность, но она как свои пять пальцев знала особенности тончайших отношений, которые боссы «Коза ностры» поддерживали со своими супругами. В детстве у нее всегда перед глазами был такой пример, и ни одна Миранда Янсен не могла знать об этом больше, чем она. Бэль видела их живьем, этих жен гангстеров, с одинаковой страстью поклонявшихся Богу и «желтому дьяволу». Им все казалось грубым и пошлым, кроме них самих, они производили на свет будущих королей, оставаясь в душе такими же простушками, как и прежде. Менее способные, чем мужчины, к соблюдению омерты, они зато прекрасно знали, что такое вендетта: они никогда ничего не забывали.

— Я слишком стар, чтобы разыгрывать романтическую любовь.

— Сегодня поездка в Париж приобрела бы для нее большую ценность, чем раньше. Она гордилась бы, что рядом с ней есть мужчина, который умеет держать слово, данное двадцать лет назад. А представьте себе, как бы ей было весело сознавать, что ее подружки дохнут от зависти, потому что им-то уж не светит заиметь такого мужа, готового на все ради жены.

— …?

Через три столика от них два федеральных агента, переодетые в богачей, потягивали абрикосовый сок, делая вид, что рассказывают друг другу анекдоты. На самом деле агенты Кол и Олден переговаривались с Томом Квинтом, который сидел в наушниках в своей «подлодке» и ждал от них подробностей операции.

— Вы ее видите там?

— Да, шеф. Такое впечатление, что она слишком налегает на бурбон.

— Что?..

Джерри был очень доволен, что позвонил именно в это агентство, приславшее ему лучшее, что у них имелось, — великолепную блондинку с длинными волосами, острым язычком, да еще и свою в доску, настоящую американку, из Нью-Йорка, говорившую на том же языке, что и он. Он незаметно наклонился к ней, чтобы уловить ее запах — тонкое сочетание дорогого парфюма, юной кожи и шелка.

Эти несколько часов общения с женщиной во время его редких наездов в Европу были для него как глоток кислорода среди нескончаемого удушья в мире мужчин; после трех дней, проведенных исключительно в обществе телохранителей, ему хотелось обломать о них стул и обречь на вечное молчание.

Их разговор прервало появление Джакомо Реа, которого Джерри называл просто Джеком. Он был очень похож на фото, которые показывал Том: сорокалетний мужчина с обветренным и обожженным южным солнцем лицом. Прямые усики, тонкие губы с опущенными уголками, темные тени, подчеркивающие тяжелый взгляд темных глаз. Костюм неопределенного возраста, белоснежная рубашка с маленьким воротничком были словно вынуты из шкафа, полного лаванды. После продолжавшихся весь день долгих переговоров он успел заехать в отель, а потом еще и купить кое-что для сестер в Палермо. Его неизменный телохранитель, нагруженный пакетами с логотипами шикарных магазинов, устроился за одним столиком с охранниками Костанцы. Почти не глядя на Азию, Джакомо

пожал ей руку и обратился сразу к Джерри. Бэль с первого взгляда на них поняла, насколько удались эти пресловутые переговоры, и на память ей пришли другие картины. Выпятив живот и зажав в зубах сигару, отец выходит из отдельного кабинета в ресторане Беччегато об руку со своим коллегой по переговорам, не менее довольным, чем он. Перед этим они просидели там долгие часы и вышли, лишь приняв решение, устроившее обоих. В этот вечер у Реа и Костанцы был именно такой взгляд, и в ФБР могли быть уверены, что скоро, очень скоро дела между Палермо и Бруклином оживятся, начнут наполняться сейфы, открываться анонимные счета, тысячам молодых людей снова будет что понюхать и что вколоть, инвесторы в белых воротничках оптимизируют свои сток-опционы, конкуренты будут рыть сами себе могилы, а опрятные адвокаты набавлять проценты.

— Что хочешь выпить, Джек? — спросил Джерри.

Если Бэль не стоило никакого труда раскусить такого типа, как Джерри, с Реа, итальянцем совсем другого сорта, ей было намного сложнее. Она редко видела настоящих сицилийцев, экземпляр же, который она наблюдала в данный момент, по ее представлению, полностью соответствовал их обычному описанию: молчаливый, малоподвижный, нелюбезный с женщинами.

Он не будет к вам приставать. Похоже, ему нравится женское общество, но о его личной жизни нам ничего не известно, мы не знаем ни об одной его связи, и он никогда не заходит на порносайты. Поскольку он приносит сицилийской мафии по несколько миллионов евро в год, лишних вопросов они ему не задают.

Том сидел в микроавтобусе в наушниках и с чашкой кофе в руке и думал, долго ли ему еще заниматься этой работой.

* * *

В десять вечера Фред и Магги жевали бутерброды, не прекращая военного совета, который, судя по всему, должен был продлиться далеко за полночь.

— Первым делом примемся за твоего Франсиса Брете. В идеале, к нему хорошо бы подъехать вне ресторана, где-нибудь в бистро, например.

— Он иногда пьет пиво прямо у стойки у Фонтенуа, ближе к вечеру.

— Слушай, вот такая сцена. Эрни подсаживается к нему и заводит разговор: Вы *случайно не управляющий сетью пиццерий?* Они мирно беседуют, но тут Эрни спрашивает, нет ли у него жалоб на конкурентов. Тот отвечает, что нет, а Эрни говорит, что у хозяйки «Пармезана» как раз есть. Тут Брете думает, что это шутка, но Эрни советует ему оставить тебя в покое. Страсти накаляются: Вы *что, хотите меня запугать?* И тут Эрни достает из кармана глаз, совсем свеженький, и опускает его этому типу в пиво.

— …Что достает?

— Бычий глаз. Уверяю тебя, в стакане это впечатляет. Лицо у парня становится такое — не налюбуешься! Этот глаз будет его преследовать, являться ему повсюду, в темноте, на улице — даже во сне.

Магги отказывалась верить, что прожила двадцать пять лет с человеком, способным на такой кошмар.

— Если он зайдет к тебе, ты сделаешь удивленные глаза, то же самое, если он пожалуется в полицию, вот только он не станет этого делать, он уже боится, особенно если Эрни успел назвать его детей по именам. Тем временем мы подсунем ему в пиццерию нашего человека, в таких местах все время кого-нибудь увольняют и нанимают, надо будет подобрать такого, чтоб соображал в компьютерах, так мы получим доступ к их электронной почте, переписке бухгалтерии. Наш человек там у них — это все равно что граната с

выдернутой чекой. Тут мы поднимемся по иерархической лестнице на одну ступеньку и возьмемся уже за управляющего по парижскому региону. Для этого нам понадобятся информационные каналы. Помнишь скандал с сетью «Тако Уингз» в девяностых?

— Смутно…

— Бактерия в салате «Айсберг», отравлено семьдесят человек в четырех разных штатах, все ели в «Тако Уингз». Это Эрни подстроил.

— Эрни отравил людей?!

— Ну вот, сразу громкие слова! Подумаешь, небольшая температура, рвота и понос. А в результате Эрни получил возможность побеседовать с коммерческим директором «Тако Уингз» национального масштаба, и во время этой беседы тот после каждой фразы говорил ему: *Дорогой господин Фоссатаро.*

— Но это же гнусно!

— Зато эффективно, и мы на этом не остановимся. В другой торговой точке это будут крысы. Классика — четыре-пять крыс выпускаются на кухне, и ты звонишь в санитарную инспекцию; представишься обиженной сотрудницей. В восемь утра, к самому открытию, приходят двое, а в восемь десять все уже закрыто до особого распоряжения. С ресторанами слухи распространяются сами собой, при современных же средствах информации — это вообще детские игрушки. А если еще подожечь третий ресторан, где-нибудь в отдаленном пригороде, управляющий по парижскому региону задумается, что, возможно, в своей прежней жизни он совершил какую-нибудь глупость.

Ничего из этого чудовищного плана не будет применено в реальной жизни, и вся символическая месть Магги останется лишь на бумаге, — только это сознание позволяло ей слушать все эти ужасы дальше.

— Тут мы поднимемся еще на одну ступеньку и начнем искать возможные связи между европейским директором и частными банками, привлекавшимися в последние годы за отмывание денег. Если таковых не окажется, надо будет их выдумать. И тут мы попадаем в *мою* сферу деятельности. Параллельно я попрошу моего племянника Бена прислать мне полную информацию по их империи в США: как они возникли и как процветали во все времена.

И если им когда-либо приходилось — любым образом — вступать в контакт с кем-нибудь из ЛКН, пусть даже только чтобы открыть один-единственный ресторан, я буду это знать и сумею этим воспользоваться. Следующая стадия — моя любимая, на практике — просто праздник, и писать про это будет одно наслаждение: выбираются несколько ключевых фигур из генеральной дирекции и засвечиваются в скандалах на почве взяток, наркотиков, секса. Одного-двух из пяти всегда можно свалить — поэтому Эрни и любил со мной работать. А нам больше и не надо, чтобы главный босс из Денвера назвал этот год *annus horribilis.*[18]

Магги уже предвкушала прелестную картину: мировая корпорация жалуется властям, указывая на нее пальцем: видите ее, вон ту, из забегаловки с баклажанами? Это она нам все время устраивает гадости!

* * *

С появлением грабителей соотношение сил прояснилось. Уоррен, слишком юный, чтобы быть полицейским, вел себя с уверенностью человека, который знает, что закон на его стороне. Но он был один. Когда он показал им фотографию краденого столика, они повернулись к скупщику, однако тот умыл руки.

Если бьешь первым, бей сильно, будто издалека услышал Уоррен.

Он вынул из-под куртки свинцовую трубу и хряснул ею по черепу того, кто спросил: Ты *кто такой?*

Его напарник, ошарашенный столь серьезным ответом, остался стоять опустив руки, не в силах ни прийти на помощь одному, ни ответить другому. В сущности, это был единственный удар за всю встречу, и он оказался достаточно сильным, чтобы за ним не последовало прочих. Уоррен сделал так, как посоветовал ему голос, — пустил кровь первым. Это не стоило ему особых эмоций, его сердце не стало биться чаще. Он повернулся к тому, кто еще стоял на ногах.

— Видал я таких, кто плевался потом костями собственного носа.

Эта фраза напомнила ему кого-то, но кого?

Ворюги действительно украли этот столик *из квартиры каких-то фраеров в Монтелимаре* несколько месяцев тому назад, брать больше было нечего, даже бабла наличного не оказалось, один этот сраный столик, намаялись они с ним по самое некуда.

— Вас кто-то навел.

— Ты откуда знаешь?

Уоррен пояснил, что грабитель мало похож на того, кто способен отличить мебель эпохи Наполеона Третьего от какой-нибудь другой.

— Да не помню я, как его звали, того сопляка…

— Гийом, — простонал с земли другой. — Мне в больницу надо…

— Гййом, а дальше? — спросил Уоррен.

— Гийом и всё, дальше не знаю, это их же сынок, ему бабки были нужны…

Интуиция не подвела Уоррена: о существовании столика мог знать сосед или случайный посетитель, но только кто-то из близких мог устроить так, чтобы в нужный момент Деларю не оказалось дома.

Он не жалел, что поступил так, как поступил; обратись он в полицию, родителям Лены пришлось бы пережить гораздо более жестокую драму, чем пропажа столика: они узнали бы, что их сын вор, выбравший своими первыми жертвами их, своих родных. Уоррен записал номера удостоверений личности обоих парней, взял их телефоны и посоветовал сделать так, чтобы о них все забыли.

— Полиции вам бояться не надо. Вам надо бояться меня.

Он вернулся в машину, выехал поскорее из деревни и покатил по дороге на Гуль, огибавшей горный массив на высоте восьмисот метров. Остановившись у парапета, он вышел поразмяться и, стоя над пропастью, позвонил Лене, чтобы сказать, что страшно скучает.

*** * ***

Азия, Джерри и Джакомо доедали рыбу-гриль, в то время как за соседним столиком трое телохранителей вполголоса делились своими подвигами над кусками сочной говядины. Костанца собирался уже отправиться к себе в номер, чтобы закончить день чашкой травяного чая и выпуском новостей Си-эн-эн; ему оставалось лишь попрощаться, но так, чтобы остальные не посчитали себя обязанными последовать его примеру. Азия совершенно очаровала его; когда она украдкой поглядывала на него, он чувствовал себя неотразимо мужественным и совершенно забывал, что он клиент, а клиент — это царь и бог. Он искренне желал этому прелестному созданию, моложе его на тридцать лет, найти свой путь в жизни и вовремя оставить эту работу в службе эскорта, сохранив о ней лишь приятные воспоминания. Перед тем как встать из-за стола, он не смог удержаться и снова склонился к ее шее, чтобы вдохнуть напоследок запах молодой спутницы, к которому за время ужина добавилась какая-

то нежная острота. Этот момент был так приятен, что Джерри продлил его на несколько секунд, которые кому-то показались лишними.

Это был первый неприличный жест, который новый американский партнер Джакомо позволил себе в его присутствии. Что он там шепнул на ухо этой девице? Любезничает? Приглашает к себе в номер? Сколько раз видел Джакомо, как его компаньоны, пококетничав с женщиной, тут же забирали ее себе, как военный трофей. Эти нравы не удивляли его, он, может, и сам действовал бы точно так же, если бы… Да, никому и в голову не могло прийти, что таинственный, загадочный Джакомо как огня боится женщин. Он, твердый и непреклонный, он, питавшийся от пороков своих ближних, до сих пор не научился отделять дела сердечные от плотских забав.

Но сегодня ему не хотелось оставаться робким Джакомо, как не хотелось, чтобы эта девушка — такая удивительная, такая не похожая на других, яркая, шаловливая, — ушла с этим старым хреном, Джерри Костанцей. Медленным, но твердым движением он положил ладонь на руку Азии и заказал официанту три лимончелло[19] в больших заиндевевших рюмках.

— Выпьем, а, Джерри? Это получше будет, чем ромашковый чай.

Удивленный Джерри сказал, что пить не станет. На что Джакомо ответил, что не настаивает. Джерри показалось, что он уловил в этих словах эвфемизм, говоривший о том, как не терпится Джакомо, чтобы он поскорее ушел.

— Они пьют ликер, — сказал агент Кол, прижимая пальцем наушник.

Том нахмурился и потребовал в деталях описать наблюдающееся отклонение от сценария. Джерри действительно решил не подниматься к себе, а остался за столом, чтобы окончательно убедиться в наглости Джакомо, который с вызывающим видом вертел в руках рюмку. И это человек, с которым он только что заключил пакт, как в старину? Которого он посчитал человеком слова? Неужели Джерри ошибся? Неужели он так состарился, что не может уже раскусить человека с первого взгляда? Джакомо переглянулся с телохранителем; тот уловил внезапное повышение напряженности за столиком босса: *Костанце нужен знак уважения.*

Джакомо пожал плечами. Никакого неуважения к Джерри он не проявлял, наоборот, ради заключения этого договора он принял все его требования. Что ему еще надо? Кто он, собственно, такой? Может, ему еще руку поцеловать, как Дону?

— Я плохо знаю ночной Париж, мне нужен гид, — сказал Джакомо, обращаясь к Азии.

Что означало: *Бросим здесь этого Костанцу и пойдем выпьем куда-нибудь в другое место.*

— Ты уже хочешь лишить нас своего общества, Джек?

Что означало: *Ты мой гость, и я очень обижусь, если ты уйдешь раньше меня.*

— Мне кажется, что между Реа и Костанцей накаляются страсти, — сказал своему начальнику агент Олден.

— А что Бэль?

— Пьет что-то желтое из большущей рюмки…

Азия сидела зажатая между двумя мужчинами, каждый из который прижимал к столу ее руку.

— Приятно было иметь с тобой дело, — сказал Джерри. — Но если ты думал, что девушка входит в сумму сделки, ты ошибался.

— Не забудь передать от меня поклон твоей жене, когда вернешься в Бруклин, и спокойной ночи.

— Джек! Неужели ты хочешь, чтобы я пожалел о нашем сегодняшнем соглашении?

— Тебе-то не о чем жалеть, Джерри. А вот я жалею.

Бэль уже присутствовала при таких гангстерских разборках и знала, что произойдет дальше: после перебранки на деловые темы будет поднят вопрос возраста.

— Ты еще сосал грудь твоей матери, когда появился первый крэк и я начал работать с ним в Бруклине.

— Иди отдохни, Джерри. У нас на Сицилии еще умеют уважать старших…

Тон разговора повышался, обвинения сыпались одно за другим в строго установленном порядке. Тема возраста повлекла за собой другую, неизбежную, но более деликатную — тему корней.

— Вся моя семья начиная с девятнадцатого века состояла в Братстве, — сказал Джакомо. — А твой дед по отцу вроде был нотариусом? Что, не так?

— Пора тебе выходить из средневековья, Джек. Загляни как-нибудь к нам, в третье тысячелетие, всего каких-нибудь пять часов лёта.

Бэль подлила себе еще лимонного ликера, а тем временем дело дошло до степеней и званий.

— Это правда, что я слышал, Джек? Говорят, ты был принят в клан в ту пору, когда твой отец сел на восемь лет в кресло босса? Если бы не это, ты до сих пор возился бы с контрабандными «Мальборо»? Или я ошибаюсь?

— А тебя, кажется, называют не иначе как Джерри-заложник? В случае войны кланов это тебя отправят к врагам в обмен на кого-нибудь более стоящего.

Бэль увидела, как рука Джерри легла рядом с серебряной вилкой, в то время как Джакомо придвинул свою поближе к ножу для рыбы. Она подозвала официанта, чтобы тот убрал со стола.

В ста метрах от нее Квинт пытался предугадать, как станут разворачиваться события после официального столкновения двух семей. Лишившись поддержки сицилийского клана, Бруклин станет искать партнеров на востоке, чтобы те открыли для него путь к таиландскому героину. Джерри обратится за помощью к своему другу Юрию Быкову, который возьмет на себя доставку товара, но взамен потребует содействия в поставке оружия в страны Латинской Америки. Со своей стороны, сицилийцы, оставшись без материальной поддержки американских семей, не смогут больше контролировать свои инвестиции в американские казино и будут вынуждены обратиться к китайским триадам в Нью-Йорке, за что помогут им проникнуть через люксембургские холдинги в Европейское сообщество для отмывания денег.

А за столиком в это время Бэль размышляла, что же в мафиозной шкале ценностей стоит выше звания. Она решила, что кровь. И тут же получила подтверждение своим мыслям.

— Как поживает твой брат Берт? — спросил Джакомо. — Он по-прежнему лечится в той клинике, что специализируется на синдроме Туретта? Будь осторожнее, я слышал, это болезнь наследственная.

— Скажи-ка, Джек, старики судачат, будто ты как две капли воды похож на Мясника Калоджеро. Он ведь был телохранителем твоего отца, но говорят, тело твоей матушки он охранял с большим успехом…

Катастрофический сценарий Квинта набирал силу. Чего не знал Костанца, но чего ФБР опасалось уже несколько месяцев — это то, что Быков со своими молодчиками перехватил груз обогащенного плутония и собирался превратить его в ядерные боеголовки. Однако ему трудно было реализовать их, не переполошив русские органы, а потому, действуя за спиной у американских друзей, он собирался предложить своим новым латиноамериканским партнерам пятьдесят процентов прибыли, если те найдут ему на эти боеголовки покупателя. Пройдет совсем немного времени — меньше, чем потребуется, чтобы уничтожить всю

планету, — и он выйдет на какую-нибудь мировую державу или террористическую организацию, готовую к их применению.

Костанца и Реа зашли в своей ссоре так далеко, что уже близилась развязка. Единственной возможной почвой для последнего выпада, решила Бэль, может быть только честь.

— А скажи мне, Джерри, говорят, в деле об ограблении банка «Дель-Эстеро» все получили по пять лет, а вот ты не пробыл и десяти минут в кабинете следователя. Копы даже отвезли тебя домой на своей тачке.

— И это ты мне говоришь, Джакомо Реа? Самый уважаемый киллер Средиземноморья? Слышал я, что всех твоих жертв находят с пулей промеж лопаток.

Трое мужчин за соседним столиком, держа палец на спуске, жадно ловили каждое слово из ссоры боссов, предвкушая уже, как будут рассказывать о ней у себя дома. Все опасные темы были затронуты, вся желчь излита, не осталось ни одной недомолвки. Значит, война?

Однако Бэль не слышала еще самой главной запретной темы, которая ставилась превыше всего — возраста, корней, званий, крови и чести. Это была тема мужской силы.

— Не пытайся увести эту девушку, Джакомо, ты ведь даже не знаешь, что с ней делать.

— …?

— Ты не любишь женщин, это все знают, правда, я не уверен, что ты любишь мужчин. Так что я не допущу, чтобы такая чудесная девушка, как эта, попала в лапы типу, который неизвестно что любит.

— Джерри, я любил только одну женщину — твою жену. А что ты скажешь, когда узнаешь, что в прошлом сентябре, когда ты вел переговоры с семьями из Майами, я снимал бунгало на Барбадосе, на пляже отеля «Кобблерс-Коув»? Ну-ка, где была в прошлом сентябре твоя распрекрасная Аннунциата, Джерри?

Бэль все бы отдала, чтобы Франсуа Ларжильер увидел ее в этот самый момент, когда она сидела между двумя разъяренными мужчинами, готовыми развязать мировую войну ради ее прекрасных глаз. А этот идиот сейчас, наверно, балдеет от очередной «стрелялки»!

Агент Олден подпрыгнул, когда в ухе у него раздался крик Тома Квинта:

— Уберите ее из-за стола любым способом!

Решив не дожидаться, пока Джерри и Джакомо и вправду переубивают друг друга, Бэль воспользовалась мгновением тишины:

— Джерри, вы разве не заметили, что Джакомо — ужасный романтик? Он только вздыхает, глядя на женщину, его не влечет к ней, если он не влюблен. А в мире, где он живет, это считается чуть ли не постыдным, правда?

— …?

— А вы, Джакомо, сейчас же скажите Джерри, что вся эта история про Барбадос — розыгрыш. Джерри порядочный человек и хранит верность жене, и она ему тоже.

— Это правда, Джерри. На Барбадос летал Бенни Пеллегрини, у него было свадебное путешествие. Он-то и сказал мне, что видел там госпожу Костанца.

При этих словах у Джерри свалился с души камень и на глаза навернулись слезы.

— Знаешь, Джек, все, что я наговорил тут про твою семью, это шутка, я хотел тебя поддразнить немного. Я вас всех очень уважаю.

— Теперь пожмите друг другу руки, доставьте мне такое удовольствие.

Глядя на их примирение, Бэль подумала, что, если снять с этой парочки весь «фольклорный» налет, представить их себе без стволов, без телохранителей, без шикарных тачек, без многолетних отсидок, без их матерей в черных юбках, без омерты, без костюмов

из натурального шелка, они стали бы обычными людьми, просто мужчинами, которые, как все мужчины мира, петушатся без конца за неимением лучшего.

Перед уходом Джерри и Джакомо расцеловали Азию и сказали, что они никогда ее не забудут: *Настоящая девчонка, наша!* Выйдя на улицу, она постучала в окно микроавтобуса Тому Квинту, который был уже на грани апоплексического удара.

— Я знаю имя преемника Мауро Сквельи, знаю, где будет проходить ближайшее собрание обеих семей, запомнила фамилии нескольких новичков и много подробностей, которые должны вам понравиться. Но сначала я хочу объяснить, как вы будете со мной за все это расплачиваться.

Том приготовился к самому страшному. И был прав.

7

В то время как Магги и Фред продолжали разрабатывать план кампании против дикого либерализма, как Уоррен темной ночью возвращался к себе в горы, как Бэль, прежде чем лечь спать, снимала свое шпионское платье, по ту сторону Атлантики двое собирались поужинать.

Ровно в семь вечера Бенедетто Д. Манцони, он же Бен, искал уединенный уголок в ресторане Дзеки, на углу нью-йоркской 52-й улицы и 11-й авеню, куда он не заглядывал уже лет пятнадцать.

— Раньше это был французский ресторан, — разочарованно пояснил он своему гостю.

Вывеска осталась прежней, но теперь на месте шикарного французского бистро располагалось обыкновенное безликое заведение. В приступе сладкой ностальгии Бен увидел себя за круглым столом в окружении своих товарищей — Фрэнка Де Вито, Грега Маркезе, Уилла Фогеля — в процессе расшифровки французских названий в меню. *Это что такое: «пом де тер а ля лайонезе… лайонези»?* До позднего вечера они попивали лучшие французские вина, по двести долларов бутылка, а потом шли трудиться. Их банда контролировала несколько ночных клубов в дорогих кварталах, где главной их работой было принимать даровую выпивку от хозяев заведений да приглашать за свой столик девиц. Кроме нескольких особых случаев, когда парни из соперничающей группировки проявляли излишнюю активность, их ночи сменяли одна другую, похожие как две капли воды.

— Вот эта жизнь по мне! — вздохнул он.

После того как его дядя Манцони дал показания, присутствие Бена стало вдруг нежеланным в местах, где он привык промышлять и отдыхать. Он уехал в Грин-Бэй, штат Висконсин, там быстро проел все свои сбережения — очень скромные, учитывая столько лет безупречной службы в самом средоточии нью-йоркской ночной жизни, — и устроился кассиром в салон видеоигр. Какое-то время он еще пытался найти работу, где нашлось бы применение его единственному таланту — подрывному. Как и всякий другой природный дар, талант Бена был необъясним. Он никогда не интересовался ни физикой, ни химией, но при этом умел приготовить нитроглицерин отличного качества, который высоко ценился во всех пяти районах Нью-Йорка. Это к нему обращались, когда требовалось, чтобы на месте строящегося здания образовалась зияющая дыра. Сколько торжественных открытий было сорвано благодаря ночным операциям Бена и его друзей! Увы, в подобной области человеческой деятельности утраченное место восстановить особенно трудно, а потому он вынужден был смириться со своей новой жалкой работенкой. Сегодня ничто больше не тревожило по ночам его сон, кроме тех редких случаев, когда его дядя Джанни, живший за тысячи километров, тайком от ФБР звонил ему, чтобы поручить деликатную миссию.

Бен ничем особенно не рисковал, придя к Дзеки: теперь здесь не встретишь никого из прежних времен. Тут все изменилось: меню, оформление зала, клиентура; там, где когда-то среди консоме из спаржи и фрикасе из кролика в белом вине красовались костюмы и платья

от лучших кутюрье, сегодня сидели футболки и бейсболки, поедая лук колечками да мясо на ребрышках.

— Прости, Мистер Дито, — сказал он своему визави, — я хотел угостить тебя *пижонно а ля Вильруа,* звучит дико, но это вкусно.

— Ничего, я предпочитаю есть то, что понятно по названию. Только, пожалуйста, не называй меня Мистером Дито, когда мы вместе.

Тот, кого в преступном мире Ньюарка называли Мистером Дито, на самом деле звался Ласло Прайор. Вернее, родился-то он как Ласло Пирош, но его родители, венгерские иммигранты, переделали впоследствии свою фамилию на американский лад. В поисках средств к существованию Ласло еще мальчишкой поступил на работу в бар Би-Би и так и остался там навсегда. Вот уже более тридцати лет он был неотъемлемой частью этого заведения, работником за все про все: уборщиком, официантом, кладовщиком, сторожевым псом и ночным сторожем. Он устроил себе в подвале лежанку и смиренно жил там между трудами и издевательствами уголовников, сделавших бар Би-Би своим притоном. Однако он никогда не приобрел бы той известности, которой пользовался в криминальных кругах, если бы не его поразительное сходство с одним из главарей, знаменитым Джованни Манцони. Благодаря этому сходству за ним и закрепилось прозвище Мистер Дито — Господин Такой же. Сам Джованни сходства никогда не замечал. Первым, кто обратил на это его внимание, был Энтони Де Бьязе.

— Джанни? А тебе не кажется, что этот официант похож на тебя?

— Да отстань ты…

— Нет, точно, прямо твой двойник! Эй, ребята, глядите-ка, вам не кажется, что этот халдей похож на шефа?

В ту ночь кошмар Ласло Прайора пошел по нарастающей.

— Ну точно, смотри, Джанни! Форма лица, нос, взгляд — прямо твой брат и всё тут!

— Да ничего подобного. Он вообще ни на что не похож, этот парень. Тощий, как фитиль, щеки впалые, кучерявый какой-то. Ты что, издеваешься?

Но Джанни ничего не мог поделать, настолько все были единодушны насчет этого фамильного сходства. Скоро оно стало предметом нескончаемых шуток, в том числе и самых непристойных. Меньше чем через полгода уже все — даже другие посетители, даже сам Би-Би, хозяин бара, — называли Ласло Прайора Мистером Дито.

— Я хотел привести тебя именно сюда, чтобы ты попробовал вкусненького, — снова заговорил Бен. — Завтра пойдем с тобой в настоящий французский ресторан, тебе надо привыкать к их кухне, старик. Увидишь, они едят всё, даже то, что ползает и прыгает. У них там даже наша еда выходит вкуснее.

— Я не умею пользоваться ножом для рыбы и в винах ничего не смыслю, — сказал Ласло.

Бен стал водить его в ресторан дважды в день, чтобы он набрал вес. Он считал, что против французской кухни никто не устоит и если уж толстеть, то от изысканных блюд с неповторимым вкусом.

— Бери все, что тебе понравится, парень, давай, не стесняйся!

Вот уже несколько дней как Бенедетто Манцони внедрял в жизнь жесткую программу, направленную на увеличение природного сходства между Ласло и его дядей Джованни, в которой набор веса был лишь первым пунктом.

— Везет же тебе, Ласло. Эх, если б только мне надо было набрать десять кило, а не сбросить, черт возьми! Мне все идет впрок, тридцати пяти еще нет, но уже вон какое пузо, я по вечерам углеводы уже давно не ем. Тебе же полтинник, а худой как щепка. Это что, у Би-

Би так отвратно готовят? Или ты тратишь слишком много энергии — еще бы, ишачишь на него от зари до зари. А тебе не хотелось бы послать его подальше — раз и навсегда?

Мистер Дито только об этом и мечтал. Что могло изменить траекторию его жизни, конец которой был известен заранее: смерть до срока за прилавком с тряпкой в руке? Только случай, землетрясение. И он надеялся, что такой случай представится — и не слишком поздно. По телефону Бен произнес волшебные слова: «жизнь сначала», все заново, в другом месте, даже в другой стране, да еще с деньгами. Это требовало некоторой психологической и физической подготовки: нельзя начинать жизнь вновь, когда ты только кожа да кости.

Ласло выбрал креветки с соусом гуакамоле и гамбургер с салатом.

— Гамбургер? В свое время тут готовили лучшие в мире фриты — жареную картошку.

— Мне от жареного становится плохо.

— Да, фритюр — это то, что погубило мою матушку! Она обожала жареное, только это и ела.

Даже сэндвичи обжаривала в масле. Но у тебя-то холестерин всего один и восемь, да и желудок как у мальчика, ты просто обязан попробовать фриты от Дзеки. Сделай это в память о моей матушке.

— Но ты же сам сказал, что это уже не тот Дзеки, что раньше.

— Ты уж постарайся, а то у нас ничего не получится.

Ласло покорно вздохнул. Он начинает новую жизнь, и без жертв тут не обойтись.

— С пивом и пиццей мы эти десять кило набрали бы быстрее, — сказал Бен.

— Я с пивом — пропади оно пропадом — целый день таскаюсь, у меня от него поясницу ломит, и потом, это ведь я мою сортир после накачавшихся пивом сволочей… Нет уж, только не пиво. А пицца — это жирно, кроме той, что готовит аргентинец напротив нашего бара.

— Пиица — жирно? Да, все ясно, вот в чем проблема: будь ты итальянцем, ты бы уже давно набрал эти десять кило, Ласло принялся за крупных розовых креветок, которых он макал в чашечку с гуакамоле.

— На креветках не растолстеешь, — заметил Бен. — А гуакамоле — это из чего, из авокадо?

— А что?

— Так это же овощ. Я вот видел в меню омлет с гренками — звучит заманчиво.

— Могу я спокойно поесть, или ты будешь до конца обеда мне парить мозги?

Бен умолк и сосредоточился на своем сэндвиче с бастурмой, представляя себе Ласло после долгого процесса преображения: темные контактные линзы — чтобы взгляд был похож на черноглазых Манцони, брови пореже, волосы покороче, зачесать назад, и щеки… щеки должны быть под стать его возрасту — потолще и чуть отвислые.

— Тебя откормить — так ты станешь хоть куда. От баб отбоя не будет.

Бабы… Среди доводов, выдвинутых Бенедетто с целью подбить его на дьявольский сговор, этот, про женщин, оказался самым коварным и самым убедительным. Ласло — настоящая ломовая лошадь — не знал женщины с того самого дня, когда впервые переступил порог проклятого бара. Единственное женское общество, которое он видел, были посетительницы, а от них что услышишь? *Налей нам еще по стаканчику, Мистер Дито* или *У тебя нет спичек, Мистер Дито?* Или еще хлеще: *Этот жирный дальнобойщик совсем меня затрахал, позови-ка Би-Би, пока я сама ему морду не набила.* Сказав на полном серьезе, что он еще сможет нравиться, Бен нажал на нужную кнопку.

— И потом, во Франции ведь полно француженок — сам увидишь.

Ласло был известен своей бессловесностью, которая лишь подчеркивала великую печаль, прятавшуюся в его глазах — глазах пятидесятилетнего человека, изможденного и

усталого, человека, которому, прежде чем начать жить заново и найти себе подружку, надо было сначала вернуть утраченное достоинство.

Подошла официантка, чтобы убрать со стола и взять заказ на десерт. Не дав гостю времени на выбор, Бен выпалил:

— Мне кофе, а моему другу — кусок черничного торта побольше, и сверху — шарик ванильного мороженого.

8

Слова вернулись и теперь толкались и спорили между собой, чтобы урвать себе местечко на странице. Заметно повеселевший от того, что его обширным знаниям в области вымогательства нашлось практическое применение, Фред вновь обрел былую уверенность в себе. По утрам он разражался потоком фраз и не отказывал себе в удовольствии устроить в конце каждой страницы по небольшому взрыву. Ему предстояло описать, как несколько человек со знанием дела расшатывают образец свободного предпринимательства. За всеми этими учреждениями, с их растущими «кривыми» и стеклянными небоскребами, скрывались могущественные магнаты, которым полезно будет напомнить, что они — тоже люди, из плоти и крови. И что достаточно одной ночи, чтобы их благоденствие рассыпалось в прах. Пустившись в эту авантюру, Фред не был больше выброшенным на свалку бывшим боссом, вынужденным без конца пережевывать давно позабытые истории, — нет, он снова стал главой клана, жестоким и деятельным. Придумывая разговоры, которые могли бы происходить между ним и его людьми, описывая состояние жертв после встречи с ним, разрабатывая план уничтожения этого спрута, он как будто выполнял новое задание, позволяя себе самые дикие метафоры и самые неожиданные отклонения от темы. Нет, этот роман писал не Ласло Прайор, а Джанни Манцони собственной персоной. Вот сам Брете — притаился за шторой в приступе мании преследования, кричит жене: *Они здесь, сторожат под окнами, погаси свет!* В следующей главе Фред описывал уже кошмары, преследовавшие европейского директора: мерзкие твари на кухне и битое стекло в моцарелле. Далее следовало описание многочисленных сцен, где грузовики поставщиков отклоняются так или иначе от заданного курса, после чего их груз находят сваленным в кучу в каком-нибудь овраге, — впечатляющий образчик высокой литературы. Диалог между управляющим парижского региона и его службой информатики здорово его развеселил: *Можете вы мне объяснить, что это такое — «общий сбой системы»?* Целая команда фининспекторов, имевших твердое намерение перетряхнуть всю бухгалтерию, забрасывала администрацию извещениями угрожающего характера. Чтобы придать действию живости, Фред вставил между двумя офисными сценами подробное описание взрыва на складе сырья и материалов — техническая поддержка племянника Бена выглядела впечатляюще. Кроме того, он постарался воспроизвести постепенное, на протяжении нескольких глав, нарастание тревоги среди личного состава, где пошли слухи о перепродаже предприятия и даже о рейдерской атаке, не говоря уже о падении показателей и навязчивом страхе, что в штаб-квартиру в Женвилье вот-вот явятся с проверкой «американцы». В ресторанах в это время шел нескончаемый поток новых посетителей, которым все не нравилось и которые выражали свое недовольство посредством скандалов, битья витрин и звонков о заложенной бомбе. Иногда автор и сам поражался изощренности очередной придуманной им меры воздействия и жалел, что уже не может применить ее на практике. Работа продолжалась и днем, и ночью, стопка страниц росла; Фред не жалел сил, чтобы скорее завершить свой труд и раз и навсегда покончить со своими «мафиозными мемуарами».

Когда-то он представлял себе, как состарится с пером в руке в своем прекрасном провансальском имении. Он видел свою смерть в почтенном возрасте и мог даже описать эту сцену: поздно ночью, склонившись над пишущей машинкой в привычной позе, которую не изменят ни артроз, ни сколиоз, он напряженно ищет нужное слово. Он никогда не употреблял его раньше, а потому ищет долго-долго, но он знает, что это слово существует,

прячется где-то там, между страницами словаря, ожидая, когда писатель удостоит его своим выбором. В конце концов он найдет его, и это будет как яркий мазок, от которого весь абзац заиграет, заискрится новым светом. А затем, довольный, но утомленный последним усилием, он опустит голову на руки и уснет навеки.

Этого никогда не будет. Фред не может больше ничего себе представить — ни продолжения своей жизни, ни ее конца. Как только его третий опус отправится к издателю, он забросит свою машинку на чердак, и Ласло Прайор уйдет со сцены. Ибо если Фред когда-либо и возьмется снова за перо, то это будет уже другой человек, по-настоящему свободный, не знающий ни угрызений совести, ни тоски, окончательно распрощавшийся со своим прошлым. Если ему придется снова описывать пейзажи и создавать персонажей, он будет делать это как пионер, отправляющийся открывать новые земли. И тогда, если ему удастся избежать мести ЛКН и санкций ФБР, он постарается понять, что же такое случилось с мечтой его прадедов, переселившихся когда-то в Новый Свет, с мечтой, которая обратилась кошмаром для остальной планеты. Если Фреду и суждено снова оказаться один на один с чистым листом, то исключительно ради того, чтобы написать свой *великий американский роман.* И если у его романа должно быть какое-то место приписки, это будет обязательно Нантакет — порт, из которого когда-то уходили в море китобои, где капитан Ахав топал ногой из китовой кости по капитанскому мостику «Пекода», ожидая, когда поднимутся на борт все его читатели.

Но пока ему надо покончить с этой книжкой, в частности с описанием на двести сорок первой странице современной скульптуры из ржавых труб, украшающей фасад европейской штаб-квартиры «Файнфуд Инкорпорейтед» в Женвиле. Он опишет ее своим скудным языком, как описывал все до этого, только что-то его вдохновляло больше, а что-то меньше.

* * *

Уоррен провел уик-энд у Деларю — не столько чтобы увидеться снова с Леной, сколько чтобы переговорить с ее братом. Похудевший, осунувшийся Потом протянул Уоррену для приветствия левую руку — правая, сломанная, висела на повязке.

— Из-за этого перелома он теперь бросается на всех как собака, — сказала Лена.

Гийом в сотый раз принялся объяснять обстоятельства приключившегося с ним несчастного случая. Уоррен прекрасно знал, что он врет, и дождался подходящего момента, чтобы поговорить с ним наедине.

— Твой перелом — никакое не случайное падение, а удар молотком по запястью.

— …?

В конце концов, чуть не плача, Гийом рассказал ему, как влип, пустившись в авантюру с пиратскими декодерами для спутниковых каналов. Его предприятие быстро лопнуло, и он остался с долгом в шесть тысяч евро инвестору, которого ему удалось когда-то уговорить и который теперь попался вместе с ним. Вместо того чтобы признаться во всем родителям, он пошел другим путем и обворовал их. По его словам, это был *единственный способ выбраться из этого дерьма.*

После дележа добычи — того самого столика и еще какой-то чепухи — Гийому досталось всего две с половиной тысячи. Он решил было, что полученной суммы хватит, чтобы покрыть долг, но через какое-то время ему дали понять ударом молотка по руке, что дарить ему три с половиной тысячи евро никто не собирается. Назанимав тут и там и продав свой скутер, он собрал еще две тысячи. Чтобы расплатиться окончательно, ему нужен месяц: он будет работать — официантом в ресторане, давать уроки математики, — он заплатит, обязательно, это всего лишь вопрос времени.

Уоррен не стал читать ему мораль, и Гийом почувствовал себя не таким одиноким. Теперь это была их проблема. Он охотно доверился этому пареньку, своему сверстнику, простому и скромному, по уши влюбленному в его сестру, хотя на вид про него и не скажешь, что он такой уж борец за справедливость.

Уоррен вытащит его из передряги. Гийом вляпался по глупости. Как подросток, который не умеет соразмерять свои потребности, западает на любую новую игрушку и считает себя умнее всех. Конечно, это просто «ошибка молодости», а никакое не преступление, хотя она и выглядит этаким актом протеста. Ошибка, из-за которой он в два дня постарел на двадцать лет, которая оказалась такой тяжелой, что вот он уже и говорит: *Моя жизнь кончена.* С годами чувство вины притупится, и, став взрослым, подросток будет вспоминать о произошедшем с ноткой снисходительности к самому себе. А еще позже, когда он будет солидным господином, эта ошибка станет ему особенно дорога. Как доказательство того, что когда-то и он был молодым.

К его удивлению, Уоррен предложил ему встретиться с кредитором немедленно.

— Сейчас?..

Договориться о продлении срока погашения долга без увеличения суммы не составило никакого труда. Кредитор не произвел на Уоррена особого впечатления. Он заверил его, что долг будет выплачен до копейки, но позже. Все это было сказано тоном человека, который мог бы применить и силу, хотя предпочитает по возможности обходиться без этого. Кредитор быстро представил себе, в какой тупик может привести его нагнетание напряженности с этим странным пареньком, который разговаривает с вами с таким видом, будто где-то тут, совсем рядом, сидит в засаде его банда.

* * *

Бэль так боялась этого момента, что в конце концов стала его ждать. С присущей ему неловкостью Франсуа Ларжильер сам заговорил о «нейтральной территории». Он назначил ей свидание в «Пти Паризьен», на улице Валь-де-Грас, в десять утра — час, когда он отрывался иногда от своей клавиатуры, чтобы вступить в контакт с окружающим миром, побывать на улице, увидеть живых людей, подышать свежим воздухом и, не найдя в этом никакого удовольствия, вернуться обратно. Они степенно поцеловали друг друга в щеку, всего один раз, — ужасный поцелуй любовников, которые не знают, что с ними происходит, и, уже избегая целоваться в губы, еще не скатились до звонкого приятельского чмока. Оттягивая серьезный разговор, они обсудили сначала отвратительный чай, который подают в парижских кафе, потом убийственную фразу министра, попавшую на первую полосу всех газет. Наконец Франсуа решился:

— Мне надо с вами поговорить…

Гениально придумано — прощальное свидание.

Эта жанровая сцена его прославит. Ни тебе прощального бокала, прощального вечера или прощальной ночи, нет, только так — утреннее кафе в свете начинающегося теплого июньского дня.

— Вы, должно быть, почувствовали, что последнее время…

Как не почувствовать! Одни эти речи о неспособности любить — его собственной и всего человечества в придачу — чего стоят! Он — это отдельный случай, ладно, но остальные, люди вообще, они ведь тоже не способнее его, если у пары есть будущее, это и так видно, хотя вообще-то любовь давно уже умерла, и т. д., и т. п.

— Так вот, по зрелом размышлении…

Нет, то, что привело к этому свиданию, называется не «размышление» — это называется бегство, боязнь выползти наконец из своего кокона, взять на себя ответственность, узнать себя в маленьком, появившемся на свет существе, боязнь расстаться со всеми остальными страхами. Да как он смеет говорить о *зрелом размышлении?* Как будто он, Ларжильер, когда-то руководствовался здравым смыслом? Если бы можно было словами вылечить его от слов, от этого жуткого многословия, которым он пытается обосновать свою неспособность к счастью, — Бэль ответила бы ему. Но, пускаясь в философствование, она лишь больше увязнет в этом словоблудии. У нее нет уже сил выносить все эти теории, доказательства и вдохновенные речи, они потеряли для нее былое очарование, и этот идиот тоже.

— Мне трудно говорить, но…

Он собрался добить ее длинной тирадой, без которой вполне мог бы обойтись, настолько его мысль была ясна: *Я люблю тебя, но боюсь стать настоящим мужчиной.*

Церемонно прикрыв ладонью руку Бэль, он произнес хитрую фразу, позволявшую ему, взяв всю вину на себя, не выглядеть при этом последним мерзавцем. Да, ей достался уникальный экземпляр: из всех мужчин в мире, которые, бросая женщину, оправдываются тем, что не могут ей соответствовать, она подцепила того, кто действительно так думал.

Он закончил свое выступление, не глядя ей в глаза, и подождал ее реакции.

Но молчание, гораздо более тягостное для него, чем для нее, затягивалось.

— …Вы ничего не скажете?

— …

— Вы сердитесь на меня?

— Нет, наоборот. Мне стало легче. Мне не хотелось, чтобы вы страдали после нашего разрыва.

— …?

— Я не имею права дольше подвергать вас риску.

— Какому риску?..

Она никогда не говорила ему этого, но встречаться с ней опасно. Ее уже давно преследуют, следят за ней, ее судьба связана с человеком, с кото рым никому не стоит связываться.

— Как это — следят?

— Он нашел меня. Мне придется вернуться в «Ла-Реитьер».

— Куда?

— Это его вилла, в Лувесьене.

— …В Лувесьене? Это к западу от Парижа?

Она и так уже слишком много сказала. Чем меньше он будет знать, тем лучше для него.

— Но о ком вы говорите?.. Кто вас нашел?

— Я его трофей.

— …?

Она *принадлежала* кому-то. Влиятельному человеку, которому она была предназначена с детства, она всю жизнь убегала от него, но он всегда ее настигал. Он считал себя ее покровителем, но стал ее тюремщиком. Там, в его огромном имении, в глубине Лувесьенского леса, она была в его власти. Иногда, вечером, он вывозил ее в свет, чтобы показать друзьям. Он хотел видеть ее своей законной женой, матерью своих детей. Бэль не знала, как избежать этой участи, казавшейся теперь неотвратимой. Как она продержалась столько времени вне его власти?

— Я об одном прошу вас, Франсуа, ради нас двоих, ради того, что мы пережили вместе. Если я перестану отвечать на ваши звонки, если вы совсем потеряете меня из виду, никогда не обращайтесь в полицию!

— … В полицию?

— Обещайте!

— …

— Обещайте же, или моя жизнь будет в опасности!

— Но, может, вы мне все же скажете, о ком речь? Как его зовут?

— Нет, не скажу. Это в ваших же интересах.

Этот человек связан с мафией, пользуется покровительством политиков, он неприкасаем.

— Однажды он выследил меня в глухом нью-йоркском пригороде и привез к себе. Когда я встретила вас, я подумала, что кошмар закончился, но я ошиблась.

Остолбеневший Франсуа не мог заметить ни серого лендровера, припарковавшегося напротив бистро, ни вышедших из него двух мужчин.

— Мне пора. Забудьте все, что я вам сказала, а главное — забудьте меня.

Тут только он увидел тех двоих. Они стояли, скрестив на груди руки и прислонившись к машине. Агентам Колу и Олдену не пришлось прилагать особых усилий, чтобы выглядеть угрожающе. Кроме неподвижного взгляда, свойственного всем агентам ФБР, они обладали еще и недюжинными актерскими данными. Учитывая все задания, в ходе которых им приходилось внедряться в криминальные круги и выдавать себя за самых крутых из их завсегдатаев, все наружные слежки, когда они прикидывались то зеваками, то туристами, то покупателями кофейного магазина, все ночные бдения в роли ночных сторожей, бомжей или охранников, все допросы, где они на ходу разыгрывали перед свидетелем или подозреваемым спектакль с участием доброго и злого следователя, можно было сказать, что Олден и Кол выступали в качестве актеров чаще, чем любая голливудская звезда.

Правда, на этот раз их роль была не понятна им самим, но приказы капитана Квинта не обсуждаются.

— Сейчас вы меня поцелуете в последний раз, и я встану, улыбнусь вам и покину этот столик.

Франсуа Ларжильер был совсем не уверен, что ему хочется именно такого развития событий.

— Если я безропотно последую за ними, они ничего вам не сделают. Для них вы не существуете. Ничего не бойтесь.

— …

— Я никогда не забуду вас, Франсуа Ларжильер.

После ее ухода он просидел на месте не меньше четверти часа, пока не обрел вновь способность передвигаться. Для обретения дара речи ему потребовалось гораздо больше времени.

*** * ***

Заглянув в два словаря синонимов и перепробовав несколько разных оборотов, чтобы найти эквивалент слову *пицца,* Фред был вынужден признать, что эквивалентов нет: *пицца* — это *пицца,* и всё тут. Если бы речь шла о любом другом блюде из теста, у него был бы выбор, он мог бы даже вывернуться с описанием, но пицца не терпела никакой приблизительности. Напечатав уже сто раз одно и то же слово, к полудню Фред задумался, сколько времени сам

он не ел настоящей пиццы — не такой, какую он описывал в своей книжке, а приготовленной по всем правилам искусства. Бросив главу на полуслове, он спустился в деревню и с радостью обнаружил грузовичок своего приятеля «пиццайоло», вновь объявившегося после нескольких недель отсутствия. Вот он — знак того, что кое-что в этом мире остается все же неизменным.

Заметив Фреда, Пьер Фулон утратил свою веселость, словно опасался этой встречи.

— Кальцоне?

— Нет, неаполитанскую. И не жалейте каперсов и анчоусов. Соль мне не повредит.

Фулон пригубил пастис, который Фред поставил ему на прилавок, и молча занялся приготовлением теста.

— Что-то вас давно не было видно, — сказал Фред.

— Надо было кое-что уладить.

— И как? Уладили?

— Да, в общем-то, уладилось все само. Как по волшебству. У меня были сложности, я рассказывал вам, помните?

— Смутно.

— Ну как же… Жилец не платил за квартиру, неприятности с банком, я еле сводил концы с концами, даже собирался продать грузовик, неужто забыли?

— Ну, все устроилось?

— Чудом. Жилец заплатил все, что задолжал, даже больше, я посчитал — сто семьдесят шесть процентов. И съехал без слов. Забрал жалобу, да еще и извинился передо мной. Разве это не чудо? А?

— Должно, наверно, быть какое-то рациональное объяснение?

— Конечно, но я не хочу его знать. Если Господь послал ангела-хранителя, чтобы вытащить меня из этого тупика, я думаю, он захочет сохранить инкогнито. То же самое, если это был дьявол.

— А может, все дело в истинном раскаянии? У парня проснулась совесть, он решил исправить свои ошибки.

— Может, и так. Но мне больше нравится версия с ангелом-хранителем.

В другой жизни Фред захотел бы за оказанную услугу платы натурой до скончания времен. Он считал бы себя вправе в любое время дня и ночи потребовать любую пиццу по своему желанию, с анчоусами или моцареллой из молока буйволицы. Он мог бы разбудить его в три часа ночи и сказать: Мы *тут с приятелями развлекаемся и что-то проголодались. Будет очень мило с вашей стороны, если вы привезете, так, через полчасика, двадцать пицц «Маргарита».* Но времена изменились, и сегодняшнему Фреду больше не хочется, чтобы этот человек стал его должником по гроб жизни. Если бы у него спросили истинную причину его поступка, он промолчал бы или ответил, что это единственный способ найти правильную пиццу в таком захолустье.

Забирая обжигающую пальцы коробку, Фред с удовлетворением отметил, что гавайской пиццы в меню больше нет.

* * *

Если рай зеленый и прохладный, если он пахнет свежей землей и древесной корой, если он расположен на такой высоте, куда могут забраться только самые храбрецы, значит, Уоррен и Лена этим утром оказались в раю.

Они расстелили на траве одеяло — как раз в том месте, где представляли себе свою будущую кровать, — и вокруг него нарисовался остальной дом. Слева, нет, лучше справа — ванная с маленьким оконцем, выходящим на бесконечные снега, которыми так здорово любоваться, когда принимаешь ванну, там — камин и диваны для гостей. Но если будут гости, значит, должны быть и спальни для них, но где?

В бардачке красного «жука» лежат составленные нотариусом бумаги; они готовы к подписанию и ждут только, когда их в последний раз просмотрит господин Деларю, выступающий главным гарантом. К концу месяца привезут лесоматериалы для строительства дома, и Уоррен сможет приниматься за работу под руководством мастера Донзело. В конечном счете самое трудное — выбрать дом, который понравился бы Лене. Уоррен показал ей уже множество вариантов, все в разных стилях, но ни один не был одобрен.

— И это дом? Ты что, хочешь, чтобы мы жили в сауне?

— А вот еще один?

— Какие-то часы с кукушкой. Внутри, наверно, все колесики, колесики…

— А этот, черный?

— Кормушка для птиц? Да уж, архитектор тут не слишком усердствовал…

— Ну, а этот, рядом с лесопилкой, разве не прелесть?

— Просто кукольный какой-то. Так и представляю себе, как Кен и Барби отходят здесь от депрессии.

Увидев участок, Лена пришла в восторг. Она будет жить здесь и нигде больше. На краю утеса, возвышающегося над хвойным лесом, под вечно синим небом, на отлогом склоне зеленели невысокой травкой несколько арпанов[20] земли.

Они в очередной раз оказались в воображаемой спальне, и Уоррен воспользовался случаем, чтобы предложить ей заняться любовью, тут же, прямо на земле. Это единственный способ, сказал он, точно определить правильное расположение дома и уловить подземные электромагнитные токи. Кроме того, еще и лучший способ стать хозяевами самого места, пометить территорию, закрепиться на ней. И вообще, этот акт любви станет основополагающим — первым из бесконечного множества тех, что последуют за ним. Лена согласилась и опустилась вместе с ним на одеяло, но тут зазвонил ее телефон.

— Не отвечай! Только не сейчас! Пожалуйста!

— Не могу — это мама.

Когда, после бесконечного разговора, она вернулась и Уоррен с вожделением накинулся на нее, она отстранилась.

— Ты ничего не хочешь сказать мне по поводу Гийома?

— …?

— Его вызывали на допрос в ходе следствия по делу о каких-то пиратских спутниках, или что-то такое.

— …

— Он сказал, что это ты добился, чтобы ему отсрочили долг.

Гийом признал свое участие в попытке мошенничества; ему пообещали, что к уголовной ответственности он привлечен не будет — отделается отметкой в учетной карточке. Про ограбление собственного дома он, однако, умолчал — и этого никому не надо знать, даже Лене.

— А теперь мне хотелось бы услышать, почему ты мне ничего не сказал. И если ты ответишь: *Я хотел как лучше,* я сейчас же уеду домой.

Что на это ответить? Что ее братец Деларю возомнил себя вроде Манцони, но не потянул? Уоррен признал свои ошибки, хотя в глубине души считал совсем наоборот. Эта

ложь во благо, связавшая его с Гийомом, была меньшим из зол, как и насильственные меры, примененные им к кучке жуликов ради того, чтобы вся история принесла как можно меньше ущерба остальным. Благодаря ему мама и папа Деларю никогда не узнают, что их сын сам, своими руками впустил в их дом беду. Теперь, когда все снова в порядке, надо забыть случившееся, и чем скорее, тем лучше.

— Я знаю, мне надо было тебе рассказать. Прости меня.

Простить? Дома у Уоррена Лена всю ночь просидела в кресле, размышляя, как ей простить жениху это недоверие к себе. Родители учили ее, что хитрить с правдой — это обманывать самого себя, и еще, что жестокости и насилию нет и не может быть оправдания.

— Завтра ты начнешь строить дом, в котором нам скоро предстоит жить вместе, — произнесла она. — Тебе потребуется много сил и терпения. Когда ты его построишь, он станет воплощением твоего мастерства, твоего искусства. Обидно будет, если после стольких трудов первой в этот дом войдет ложь.

— …

— А теперь, если у тебя есть что мне сказать — что-то такое, что ты собирался скрыть от меня, пусть даже ради моего же спокойствия, — именно сейчас, пока ты не взялся за работу, самое время освободиться от этой лжи.

Не проси меня об этом, мой ангел. Мой настоящий отец не тот капитан ФБР, с которым я тебя познакомил. На самом деле я сын гангстера и сам чуть не стал бандитом Но, чтобы рассказать про себя, сначала я должен открыть тебе все про него, и про его отца, и про его деда.

— Я жду ответа, Уоррен.

— Ничего, я ничего не скрываю от тебя, мой ангел.

И, чтобы поскорее покончить с этим, добавил:

— Любовью мы заняться не успели, зато в первый раз поссорились. Это тоже *основополагающий* факт в жизни семьи. Мы сделали это и теперь свободны!

На рассвете Лена позволила ему обнять себя, радуясь, что они снова вместе. После трогательных примирений они встали поздно и обедали у Донзело. Затем еще раз съездили на свой участок, чтобы «закрепиться» на первом эскизе будущего дома. Ближе к вечеру Уоррен выехал на дорогу, ведущую к вокзалу Баланса.

— Мне бы не забыть бумаги, — предупредила она.

— Возьми в бардачке, мой ангел.

Он поставил машину на стоянку и пошел к багажнику, чтобы достать ее сумку, а потом проводить ее до вагона. Она сидела неподвижно, не сводя глаз с содержимого бардачка.

— …Лена?

Уоррену предстояло теперь объяснить, что делала там фотография столика эпохи Наполеона Третьего, украденного несколько месяцев назад из ее дома.

Среди прочих картин, промелькнувших у него в голове, он увидел голову одного человека, зажатую им в железном ящике, и другого — проломленную им же ударом свинцовой трубы.

— Слушай, ты не поверишь…

В глазах Лены он прочел, что на этот раз у него ничего не выйдет…

*** * ***

Франсуа Ларжильер на мгновение вышел из отупения, чтобы налить себе виски, затем снова улегся на диван в гостиной и стал искать глазами трещину на потолке, которую рассматривал уже в течение нескольких часов. Он был раздавлен чувством, которому не мог подобрать определения, чувством, которое не значилось в наборе человеческих переживаний, которое не было еще воспето поэтами и изучено психологами. Это чувство Франсуа только что *придумал* сам: что-то вроде тоски, усугублявшейся внезапным осознанием любви. Когда Бэль вышла из кафе, он вдруг ощутил убийственную пустоту и одиночество и горько пожалел о своей дурацкой прощальной речи. Он ненавидел себя за то, что сначала столько всего наболтал, а потом, при появлении этих типов, вдруг, наоборот, онемел. Как можно быть таким идиотом! Как он не подумал, что в нее может влюбиться еще кто-нибудь, причем настолько, что захочет наложить на нее лапу? Это же простая статистика: среди нескольких тысяч особей мужского пола, которые оборачиваются на улице на Бэль и смотрят ей вслед, многие не отказались бы владеть ею, как драгоценностью, и среди этих многих нашелся один — отчаяннее, сильнее, хитрее остальных, — которому это удалось. Как она сказала? *Трофей?* Ну да, есть же психи, которые скупают шедевры искусства. Разве можно представить себе более прекрасный *трофей,* чем Бэль?

Чтобы правильно оценить ситуацию, Франсуа Ларжильер должен был перевести ее в привычные термины, почерпнутые из волшебных сказок и видеоигр: злой король, прекрасная принцесса, замок, стражники. В этой конфигурации не хватало храброго принца, единственного, кто был способен решить задачу. Сам-то Франсуа был почти полной его противоположностью: он никогда не покидал своей башни из слоновой кости, ждал, пока принцессы сами придут к нему, выходил на улицу осторожно, как мышь, и весь свой героизм тратил на собственные программы. Принцесса умерла бы от тоски и от скуки, прежде чем Франсуа Ларжильер пришел бы ее освобождать.

Как мог он жить рядом с такой чудесной женщиной и не замечать, что она скрывает какую-то страшную тайну? Бэль показала ему, что такое настоящее мужество, а он смотрел, как она уходит от него, и ничего не сделал. На что ему теперь все эти виртуальные знания, весь этот виртуальный опыт? Вот она — настоящая героиня, девушка, оказавшаяся в труднейшем положении, но скрывавшая свою трагедию от любимого.

Вдруг Франсуа перестал страдать, подчинившись насущной потребности немедленно вызволить Бэль из заточения, взять ее на руки, наделать ей кучу детишек и никогда с ней больше не расставаться. В недрах кладовки он отыскал фонарик, которым никогда не пользовался, — тяжелый, длинный, черный, он вполне мог сгодиться как дубинка. Кстати, эти его качества обыгрывались даже в рекламе, там так и говорилось: *самый покупаемый фонарик в Соединенных Штатах Америки, популярный среди сторонников самозащиты* Произведя несколько ударов по воображаемым головам, он засунул фонарик в сумку вместе с бутылкой виски. После чего отправился в подземный паркинг в нескольких улицах от дома, открыл бокс, служивший ему гаражом, и завел скутер, которым не пользовался уже несколько лет. Взяв курс строго на запад, он остановился по пути у Орлеанских ворот и купил в оружейном магазине баллончик слезоточивого газа — *защитный аэрозоль,* как значилось на этикетке, дабы покупатели не слишком комплексовали. *Незащищенность нашей жизни застав ляет людей приобретать соответствующее снаряжение. Защитный аэрозоль позволяет нейтрализовать нападающего, не нанося ему ран. Для пользования им не требуется ни особое умение, ни применение силы Простой в обиходе и небольшой по размеру баллончик легко помещается в кармане или дамской сумочке. Содержащийся в нем парализующий газ сразу же обезвреживает нападающего. Направленный на глаза, он вызывает ощущение жжения и нарушает координацию движений. Средства самозащиты шестой категории находятся в свободной продаже, но не допускается их ношение без установленного законом разрешения.* Именно то, что нужно.

Справившись кое-как с городским движением, Франсуа выехал на окружную дорогу, прокладывая себе путь в незнакомых краях. Не слишком хорошо зная, что представляет собой остальной мир, он проехал несколько пригородных местечек, которые представлялись ему полными опасности. Но он приступил к активным действиям, и ничто больше не казалось ему непреодолимым, кроме страха потерять Бэль. Миновав Сен-Клу и Версаль, он проехал еще с четверть часа и прибыл наконец в деревню Лувесьен. Первый этап преодолен. Он остановился на какой-то площади, глотнул из бутылки скотча и спросил у первого прохожего, слышал ли тот такое название — «Ла-Реитьер».

В это самое время менее чем в двух километрах оттуда, на опушке леса Ла-Фрейри, в великолепном особняке, стоящем посреди регулярного сада, в круглой комнате со стенами, обтянутыми кордовской кожей, четверо играли в «Монополию». Бэль Уэйн, Том Квинт и агенты Олден и Кол убивали время как могли.

— Эквивалент парижской рю де ла Пэ у нас — это что?

— Не помню… Променад?

— Покупаю! — сказал Кол.

Том Квинт один с трудом скрывал нетерпение и то и дело мрачно поглядывал на Бэль.

— Ну, где он таскается, этот ваш спаситель?

— Вы мне дали время до завтра.

— Мне в семь тридцать лететь в Цюрих, и я улечу, явится он или нет.

Бэль тоже не была уверена, что тот непременно явится. Однако что-то ей все же подсказывало, что их с Франсуа Ларжильером история на этом не закончится.

— В любом случае, завтра сюда приедут киношники и останутся на две недели.

— А что, владельцы тут никогда не живут? — спросил Кол. — Надо быть сумасшедшим французом, чтобы иметь такой дворец и не жить в нем.

— В агентстве говорят, что здесь японцы часто справляют свои свадьбы, да еще крупные конторы устраивают ежегодные праздники.

— Мне кажется, я видел какой-то костюмный фильм, который тут снимался.

— Не знаю, как я буду отчитываться за такие расходы перед Вашингтоном, — сказал Квинт.

— Шеф, оплатите мне пока квартиру на улице Моцарта.

Франсуа оставил свой скутер у проселочной дороги, рядом с табличкой «Ла-Реитьер», и обошел имение пешком. Одним глотком прикончив бутылку виски, он перелез через ограду, никого не известив о своем прибытии.

— Кажется, спаситель явился, — сказал Артур Кол, возвращаясь из кухни с пивом.

— Ну, идите встречайте, — сказал Квинт. — Посопротивляйтесь там немного.

Франсуа прошел по посыпанной гравием аллее, поднялся на три ступеньки и остановился у входа в колоннаду, где его ждал агент Кол.

Артур, который мог бы вырубить его одним ударом по шее, решил сыграть роль невозмутимого цербера. Он привык опасаться дилетантов, разыгрывающих из себя крутых: их беспорядочные движения и повышенная нервозность часто делали их неуправляемыми. Франсуа заявил, что никуда не уйдет, пока не увидит мадемуазель Уэйн, и тут Артур заметил у него в сумке металлическую рукоятку и газовый баллончик. Он стал молить Бога, чтобы этот идиот выбрал дубинку.

Том Квинт устроился в кресле. Ему не терпелось, чтобы все это скорее кончилось, но в то же время хотелось как следует сыграть свою роль. Он уже побыл респектабельным отцом для Уоррена, а теперь собирался стать убедительным поклонником для Бэль. После чего Том даст ей свое благословение в надежде, что она будет счастлива и исчезнет с глаз долой.

Бэль старалась выглядеть серьезной, но душа ее ликовала от уже одержанной победы. Франсуа Ларжильер покинул свое убежище, расстался с образом мрачного затворника — и все это, чтобы добыть ее! Сейчас, ломясь в эти двери, он бился со своими демонами, и скоро мысль, что рядом с ним отныне всегда будет женщина, перестанет его пугать.

Вдалеке раздался дикий вопль агента Олдена, получившего в лицо хорошую порцию защитного аэрозоля. Более везучий Кол в этот момент уже лежал на земле, сраженный ударом дубинки по правому плечу. Франсуа вошел в комнату, весь наэлектризованный от сознания, что ему удалось вырубить сразу двух грозных телохранителей. Увидев его, Бэль с криком *Любовь моя!* бросилась к нему. Их объятия длились ровно столько, чтобы Квинт успел понять, что вся эта постановка была небесполезна. На этот раз подстроенная им ловушка послужила доброму делу. Он знал Бэль Манцони совсем маленькой, на его глазах, шаг за шагом, она входила в бурную жизнь молодой женщины. И вот она только что показала, что такое настоящая любовь, своими руками сотворив из любимого мужчины героя.

Негодование Тома выглядело убедительно. Он, имевший в своем послужном списке Энтони Пэриша, Толстяка Уинни и даже Джанни Манцони, киллеров, отличавшихся особой жестокостью, он, кто выступал один на один против психопатов-убийц и усмирял участников страшной поножовщины, теперь видел перед собой Франсуа Ларжильера и слушал его угрозы: он, Франсуа, не хотел бы поднимать руку на человека старше его по возрасту, однако сделает это, если понадобится.

Том позвал телохранителя, но тот на его зов не явился — агент Кол промывал на кухне глаза агенту Олдену. Несмотря на всю странность ситуации, Франсуа заставил его прислушаться к голосу сердца, и он понял: Бэль не из тех, кого можно удержать в клетке, пусть даже золотой: во мраке заточения она утратит весь свой блеск. *Вот кого я люблю,* сказала она, прижимаясь к своему принцу.

Тому вспомнилась одна история, когда он только начинал работать в ФБР и не успел еще сказать Карен, бывшей в ту пору его невестой, что он федеральный агент. Видя, как он с готовностью покидает постель в любой час ночи, слыша, как он вполголоса отвечает на телефонные звонки, бедняжка решила, что он ей изменяет. А однажды вечером она даже встретила его в компании проститутки, работавшей на Джимми Браччанте. Как она должна была доверять ему, чтобы после всего увиденного еще слушать его объяснения…

Пора было уходить, и побежденный Том, прижав руку ко лбу в знак крайней печали, сказал, что не будет больше преследовать Бэль, но что она вернется к нему сама. Он будет ждать ее всегда.

Бэль и Франсуа беспрепятственно покинули имение. Она уселась боком на скутер, и, яростно ударив ногой по стартеру, он дал газ.

*** * ***

Лежа с открытыми глазами, Фред нажал на кнопку будильника до того, как тот зазвонил. Он повернулся к окну, где занимался новый день, затем нагнулся к Магги и коснулся ее шеи легким поцелуем. Он не знал, увидятся ли они еще когда-нибудь, но был уверен, что никогда, ни с одной женщиной у него не будет такой прекрасной близости. Несмотря на все раздоры и сложности, их связывали нерасторжимые узы, и так будет всегда, где бы они ни находились. Единственные в своем роде, эти узы были сотканы в другой жизни, они без конца подвергались испытаниям — испытаниям жестокостью, насилием, захлестывавшим подчас их дом. Сколько раз Ливия прежних времен видела своего мужа в жалком виде: он возвращался домой то избитым соперничающей бандой, то израненным после настоящего боя, то чуть ли не на четвереньках после очередной разборки, то чудом ускользнув из расставленной ловушки. Если речь шла не о пуле и не о ножевой ране, он предпочитал

обходиться без скорой помощи и даже без врача, тайно обслуживавшего членов ЛКН. Его приносили домой, и он представал перед Ливией во всей красе — пораненный, поломанный, побитый — и предавался ее заботам.

Первое время она оказывала ему неумелую медицинскую помощь, орошая его раны слезами. На тысячи вопросов, которыми она его засыпала, он отвечал лишь: *Ничего, все нормально. Ты бы видела рожу того…* Потом Джованни запивал противовоспалительные таблетки бурбоном и засыпал часов на двенадцать. На следующий день она меняла ему повязки, и он отправлялся на новые разборки, словно полученные накануне удары придавали ему силы и решимости отплатить сторицей.

Через несколько лет слезы Ливии иссякли, зато она стала настоящей медсестрой, которая знала, в какой момент раненому будет больно, умела накладывать швы на волосистые части тела, могла отличить обычную гематому от внутреннего кровотечения. После того как она столько раз зашивала своего любимого, ей казалось, что она создала его своими руками.

Потом Джованни стал *капо* и сам больше не воевал. Ему нечему больше было учиться, он сам мог научить любого.

Фред в последний раз погладил жену по волосам и, пробираясь в темноте на ощупь, вышел из комнаты. Он часто ложился лишь на рассвете, по разным причинам — плохим и хорошим, — но никогда не поднимался так рано. С чашкой кофе в руке он встал у окна гостиной, в последний раз любуясь Провансом в свете нарождающейся зари, и пообещал себе, что в следующей жизни будет стараться делать главные дела до полудня. Он принял душ в нижней ванной и задумался, что же ему надеть для предстоящего долгого путешествия. Постояв в нерешительности перед множеством совершенно необходимых ему футболок, он выбрал только одну, потом натянул бежевые холщовые брюки с боковыми карманами. Пройдя к себе в кабинет, он взял законченную накануне рукопись «Тихого ужаса» — триста пятьдесят пять страниц! — и сунул ее в конверт. Потом вставил в машинку чистый лист и напечатал три коротких слова, обращаясь к семье:

Не ждите меня.

На мгновение задержавшись перед фотографией Магги в окружении Уоррена и Бэль, он оставил ее все-таки на полке, понимая, какую опасность она может представить при обыске. Он прошел в гостиную, поискал Малавиту и нашел ее спящей на плитах винного погреба — собака раньше всех предчувствовала надвигающуюся жару. Приоткрыв глаз, она с удивлением наблюдала, как хозяин в такую рань меняет ей воду в плошке. Он погладил ее по спине.

— Из всех домов, где мы с тобой жили, об этом я буду сожалеть больше всех. Хорошо нам тут было, правда? Особенно первое время, когда Магги и ребята были с нами.

Собака недоверчиво сверкнула глазом, ожидая, что будет дальше.

— Раньше я был для них опасен, теперь они меня стыдятся. А ты, ты никогда не стыдилась меня. Мала? Ведь за меня и собаке может быть стыдно…

Фред взял ее за щеки и заставил подняться. Удивляясь таким неожиданным нежностям, собака покорно позволила себя приласкать и поцеловать в макушку.

— Что бы ты сказала, если бы тебе предложили вернуться на австралийские пустоши, на родину предков? ТЫ осталась бы со мной? Нет, конечно. Ты отправилась бы туда — бегать за стадами, жить на просторе, и чувствовала бы себя прекрасно. Ты чувствовала бы себя дома — ведь ты создана для жизни в тех краях. Я тоже возвращаюсь домой, Мала.

Собака смотрела ему прямо в глаза. Изо всех этих ласковых речей она понимала лишь одно: он разговаривает с ней.

— Теперь ты поедешь в Париж, будешь жить с Магги. Там тебе, конечно, будет не так хорошо, как здесь, я знаю. Ты не обижайся на нее, если она забудет тебя покормить или не станет обращать на тебя внимания. Ты ведь ее знаешь: у нее одна забота — о душе, она вечно общается со своим Богом или кем там еще.

Фред сжал в руках собачью морду и шепнул ей на ухо:

— Прощай, старушка.

Он вышел, а она так и осталась стоять неподвижно, охваченная непонятным беспокойством, которого давно уже не испытывала.

Он вернулся в гостиную и снял трубку. Щелчок, означающий, что Боулз слушает, раздался позже, чем обычно.

— Только не говорите, что я вас разбудил, Питер. В это время вы обычно возвращаетесь со своей пробежки.

— Я удивляюсь, что вы уже проснулись.

— Не спится что-то. Мне надо поговорить с вами. Можно я зайду?

— Жду вас.

Фред прошел среди утренней свежести по безымянной аллее и, не постучав, вошел к Питеру. Тот был еще в спортивном костюме, весь в поту, с кружкой чая в руках.

— Ну, сколько сегодня миль? Три? Четыре?

— Четыре.

— Удивляюсь. Мне кажется, что бег — это самое тупое и скучное занятие из всех придуманных человеком. Это я не про вас…

— О чем вы хотели поговорить в такое время?

— Вы еще не видели бассейн?

— …?

— Я знаю, что вы обычно его осматриваете. Зрелище не из приятных.

Питер бросился к окну, посмотрел в сторону бассейна и ничего не увидел. Он присмотрелся получше, наклонившись вперед и прищурившись, и тут получил удар в затылок такой силы, что сразу потерял сознание. Фред был рад, что напоследок, перед столь прямолинейным прощанием, ему удалось еще раз пугнуть Питера Боулза.

Совершив физическое нападение на агента ФБР, Фред тем самым окончательно порвал с программой Уитсек. В этот самый миг он перестал быть Фредом Уэйном, раскаявшимся мафиозо, взятым под защиту американскими федеральными органами, чтобы снова стать Джованни Манцони, рецидивистом, подлежащим тюремному заключению, беззащитным, лишенным званий и гражданских прав.

— Вы были не так уж плохи, Боулз.

Он уничтожил все оборудование для слежки, компьютер, даже мобильный телефон, окунув его в кружку с чаем. Затем привязал Питера за руки и за ноги к кровати, чтобы задержать как можно дольше начало погони. Наконец, завладев ключами от машины, он в последний раз обернулся к нему.

— Для вас это тоже конец, Питер. Теперь поедете домой.

Фред спустился с холма и проехал в центр деревушки, где недавно проснувшийся владелец кафе уже расставлял под навесом стулья. Он остановился на минутку у почты, надписал на конверте с рукописью адрес своего издателя, сунул его в ящик и взял курс на Париж.

* * *

Лифт Эйфелевой башни доставил его прямо к ресторану, расположенному на третьем этаже. Несмотря на легкое головокружение, Фреду было интересно побывать в этом месте, известном ему только по фильмам про Джеймса Бонда. Но выбрал он его, прежде всего, чтобы поразить своего гостя.

— Я заказывал столик на двоих на имя Ласло Прайора, — сказал он метрдотелю, которому даже не пришлось заглядывать в свою большую книгу.

— Другой мсье Ласло Прайор уже ждет вас, мсье Прайор.

Не вдаваясь в объяснения этого странного явления, дать которые ему было бы весьма непросто, Фред прошел за метрдотелем к лестнице, напоминавшей металлические конструкции самой башни, а затем к освещенному серебристо-желтоватым светом столику, с которого открывался великолепный вид на вечерний Париж. Ожидавший его человек сидел, прижав лоб к стеклу, пребывая в крайней степени восхищения. Метрдотель усадил Фреда, не обратив внимания на странное сходство двух мужчин, а официантка, предложившая им воды, приняла их за близнецов.

Настоящий Ласло Прайор не сразу заметил присутствие Фреда.

— А ты изменился, Ласло…

— Если я и изменился, то только потому, что ты по-прежнему похож на себя, мсье Манцони.

Сейчас Фред был уже согласен на это сходство, поскольку оно было в его интересах. Бен отлично поработал: линия щек и подбородка, волосы, цвет глаз — все соответствовало фотографии, которую отправил ему Фред. Это было лицо настоящего Уэйна, и оно фигурировало в паспорте, полученном Ласло перед отъездом из Соединенных Штатов. Первый проход через таможню не повлек ни малейших проблем, второй будет чистой формальностью.

— Тебя все так же называют Мистером Дито?

— После твоего процесса это чертово прозвище так и приклеилось ко мне, правда, наше сходство уже не так веселило ребят. Однажды этой сволочи Нику Бонгусто даже вздумалось подправить мне физиономию, чтобы я не так напоминал ему о тебе. В прошлом году, когда я узнал о его смерти, то стащил у Би-Би бутылку шампанского и отпраздновал это событие у себя в каморке.

В те времена, когда Джанни Манцони захаживал в бар Би-Би, чтобы пропустить стаканчик, его подручные Энтони Пэриш и Энтони Де Бьязе составили для него список возможных способов использования Мистера Дито. Начиная с самого очевидного — в качестве меры предосторожности против покушения на убийство, от которого не был застрахован ни один *капо.*

— В июне состоится совет пяти семей. Там будет этот сукин сын, Саль Де Сантис, он не выносит тебя с тех самых пор, как ты стал боссом, Джованни. Он способен на любую выходку — только бы пустить пыль в глаза донам. Давай возьмем Мистера Дито, оденем в твой костюмчик и будем возить его по городу, если что — он и получит твою пулю в лоб. Осторожность никогда не повредит.

Потом они не раз еще обсуждали преимущества такой вездесущности.

— Представляешь, твоя жена думает, что ты на футболе, а на самом деле в твоей ложе сидит Мистер Дито, так чтобы все его видели. А ты в это время преспокойненько забавляешься со своей подружкой. Все шито-крыто.

— Или вот: сколько мест, где тебе надо бывать, а совсем не хочется? Ручкаться со всякими там на стройках, разъезжать на тойоте по кварталам, чтобы всякие умники не думали, что им все можно. Для такого вполне сойдет этот придурок.

Он не вникал особенно в их болтовню, не принимая ее всерьез. Ласло так и не стал его дублером. Но совершенно неосознанно Джанни все-таки извлекал из их сходства определенную пользу. Слушая трепотню своих подручных, видя, как этот бедняга ишачит в баре по двадцать часов в сутки, он стал воспринимать Ласло как своего альтер эго, но только со знаком минус, свой негатив, перевернутое «я». У каждого короля должен быть шут, вот и Джанни Манцони, царствовавший в ту пору над Ньюарком, имел своего печального клона, живое напоминание о том, что достаточно какой-то ерунды, чтобы вдруг оказаться в канаве. Наличие этого тайного двойника делало его мудрее, предусмотрительнее и предостерегало от излишней жажды власти. Когда ему случалось бросать Ласло десятку на чай, на самом деле он подавал милостыню себе самому. Иногда он пожимал Ласло руку в знак уважения, которым того никто никогда не жаловал. Много лет спустя, встав перед необходимостью избрания себе псевдонима, он не стал долго думать и назвался Ласло Прайором, в честь своего двойника и по причинам, в которых не обязан был отчитываться перед Квинтом.

— Ну, что Париж? — спросил он у гостя, все еще завороженно глазеющего на мерцающую у его ног пропасть.

— …Париж?

Ласло не знал, что сказать. Повиснув на высоте двухсот метров над прекраснейшим городом мира, он был потрясен величием момента. Тридцать долгих лет он проработал в забытом богом Ньюарке, в вонючем баре среди неотесанных хамов, упражнявшихся на нем в остроумии, среди женщин, даже не замечавших его, среди столиков, накрытых красными клетчатыми скатертями, среди пивных бочонков, которые ему приходилось ежедневно менять, среди ящиков с бутылками, которые он должен был таскать, блевотины, которую он убирал, среди мордобоя, который ему же доводилось усмирять, и насмешек, которые ему приходилось терпеть. Это и был весь его мир, потому что за пределами бара Би-Би для него ничего не было. И несмотря на дурное обращение и унижения, Ласло все же боялся, что хозяин или один из его сыновей вышвырнет его вон, без жилья, без денег, чтобы заменить кем-нибудь помоложе.

Боялся до того дня, когда Бенедетто Манцони предложил ему странную сделку. Поди узнай, что это такое — хитроумная махинация или сказка, но Ласло сказал «да». И вот уже почти три часа, как он в Париже, и в кармане у него есть деньжата. Не сегодня-завтра он поедет в Венгрию навестить родню, его уже там ждут. А может, он просто умрет от счастья вот тут, сразу, но какое это имеет значение?

Он попробовал «Марго», и оно понравилось ему гораздо больше, чем подслащенное пойло, которое он подавал в полных до краев стаканах.

— Если ты с первого глотка смог оценить такое вино, — сказал Фред, — значит, во Франции быстро приживешься.

За ужином они почти не говорили о старых добрых временах, которые для Ласло никогда такими не были. Зато у него была тысяча вопросов о нравах и обычаях этой страны, снившейся ему последние несколько месяцев. Потом, за водкой, он достал свой новенький паспорт и обратный билет на завтра. Фред взглянул на фотографию в паспорте, потом на Ласло, потом посмотрел на свое отражение в темном стекле и увидел там самого безмятежного беглеца в мире.

— Я вышлю его тебе до востребования, самое большее дней через десять получишь его обратно.

— А вы?

— У меня есть другой, там.

Обоим им предстояло исчезнуть, каждому — на своем континенте. Они никогда больше не увидятся. Ни один из них не знал, что будет с ним завтра, но они этого и хотели. Перед тем как расстаться, Фред решил сделать Мистеру Лито подарок.

— Да, Ласло, ты не удивляйся, если увидишь книжки, подписанные твоим именем.

— …?

— Бен не говорил тебе: ты ведь у нас писатель. У тебя даже через несколько месяцев выйдет новый роман.

— …?

Фреду пришлось долго втолковывать ему, что он — автор трех книг, основанных на реальных фактах, их считают слишком зверскими, но в основном читателям нравится.

— Мой издатель просто спит и видит, как бы ему познакомиться с Ласло Прайором…

Писатель?.. В Париже?.. Ласло подумалось, что стоило, наверно, прожить столько лет в рабстве, чтобы они закончились таким вот сплошным восторгом.

— Ну, чего ты хочешь, дядя?

— Хочу в ночной бар, только выбери получше.

Средоточие всех пороков. Начнем с трех самых первых. С остальными еще успею.

После пересадки в JFK[21] *я приземляюсь в аэропорту Остин-Страубел в Грин-Еэй, штат Висконсин. Еен уже ждет. Мне видно, как он с облегчением вздыхает, когда я прохожу через контроль безопасности. На восьмиполосной автостраде, ведущей в город, я понимаю наконец, что я дома. Перед тем как зайти в бар, я какое-то время стою прислонившись к машине, у меня кружится голова. Мне хочется кричать прохожим: я вернулся! Прежде чем идти надираться, я втягиваю в себя побольше американского воздуха.*

— Как меня зовут, Бен?

Он протягивает мне паспорт, потрепанный, но еще пахнущий клеем.

— Кристиан Мэлон? Если какая-нибудь девица спросит, скажу Крис.

Вот моя новая личность, постараюсь сохранить ее как можно дольше. И, вероятно однажды — не знаю где —. кто-нибудь споткнется о могильный камень с надписью: «Здесь покоится прах Кристиана Мэлона».

— А хаза?

Место, где я смогу приземлиться на несколько месяцев, чтобы войти в местный ритм. И снова исчезнуть. Опять. Я теперь эксперт по этой части — после двенадцати-то лет Уитсека. Наивысшее мастерство — это когда ты становишься не похожим ни на кого, как все эти люди, мимо которых мы проходим на улице, даже не замечая. До такой степени, что все поймут, что ты жил, только когда тебя уже не станет. Так что, даже если мне захочется взглянуть, насколько выше стали дома за время моего отсутствия, мне все равно придется какое-то время ходить, уставив глаза себе под ноги.

— Не понимаю, какого черта тебя несет в какой-то рыбный порт? Ты бы мог вместо этого отлично повеселиться в Вегасе.

Есть вещи, которых не понять даже племяннику. Лас-Вегас не то место, где начинают свой великий американский роман, а совсем наоборот. Наоборот — это Нантакет.

— Я обошел этот твой дурацкий остров за три часа. В конце концов я отыскал тебе там хазу — полный пансион, все удобства. Хозяйка любит потрепаться, зато лучше всех готовит каменного окуня.

Хорошо бы узнать, будут ли федералы заводить волынку с операцией Манцони. Нужен я им еще или нет? Посадить меня — значит, приговорить к смерти; и двух часов не пройдет, как меня найдут на нарах с осколком зеркала в яремной вене. Сцапать меня снова, чтобы я продолжил закладывать — почему нет? З одном можно быть уверенным: опция «оставить Манцони в покое» у них не предусмотрена.

Я кладу на стойку сотню, чтобы бармен подливал нам «Джека», не дожидаясь, когда мы его попросим. И почему он тут вкуснее, чем во Франции?

— Сколько там еще в наличии, Бен?

— Двадцать пять пошли на Ласло, пять я взял себе на расходы, так что тебе остается двадцать тысяч.

Я никогда не забывал про него, этот мой загашник. Зо времена процесса одним из немногих, кто порадовался моему исчезновению в программе Уитсек, был этот старый жулик Элви Меткалф, самый крутой букмекер Иллинойса, которому я оказывал кое-какие услуги: пугнуть владельца лошади, пошантажировать тренера, дать на лапу жокею — обычное дело. Потом ФБР село мне на хвост, и Элви так и не успел выплатить причитавшиеся мне пятьдесят тысяч баксов. Когда понадобилось заплатить Мистеру Дито, я привлек к этому делу Бена. Вычислить Элви не составило труда, он открыл гигантский магазин для умельцев в пригороде Чикаго. Пятьдесят тысяч для него — пустяк, Бену даже не пришлось ему угрожать, он только сказал — так, смехом, — что ему не придется долго искать материалы для взрыва его магазина — все, что ему понадобится, он в магазине и возьмет. Элви без разговоров выложил денежки. Даже был рад, что с него не спросили процентов за десять лет.

С этими двадцатью тысячами я продержусь какое-то время в Нантакете.

Ну вот, теперь, когда все дела улажены, можно спросить, как поживает мой дорогой племянничек. Чем старше он делается, тем больше становится похож на Манцони.

— Бен, ты подыскал мне племянницу или нет?

Это наша старая шутка: «Если однажды ты захочешь сделать предложение женщине, не забудь, что одновременно ты готовишь мне племянницу, так уж постарайся, чтобы она соответствовала». Но он никогда не любил болтать на эти темы.

— Да встретил я тут одну, Цио.

— Это серьезно?

— Еще не знаю, непросто всё…

— Что — непросто? Что тут может быть непросто? Она что, замужем?

— Нет, но есть сложности…

— Сложности? Какие сложности? Нет, ты выведешь меня из себя. Ты мужчина, она — женщина, вы оба свободны, что тут сложного?

— Она считает меня порядочным. То есть другом.

— Кем-кем?

— Другом…

— Что за фигня?

— Мы провели несколько ночей у нее дома. 3 самый первый раз она сказала: «Ты один из немногих мужчин, с кем постель не превращается в банальный трах». Что мне было после этого делать?

— Поставить ее раком и трахнуть, идиот.

— Мне так страшно было сделать что-то не так, увидеть разочарование в ее глазах… А на вторую ночь она меня убедила. Я засомневался, подумал: может, и правда это бывает — дружба между мужчиной и женщиной, и что я сделаю страшную глупость, если положу руку ей на бедро. Знаешь, когда я вижу, как она спит, вся такая закутанная в одеяло, такая одинокая, я уже ничего не могу сделать.

Двенадцать лет я не был на родине… Издали я следил за трудностями, которые переживали Соединенные Штаты. Империю трясет до основания, как ее только не склоняют в мире, где только не размахивают антиамериканскими лозунгами, не жгут звездно-полосатого флага. Я все пытался понять — почему, но так и не мог найти убедительных доводов. До сегодняшнего вечера, до этого жалкого разговора с племянником. Если мужчина, в чьих жилах течет горячая кровь Манцони, хорош собою, да еще, к тому же, муж и отец что надо, — если такой мужчина попадается на эту фигню, как тут удивляться, что дела у Америки совсем плохи?

— Цио, сейчас я задам тебе вопрос, на который пока еще никто не ответил: мужчины и женщины, это одно и то же или что-то совсем разное?

Он прав, никто не смог дать объяснения этой величайшей тайне мироздания, даже самые блестящие умы, даже Мелвилл. И не Джанни Манцони, не Фрэнку Уэйну, не писателю Ласло Прайору, ни даже только что появившемуся Кристиану Мэлону в Грин-Еэй, штат Висконсин, отвечать на этот вопрос. Но попробовать стоит.

— Глупым подростком я думал: мужчины и женщины — это не одно и то же. Мы, мужики, ищем только, куда бы засунуть свой член. Эта уже согласна, с той придется немного поработать и т. д. А они, женщины, каждый раз, как встречают мужика, думают, он это или не он, в смысле тот самый, единственный. Нам подавай бабу, а им — любовь. Вот как я думал.

Болтая всю эту фигню, я чувствую, как «Джек Дэниэлс» входит в свою наилучшую стадию — он как бы укладывает меня на воздушную подушку и включает автопилот.

— А потом ты становишься взрослым и говоришь себе: мужчины и женщины — это совершенно одно и то же. Нам нужно одно и то же. Работа, чтобы хотелось вставать по утрам, и дом — чтобы хотелось туда возвращаться вечером. А еще встретить кого-нибудь, чтобы думать о кем, когда его нет, и чтобы его хотелось трогать, когда он рядом. Так что вот, похожи мы.

Где бы ты ни был, в Грин-Бэй, или в Париже, или в какой-нибудь жуткой жопе, с «Джеком» всегда наступает такой момент, когда тебе становится все равно, где ты.

— Затем проходит еще несколько лет, и ты понимаешь, что между мужчиной и женщиной нет ничего общего. У них, женщин, есть живот, и все вертится вокруг этого. Говори что хочешь, но все они хотят давать жизнь, рожать, если понадобится, без твоего участия. А ты, ты думаешь: эх, был бы я кем-нибудь другим, только не этим чертовым многодетным папашей!

Мне особенно идет болтать такое. Я подумал о Магги и ребятах.

— А немного спустя ты снова понимаешь, что мужчины и женщины похожи. Все хотят иметь всё и даже больше. Все мы боимся что-то упустить и думаем, что это же глупо — помирать, оттого что сделал когда-то неправильный выбор.

Мне все труднее удерживать в руке стакан с виски, который пустеет в тот самый момент, когда добрая рука его наполняет.

— В этот самый период жизни им бы — мужчинам и женщинам — на этом и остановиться. Зажить вместе в мире и радости. Но нет, вместо этого она думает: он бросит меня ради молодой. А он: я бы с радостью ходил на сторону время от времени, потом возвращался бы домой. И снова здорово!

— А скажи, дядя, если я однажды все-таки встречу женщину всей моей жизни, как я узнаю, что это она?

— Поверь моему опыту: выбирай себе такую женщину, чтобы вы с ней дополняли друг друга в курином вопросе.

— ?

— Если ты любишь грудки, тебе надо жить с женщиной, которая любит ножку, и наоборот. Если же вам обоим нравятся грудки — ничего не выйдет.

— Нам пора, давай я тебя отвезу, Цио.

*** * ***

Отправляясь в Нантакет, я должен постараться, чтобы Кристиан Мэлон не лез больше ни в какие авантюры. В сущности, я его еще совсем не знаю, этого парня, он еще может меня удивить.

— Ох, Цио, в твоем возрасте играть в хиппи…

У меня в кармане авиабилет через Бостон, паспорт, который делает меня похожим на ветерана вьетнамской войны с единственным желанием, чтобы его оставили в покое, и

увесистая пачка свеженького бабла (почему, едва приехав в эту страну, людям сразу хочется иметь полные карманы денег?).

— Твой рейс в восемь пятьдесят, можно уже ехать, чтобы не слишком нестись.

В машине он рассказывает мне новости о стариках из братства: о тех, кто умер, кто сидит, кто уже вышел, кто попытался завязать.

— Ну, я, наверно, не удивлю тебя, сказав, что Малыш Поли умер от цирроза. Амадео Сампьеро стал подручным у Этторе Джуниора, и тот обращается с ним как с последней сукой. Романа Марини все так же работает с цирконием, дела у нее идут неплохо. Братья Пастроне как всегда вместе, у обоих уже по третьему разводу, и оба удивляются — почему так. Лука Куоццо получил двадцать лет. Джо Франкини шлепнули люди Оджи Кампаньи, Джои Д'Амато досрочно освободился. Арт Лефти по-прежнему в киллерах на службе у клана Джилли, а Кертис Браун…

— Джои Д'Амато освободили досрочно?

— Говорю тебе. Интересно, где эти идиоты только берут психологов?

Если верить специалистам пенитенциарной службы, большая часть гангстеров страдает «серьезными нарушениями психики и нервной системы», которые делают нас способными к самому худшему. Для каждого из нас у них найдется длиннющий диагноз. Но они и сами явно не в себе, если до сих пор не заметили, что Д'Амато — настоящий псих, и выпустили его на свободу. «Примерное поведение» — конечно, он вел себя примерно, кто бы сомневался, занимался, наверно, библиотекой, следил за порядком в блоках, может, даже полы мел — только чтобы поскорее выйти и взяться за старое. Д'Амато боялись все, даже я, никто не хотел иметь с ним дела.

— Американская юстиция не первый раз освобождает психа, — сказал Бен. — Тебе-то что до этого?

Д'Амато всегда божился, что, как только освободится из тюрьмы, сразу отомстит тому, кто его туда засадил, — агенту Томасу Квинтильяни. Мы все когда-нибудь говорили нечто подобное, но, услышав такое из уст Джои Д'Амато, Том может сразу начинать готовиться.

— Что тебе неймется, Цио?

Я не пытаюсь объяснить себе это неприятное чувство, это похоже на какое-то беспокойство, и чем больше я стараюсь выкинуть Тома из головы, тем настырнее он туда лезет, и вид у него совсем не победный, прямо скажем, не самый лучший вид — совсем наоборот. О ком мы обычно беспокоимся, кроме как о своей семье?

Разве что… о друге?

Квинт? Эта падла Квинт? Друг? Да как я могу быть другом человека, который способен извлечь корень какой-то там степени из «пи», обезоружить голыми руками целую роту блатных и проплыть четыреста метров вольным стилем меньше чем за десять минут? Нет, что ни говорите, Квинт — это враг, его ни с кем не перепутаешь, он — причина всех моих несчастий, так лучше я буду беспокоиться о моей собаке Малавите, о прохожих на улице, о здоровье самых страшных диктаторов планеты, но только не о Томазо Квинтильяни, итальяшке, который считает, что он на правильной стороне баррикады, только потому, что в кармане у него лежит карточка с напечатанным на ней американским орлом!

З аэропорту я звоню из автомата в ФБР, прямо в Вашингтон — как будто я информатор и у меня есть срочная информация для Тома. Эту песню я знаю наизусть, я даже прошу денег и даю понять, что хорошо знаю их контору. Мне отвечают, что капитан Квинтильяни сейчас находится в Соединенных Штатах, но в данный момент недоступен.

— Они могут проследить, откуда звонят, Цио.

— Спокойно!

Я один из немногих, у кого есть прямой номер Тома, черт с ним, пусть меня засекут, пусть он узнает, что я вернулся. Я оставляю сообщение и говорю, что перезвоню через десять минут. Этого времени мне как раз хватит, чтобы подумать, как мы узнаём, кто нам друг, а кто — нет. Должны же быть какие-то критерии?

— Бен, что такое друг — для тебя?

— Ну у тебя и вопросы…

Надо сказать, что я в этом тоже не специалист. Еще мальчишкой я окружил себя шпаной, а став взрослым — своей командой. У меня были клиенты, я заключал соглашения с партнерами, у меня появилась целая куча компаньонов, но мне трудно было бы хоть одного из них назвать другом.

— Купить тебе газету в дорогу?

Надо вспомнить хоть одного НАСТОЯЩЕГО друга, всего-навсего одного — чтобы сравнить.

Джимми Ломбардо?

Мы родились совсем рядом друг от друга. Товарищи с первого часа. Сколько всего — хорошего, а больше плохого — прожито вместе. Может, это и определяет дружбу: можно по тридцать лет пить вместе, просиживая зад в барах, ржать, заключать пакты, это ни о чем не говорит, это не дружба, это не выдержит первых трудностей. Я не знаю, но мне кажется, что настоящая дружба должна пройти испытание огнем. С Джимми мы ходили на наши первые крупные дела и ни разу не подставили один другого. Я вставал ночью, чтобы помочь ему запрятать трупаков, я даже давал ложные показания, рискуя загреметь вместе с ним. После столкновения с враждебной группировкой мы сто восемьдесят дней просидели в одной камере, начальник тюрьмы и тюремщики получили за это свой бакшиш. (Ну, с кем можно просидеть вместе сто восемьдесят дней и ночей и не перегрызться, если не с другом?) Джимми столько раз помогал мне. Он един встречал меня, когда я выходил после первой отсидки. Он был даже свидетелем у меня на свадьбе. Нет, если кто-то и может похвастать, что у него был друг, так это я.

Но, когда Джимми стал капо, власть ударила ему в голову, и он начал зарываться. Сколько раз мне приходилось предостерегать его?

— Кончай нервировать Дона Пользинелли, это человек старой закалки, он считает, что Родди Триггера грохнули твои.

— Но я сам грохнул Родди Триггера!

Вся братва в округе стала меня доставать: «Успокоил бы ты своего дружка Джимми…» Оставаться другом Джимми было все труднее, это становилось даже сомнительным, и когда однажды мне позвонили в два часа ночи и сказали, что моего друга детства только что нашли с железной проволокой вокруг шеи, я с облегчением вздохнул и уснул как младенец.

— Ты опоздаешь на самолет, Цио.

Том не перезвонил, а ведь он должен стоять на ушах после моего бегства, ему, наверно, хочется меня в порошок стереть после того, что я сделал.

— Цио?

— Я поменяю билет.

— Куда?

— В Таллахасси.

— Это еще что?

— Столица Флориды, хотя все считают, что это Майами.

*** * ***

Все годы, что Квинт прикрывал меня, мы с ним — конечно, когда мы не конфликтовали или не презирали друг друга в гордом молчании — могли подолгу, особенно вечером, когда накатит тоска, говорить о стране — как два изгнанника, которыми мы и были оба. Он расписывал свою хибару — по его словам, это была какая-то картинка, а не дом — и особенно любил задержаться на своем садике-огородике: салат Карен, картошка Карен и, главное — перчики Карен. Это надо было слышать — как он рассказывал о перчиках своей жены!

Правда, когда он говорил о жене, у него все становилось чудесным и прекрасным. В общем-то, это нормально: когда ты жену не видишь годами, со временем она превращается в само совершенство, боюсь, что и со мной так будет, когда я буду жить в десяти тысячах километров от Магги.

Таллахасси — университетский город, и вся жизнь там крутится вокруг университетского городка. Ни тебе центра, ни центральных кварталов — один гигантский университет, город в городе, а остальное — улицы с частными домиками, где живут преподы и чиновники. И у этих домиков нет даже второго этажа — потому что летом жара поднимается как раз наверх, — а только большой подвал и гигантская веранда, которая быстро становится главной комнатой. Вот он, его белый домик, между пресвитерианской церковью и кладбищем, на улице, усаженной гигантскими дубами и соснами, которые смыкаются наверху, образуя как бы свод над асфальтом (описывая их, Квинт любит произносить слово «канопи»,[22] я даже в словарь лазил, но там написано что-то малопонятное и ни одного фото). Вот, значит, где он собирается жить на пенсии, наблюдать, как за длинным летом приходит короткая зима, хорошее местечко, чтобы лечить ревматизм и любоваться садиком. Но вот что интересно, думаю я, вышагивая под этими самыми «канопи»: а создан ли Квинт для такой жизни? Когда ты привык к «экшну» так, как привыкли к нему мы (при этом не важно, кто ты — «полицейский» или «вор»), ты уже не сможешь умиляться травке и бабочкам с птичками. 'Л никакие клятвы и уверения, которые мы приносим нашим семьям, тут не помогут. Я — живое тому доказательство.

Я предупредил о своем появлении громким звонком и криком: «Эй, Том, где вы?» — но прошло не знаю сколько времени, прежде чем дверь приоткрылась, оттуда высунулась его голова и мертвым голосом произнесла:

— А, это вы, Фред.

Ничего не сказав больше, даже не предложив мне войти, он повернулся и пошел обратно в дом, оставив дверь открытой. Я иду за ним и нахожу его в гостиной: он сидит в кресле, небритый, с бутылкой хлебной водки в руке.

Подумать только: я угробил свой Уитсек, удрал из Франции так, что он ничего не смог сделать, а он мне только: «Л, это вы, Фред»! Я думал, он взбесится или начнет восхищаться мной — не тут-то было! Нет, только он, он один может меня так обидеть.

'Л вот уже мне приходится трясти его, приводить в чувство этого великого воина, Квинта, капитана Квинта — военную машину, а не человека, который сейчас, правда, больше напоминает обыкновенную тряпку. «Ну же, Том, встряхнитесь», — говорю я. Дурацкие слова, но они напоминают мне другие, те, что много лет назад сказал мне он: «Возьмите себя в руки, Фред, если вы хотите увидеть, как растут ваши дети». Дальше мне остается только произнести имя д'Амато, и вот наконец-то — его прорвало. Остальное можно пересказать в двух словах: первое, что сделал этот псих, выйдя на свободу, — явился в огород Квинтильяни, запихнул мадам в багажник и увез к чертовой матери. А бедный Том остался ломать себе голову, где д'Амато достал его адрес.

— Этот тронутый начал готовиться с первого дня, как оказался за решеткой, Том. Он ничего не пожалел, чтобы заполучить хороший источник информации, ну и нашел какого—то паренька из ФБР, который не отказался от пачки долларов в подержанных купюрах за адрес коллеги, пусть даже этим коллегой будет сам великий Квинт. Мне не хотелось бы огорчать вас еще больше, но, думаю, среди ваших найдутся такие, кому вы стоите поперек горла.

Я знаю Квинта, дайте ему только выбраться из этой передряги, и он сделает всех, кто позволил Джои до него добраться. Но пока есть дела поважнее. Квинт видел д'Амато только во время слежки да за решеткой, когда тот носил оранжевый комбинезон. Я же его хорошо знаю: мы не раз пили вместе, я видел, как он молотит людей — настоящий психопат, слышал, как он предлагал разные сложные операции с абсолютно ненужными жертвами, и всегда в нем чувствовалось реальное желание уложить как можно больше народу. Мы же всегда старались избегать такого: побольше наличных, и сразу, и поменьше посредников — вот наш

девиз. 3 худшем случае можно грохнуть охранников, но только не бойня, которую всегда предлагал Джои. И потом (этого я Тому не говорю, иначе он совсем развалится), он мог уже выбросить Карен в канал, даже если после этого его посадят на электрический стул. Джои такой, он способен набить морду синоптику из телика за то, что на улице идет дождь. Можно себе представить, что ему захочется сделать с капитаном ФБР, который упек его за решетку.

Работа Квинта — реагировать на такие вот ситуации; но так всегда: мы прекрасно знаем, что делать, когда речь идет о других, однако как только дело касается нашей семьи, вся сноровка куда-то девается. Он даже не позвал на помощь своих приятелей из ФБР — и правильно сделал, если хочет увидеть жену живой. Позвони он в Вашингтон, его местечко под солнцем сразу превратилось бы в военную ставку, и тут начали бы развертываться масштабные военные действия. А я знаю, что Тому сейчас нужно: союзник, какой-нибудь скользкий тип, имеющий отношение к ЛКН и знающий ее изнутри, способный просчитать наперед действия Д'Амато, и чтобы у него были развязаны руки. Но где взять такого?

Все это отдаляет меня от моего дела. Это отклонение от курса в сторону Таллахасси и заморочки Квинта — нет, не так представлял я себе свое литературное творчество. Имею ли я вообще право откладывать пусть даже только на сутки начало работы над моим великим американским романом ради оказания помощи этому парню? Я должен описывать молодым поколениям древнюю мечту, которая манила и звала на эти бескрайние просторы стольких эмигрантов, в том числе и моих предков. А вместо этого сижу на окраине Таллахасси, штат Флорида, и смотрю на какого-то агента ФБР, который накачивается канадской водкой, чтобы успокоить нервы. Я мог бы бросить его здесь и отправиться прямым курсом в Нантакет, по следам Мелвилла. Только вот вряд ли мне еще представится такой случай отомстить ему.

Квинт сто раз обворовывал меня как отца семейства, принимал решения, которые должен был принимать я. Это он подбадривал мою жену относительно ее будущего, он вел моих детей к взрослой жизни. 3 один прекрасный день даже сыграл меня самого в окружении всего моего семейства. Зот почему мне так хочется сказать этому типу: «Я верну тебе твою жену, паразит ты этакий. Я отомщу тебе за все унижения, сделав тебя своим вечным должником». Как можно упустить такой случай? «Зот мы и сочтемся раз и навсегда, я верну тебе твое маленькое счастье, теперь от меня зависит, останетесь ли вы в живых — ты и твоя жена. Теперь тебе нужна моя защита, Том. Я ты увидишь, каково это — быть благодарным человеку по гроб жизни и ненавидеть его за это».

Этот садист Д'Амато сказал, что перезвонит вечером. Я бы тоже так сделал — ничего не потребовал бы, никакого выкупа, просто оставил бы человека наедине с его худшими страхами. Но мы не будем сидеть и ждать, пока этот псих сам объявится. Надо начинать действовать прямо сейчас и, если получится, прижать его до конца ночи. Можно быть уверенным, что Джои не потащился куда-то за много километров с Карен в багажнике, у него явно где—то рядом есть хаза. Он действовал в одиночку, потому что нет дураков помогать ему в таком деле — личная месть федеральному агенту. Но что ему одному не сделать, так это организовать окно, чтобы умотать после этого киднепинга — чем бы он ни кончился, и тут ему может помочь только один человек — Рик Бондек из Майами.

— Кто? — спросил Том, будто внезапно проснувшись.

Конечно, это имя ему ничего не говорит, Рик Бондек не пользуется известностью в полиции, и именно поэтому он пользуется ею в ЛКН — еще бы, совершенно не засвеченный тип, чистенький, его невозможно выследить. Приторговывает себе кокаином понемножку в качестве приработка к основной работе — в речной таможне в Майами. 3 свое время они с женой выработали схему, которой всегда придерживались: не больше двух кило за раз. Но ему трудно было продавать такое количество на месте, и он связался с Джои, который сбывал товар по своим каналам в Нью-Йорке. Джои Д'Амато познакомил нас как-то, чтобы переправить одного из наших в Колумбию и найти там новые связи. Это нам довольно дорого стоило, но дело пошло.

— Я приберег вам его на будущий год, Том, он один из тех везунчиков, кого я собирался выдать вам на блюдечке с голубой каемочкой.

Позвонив в Бюро, Том снова превратился в прежнего Квинтильяни. Он попросил проверить данные, и они в два счета нашли Рика и Марту Еондек, проживавших на Саус-Бич, да еще и выдали в придачу список их тридцати последних входящих звонков. Один из этих звонков был сделан из маленького мотеля по дороге на Вудвилл, в двадцати милях от Таллахасси.

— Я поведу, — отрезал я, — говорите, куда ехать.

Выбравшись из Таллахасси, мы проехали через более скромный пригород, где было уже не так много внедорожников и японских тачек, а все больше олдсмобили да старенькие переделанные форды, потом, чуть дальше, за кладбищем красных пикапов — все одной и той же модели, мы увидели туристский лагерь, где люди целыми семьями отдыхали в тени — понятно, конечно, при тридцати четырех-то градусах. Потом цивилизация вдруг куда-то разом подевалась, и передо мной осталась только длинная-длинная полоса сверкающего на солнце асфальта, а по краям — заросшая тиной канава.

Мили через две-три я увидел на краю дороги нечто длинное и темное, оно лежало неподвижно с раскрытой пастью, в которой торчало множество зубов.

— Квинт! Черт возьми! — закричал я. — Я видел крокодила!

Но Квинт ничего не замечает, ему плевать, он сидит так же неподвижно, как эта тварь. Всю дорогу молчит, но теперь его молчание уже другое.

— Клянусь, это был крокодил, Том!

Их тут полно, спят себе на обочине, в двух метрах от моих колес, у большинства из них шкура коричневая и почти сливается с цветом болота.

— Это не крокодилы, а аллигаторы.

Вообще-то, когда человек говорит такое, он сразу хочет во что бы то ни стало объяснить вам разницу. Только не Квинт. Раньше я, может быть, и наплевал бы на нее, на эту разницу, но теперь, когда я прочитал «Моби Дика»…

— А в чем разница?

— У крокодилов подвижная верхняя челюсть, а у аллигаторов — нижняя. Как у нас.

Вот из такой детали Мелвилл выжал бы целых три страницы, сравнивая человека и аллигатора. И через сто лет какой-нибудь профессор в аудитории, полной студентов, восхищался бы этой главой, может, еще и что-нибудь от себя добавил бы. Чтобы вывести Тома из мрачной задумчивости, я пытаюсь разговорить его на эту тему, но ему плевать.

— При вашем пекле и аллигаторах надо всегда иметь при себе запасное колесо, — говорю я, не ожидая особенно ответа.

После нескольких миль напряженной тишины и расслабленных аллигаторов я вижу вдали лес — тут, должно быть, и начинается дорога на Вудвилл. Том велит мне свернуть на боковую дорогу, ведущую к Мексиканскому заливу, и почти сразу за развилкой мы видим Санстар-мотель. Перед тем как выйти из машины, я обращаю его внимание на то, что у него есть табельное оружие, а у меня нет.

— Как порядочный мафиозо, вы обязаны иметь при себе что-то колющее или режущее.

— Смеетесь? В самолете у меня даже пилку для ногтей отобрали.

— В любом случае д'Амато сразу почует подвох, если увидит вас с оружием.

— Он скорее почует подвох, если увидит меня без оружия.

За стойкой сидит хозяин, Том сует ему в нос свое удостоверение. Я спрашиваю его про Джои, и, к нашему великому облегчению, главным образом — к облегчению Тома, он отвечает: «Тридцать первый номер». Я спрашиваю хозяина, где его home gun — домашнее оружие, потому что в таких глухих местах, будь то во Флориде или где-нибудь еще, ни один дом, даже самый мирный, не обходится без оружия, это как кофемолка, как библия, как жестяная коробка из-под печенья. Иногда бывает, что home gun хранится как раз в такой коробке.

— У меня нет.

— Нет оружия?

— Нет.

— Вы держите мотель и не имеете оружия? Вы что, издеваетесь?

Да нет, никакого издевательства, мы действительно имеем дело с единственным в Штатах владельцем круглосуточного заведения, который не имеет никаких средств самообороны! Этот тип накликает на нас беду!

— Ну хоть Saturday Night Special у вас имеется?

Помню, я как-то пытался объяснить соседу — это было в Нормандии, — что такое Saturday Night Special, так тот решил, что я шучу. Ему трудно было поверить, что американцы по традиции держат у себя копеечный пугач, чтобы пострелять из него в субботу вечером. А вот мне трудно поверить, что у этого придурка-хозяина нет в доме ничего, чем можно было бы разнести башку или по крайней мере воздействовать на совесть. 3 конце концов он говорит:

— У меня есть бейсбольная бита, но я не могу вам ее дать, на ней автограф Еейба Рута, сделанный в тысяча девятьсот двадцать шестом году.

— И что вы предлагаете, Фред? — спрашивает Том.

Выбора нет, всё, надо идти, руководить операцией буду я. Вообще-то, операция — проще пареной репы. Я всегда любил эффект неожиданности, так вот этот эффект стал самым эффектным в моей жизни — классика.

— Как вы собираетесь действовать?

— Постучу в дверь и представлюсь.

— ?

Так я и делаю: стучу в дверь тридцать первого номера. Слышу, телевизор сделали потише.

— Кто? — рычит Джои.

— Это я. Джанни Манцони.

Если есть на свете имя, которого он никак не ожидал услышать, так это мое. Я был самым знаменитым на всю Америку «раскаявшимся», за мою голову давали двадцать миллионов долларов, я стал кошмаром ЛКН, а потом пропал на десяток лет, и вдруг я оказываюсь за этой самой дверью, в какой-то грязной дыре, во Флориде, в мотеле без бассейна, в два часа дня, в такое пекло, что при желании тут можно было бы с успехом делать яичницу прямо на крыльях автомобиля. Дверь чуть приоткрылась, и я увидел поблескивающие в полутьме белки его глаз. После возвращения домой у меня открылся дар — при виде меня люди бледнеют.

— Вот дьявол.

Он засунул пистолет за пояс и сделал один шаг в коридор, будто хотел меня обнюхать. И все твердил: «Зот дьявол…»

— Я тоже рад тебя видеть, Джои.

— …Манцони? Ты не умер?..

— Тебе больше нечего мне сказать?

— Какого черта ты делаешь тут, в стране?

— А какого черта ты делаешь тут, во Флориде?

— Какого черта ты делаешь тут, в мотеле?

Не успел я ответить, как мое левое ухо чуть не лопнуло от громкого хлопка, и я увидел, как тело Джои приваливается к стене с дыркой в животе.

Я даже не успел поздравить Квинта с удачным выстрелом — он сразу бросился в туалет, где нашел свою Карен, всю обмотанную скотчем, в состоянии каталепсии, в которое ее привел тот псих. Но живую.

* * *

Том тут же обрел свою капитанскую стать, и вот уже он отдает мне приказания. Наверно, благодарность он решил отложить на потом. (Вот падла, собирается он наконец пересматривать мое дело, чтобы меня оставили в покое и дали написать мой великий американский роман?!) Вообще—то, дело еще не закончено. О звонке в полицию или ФБР — чтобы они приехали и навели порядок — не может быть и речи, Тому придется разгребать дерьмо самому, чтобы все и закончилось. Это его проблема, но проблема не единственная.

— Д'Амато еще дышит, — говорю я.

Том стрелял под таким углом, что попал ему в брюшную полость, и может пройти несколько часов, прежде чем он испустит дух. Правда, судя по количеству крови, вытекающей из Джои, нам стоило бы просто немного подождать, выпить по чашечке кофе, поболтать, и он вытек бы весь в ванну. Но время не ждет, и от тела надо избавляться любым способом. Том, никогда не занимавшийся подобным, спрашивает меня, что делать. Ему-то как раз ничего и не надо, только убрать грязь, отвезти домой жену и заниматься ей, а вот я оставлю себе машину, покончу с этим делом и приступлю наконец к своему великому американскому роману.

Вот только я не в Нью-Джерси, не на своей территории — там-то я знаю много отличных уголков, где можно зарыть трупак. Правда, есть у меня одна мыслишка, можно даже сказать, она появилась у меня еще по дороге сюда, при виде этих неподвижных панцирей на обочине дороги. Самый простой способ спрятать Джои — это накормить придорожных тварей. Чисто и хорошо, и никакого риска, что эти ребята из криминальной полиции найдут через пятнадцать лет тело и опознают его по огрызку ногтя или по ярлычку на футболке. И потом, есть здесь своя логика — в том, что Джои пойдет им на корм: он обожал ботинки и ремни из крокодиловой кожи, так пусть теперь все будет по справедливости.

Мысль о том, что Джои сожрут крокодилы, Тому явно нравится, но он еще выпендривается — для порядка. И потом, говорит, оставлять Джои на обочине опасно, может пройти несколько дней, пока семья аллигаторов его доест. Он показывает мне дорогу на Вакулла-Спрингс — это природный заповедник в тридцати милях отсюда. На южном краю озера есть болотистая заводь, куда никто никогда не заглядывает, потому что она не судоходная, ничего особенного там не растет, нет никакой живности, кроме аллигаторов, да к тому же болото воняет — идеальное место, чтобы избавиться от Джои.

Который жутко орет, когда я запихиваю его в багажник. Мне остается три часа до наступления темноты.

Я выезжаю из леса на дорогу 363 и снова оказываюсь среди той же местности: кусты, сухие ветки и придорожные канавы, полные черных закрытых пастей, которым ничего не стоит открыться. Вскоре я вижу у дороги вывеску «Морепродукты Вильма Мэй». Меня так и подмывает остановиться у этого рыбного ресторана, сунуть голову в ведерко со льдом, выпить пивка, закусить жареными креветками или даже поболтать с местными жителями — загорелыми, с немного гнусавым выговором и витиеватыми речами. Но я еду дальше, прямо на запад, оставляя все это на потом, когда я избавлюсь от того идиота, что время от времени стучит по багажнику — будто сердце бьется.

Минут через тридцать желтая пыльная земля начинает зеленеть вдали, и я наконец вижу табличку «Государственный заповедник Вакулла-Спрингс», рядом с которой туристы останавливаются обычно, чтобы пересесть в катер и отправиться на экскурсию, с фотоаппаратом наперевес, в надежде запечатлеть какую-нибудь диковинную птицу или выпрыгивающую из воды рыбу.

Озеро Вакулла, чистое и прозрачное на подступах к заповеднику, спускаясь к югу, становится все более илистым и наконец превращается совсем в болото. Я еду вдоль заповедника и, ориентируясь по запаху и комарам, замечаю в конце концов место, которое описывал мне Квинт. Он сказал, что аллигаторы тут кишмя кишат и только и ждут, чтобы им с неба упало что-нибудь покушать. Я останавливаю машину на выдающемся в воду, но еще твердом участке земли и ищу их глазами, этих доисторических тварей, которые, как говорят, живут здесь целыми семьями.

Может, вся штука в каком-то оптическом эффекте, который делает их камуфляж еще более эффективным, но я никого не вижу. И непонятно, сколько их вокруг слилось с декором — сотня или всего один. Подумать только, а всего лишь вчера я похвалялся своим умением прятаться… Я запасаюсь всей своей храбростью и делаю несколько шагов вперед, рискуя остаться без ноги. Потому что эти зверушки напоминают мне кое-кого из киллеров, которых приходилось встречать за время работы в ЛКН. Молчаливые, абсолютно бесстрастные, способные часами сидеть в кресле с остановившимся взглядом. Только шевельнется — на полу уже труп. Аллигаторы ЛКН — знавал я таких. Но здесь, в этом дерьме, в котором я уже увяз по колено, — никого. 3 первый раз в жизни наводка Квинта оказалась пустышкой. Он уверял меня, что их будет несколько десятков и что они разделаются с Джои за пять минут. Не тут-то было! Может, слишком жарко, и они тоже отправились на поиски местечка попрохладнее? Полно птиц на деревьях, кругом тысячи прожорливых насекомых, водяные змеи, а этих чертовых аллигаторов — ни одного! Я продвигаюсь вперед по топи, меня жрут комары, брюхо свело от страха — вот он, мой Вьетнам, думаю я, теперь, после этой поездки, я смогу считать себя настоящим ветераном.

Нет, это совсем не та природа, которую мне хотелось бы описывать в моем великом американском романе.

И по-прежнему ни одной пасти, готовой проглотить бравого солдата мафии. В какой-то момент у меня появляется искушение просто бросить Джои в эту болотину, но поскольку грязи тут больше, чем воды, его тело останется на поверхности и будет валяться несколько дней, пока, чего доброго, его не увидит лесничий. Нет, так рисковать нельзя.

Вне себя от бешенства я возвращаюсь к машине. Закопать негде, на обочине или в этой дерьмовой луже не оставить. Л он все не унимается, этот засранец, мне даже кажется, что он очухивается.

Я устал, но быстро беру себя в руки. Бывало и похуже. Не найти ни одного аллигатора в тридцатичетырехградусную жару, имея в багажнике умирающего бандита, — это далеко не самая сложная ситуация в моей жизни.

На шоссе, повернув не туда, куда надо, я оказываюсь перед указателем и узнаю, что в сорока милях отсюда находится Мексиканский залив.

Океан. Так близко. А я даже не почувствовал.

*** * ***

После этих безводных земель, где даже труп спрятать негде, прохладная вода — как раз то, что мне надо. Океан, мой друг. Не совсем такой, к какому я привык, но разница, думаю, небольшая. На берегу океана у меня все получится.

— Видишь, Джои, ты возвратишься туда, откуда все мы вышли, в море. Вспомни, давным-давно ты был всего лишь амебой. Теперь, после миллионов лет эволюции, круг замкнется.

По мере того как солнце склоняется к западу, свет начинает отливать золотом. В течение какого-то времени я не вижу ни одной встречной машины и еду теперь на виднеющийся вдали маяк. Как будто я больше не один.

На самом-то деле как раз совсем один. Не встретив ни единой живой души, я останавливаю машину у подножия маяка и сигналю, будто горн в тумане. Должно быть, все остальное человечество сидит сейчас в баре и потягивает холодный коктейль под кондиционером, пущенным на полную мощность. Чтобы убедиться в этом окончательно, я начинаю орать, выкрикивая такие вещи, от которых любой вылез бы из щели.

Пускаю машину по песчаной дорожке и останавливаюсь, когда в глаза мне ударяет нестерпимое сверкание океана. Я выхожу и иду к нему, под ногами у меня хрустят мириады маленьких красных крабов, которые, как и я, ищут дорогу к воде.

Ни одного запоздалого купальщика, ни одного рыбака в лодке, никого. Я один, прямо передо мной, насколько хватает глаз, серебристые волны. День начинает понемногу гаснуть, и что—то такое кончается вместе с ним. Мелвилл прав, рассказывая, как человека всегда притягивала вода. Я сажусь на песок, после всей этой злобы и жестокости сердце мое снова спокойно. Легкий морской бриз, пришедший на смену дневной духоте, ласкает мне лицо. Я закрываю глаза, чтобы лучше почувствовать, как напряжение последних дней покидает мое тело, но неотразимая красота океана вновь открывает мне их.

Словно в дополнение к этой красоте, замечаю среди мягких, голубых волн стальной отблеск — точеный силуэт с поразительной симметрией чертит в воде восьмерки. Я не свожу глаз с этого сверкающего треугольника, исполняющего строгий, но очень быстрый — быстрее всего живого вокруг — танец. Сердце мое начинает колотиться, когда я вижу, как плавник устремляется в воздух, увлекая за собой все тело. Существо прыгнуло, как резвящийся дельфин, но это не дельфин, и оно не резвится.

Передо мной опаснейшее создание, когда-либо порожденное природой. Самое смертоносное и самое чарующее существо семи морей. Менее чем в ста шагах от себя я вижу большую белую акулу.

Наверно, мне давно уже надо было выплакаться, и вот этот момент настал. Никогда не видел я — и так близко — столько жестокости и величия вместе. Аллигаторы, с которыми я познакомился чуть раньше, были всего лишь хладнокровные киллеры, но здесь… Это «капо ди тутти капи», босс боссов. Как можно не питать уважения к существу, вызывающему такой ужас? Клянусь, Герман, если бы ты видел ее, вот эту самую, твой Моби Дик никогда не стал бы китом. Приведенная голодом в Мексиканский залив, так близко к берегу, она теряет тут время, гоняясь за не достойной ее добычей.

Вдалеке, в глубине багажника, раздался стон. Джои тоже хочет, чтобы все это поскорее кончилось. Он еще достаточно шевелится, чтобы привлечь внимание самого крупного охотника на человека, которого когда-либо носила морская волна. В сущности, я всем делаю доброе дело; отдавая психа самому достойному киллеру, я избавляю человечество от Джои Д'Амато и подкрепляю силы этого неутомимого животного, которое создано для того, чтобы убивать. Оно продолжит свои приключения и снова станет кошмаром островитян и жителей всех побережий.

Я думаю, что мог бы начать свой великий американский роман прямо здесь и сейчас. 'Л первыми словами его будет мысль о порядке вещей, пришедшая мне в голову тут, на берегу океана. Потому что жизнь, она вот такая: ждешь встречи с крокодилом, а попадаешь на акулу. Не знаю, что это значит, но мне кажется — это так верно.

Эпилог

Магги вернула дом в Мазенке его владельцам, не оставив себе на память ни одной вещи, кроме рабочих материалов Фреда — машинки, рукописей, словарей. Единственным реальным напоминанием обо всех домах, где они обитали, и обо всех жизнях, которые они прожили, останется собака Малавита. Магги очень дорожила ей. Тоска по Фреду сблизила их обеих.

После ухода мужа она всеми силами держалась за единственную мысль, которая помогала ей перенести разлуку: у Фреда было особое детство, жизнь маргинала, исключительная судьба — мог ли он смириться с тем, что ему суждено состариться пенсионером, который боится приближения зимы? Или — еще хуже — плохим писателем, которому не о чем больше писать? После двенадцати лет несвободы Фред снова вышел на свой путь. Путь, на котором даже жена и дети были всего лишь одним из этапов.

Она узнала новости о нем от Тома: Фред жив и находится в надежном месте. Скоро он сам позвонит Магги, и они возобновят старую привычку беседовать, как когда-то. А потом, кто знает, может, через год, три, пять лет, в Париже, Нью-Йорке или где-то еще они встретятся и снова будут вместе.

Через три месяца после его отъезда она получила по почте экземпляр «Тихого ужаса».

Посвящаю эту книгу моей Ливии, которую буду любить всегда, где бы она ни находилась.

И дальше рассказывалось, как храбрая предпринимательница обратилась к горстке профессионалов криминального мира с просьбой разгромить неприступную до тех пор транснациональную корпорацию. Там было представлено все искусство, вся техника, применявшаяся когда-либо в вековой практике «Коза ностры»: рэкет, шантаж, вымогательство, угрозы, преследование, отмывание денег — каждый этап этой разрушительной кампании был описан с такой точностью, что Магги даже пролистывала некоторые эпизоды, чтобы избежать тяжелых подробностей. Кому еще, кроме Фреда, хватило бы таланта, опыта и безнаказанности, чтобы дать современникам такой ценный документ?

Она не удержалась и поделилась книгой с главными заинтересованными лицами. Арнольд и Сами доставили себе удовольствие и выступили в роли посыльных, раздав сотню экземпляров *тем, напротив* — дирекции, начальникам служб, управленцам. Несмотря на оговорку, что любое *сходство с реальными событиями и людьми является случайным,* многие себя узнали.

Явился Франсис Брете и голосом, таким же бесцветным, как и его лицо, выразил сожаление в связи с закрытием «Пармезана». Поставщики снова нашли дорогу к заведению, административные неприятности прекратились, аренда возобновлена, и двери «Пармезана» опять открылись для клиентов.

На крыльце за порядком следила Малавита.

* * *

— Располагайся, как тебе хочется, — сказал Франсуа.

Но Бэль не злоупотребляла его радушием. Она оккупировала часть платяного шкафа и несколько ящиков, потом некоторое время колебалась между двумя комнатами второго этажа, не зная, где лучше устроить себе кабинет. Он спросил, почему она выбрала эту комнату — не такую светлую и странно асимметричной формы. Чтобы проверить его реакцию, она ответила: *Та больше похожа на детскую.* Аргумент, не лишенный здравого смысла, подумал Франсуа Ларжильер.

Живя каждый в своем мире, они общались по е-мейлу и приглашали иногда друг друга выпить кофе или заняться чем-нибудь менее невинным. Встретившись вечером, они не расставались уже до следующего дня.

Речи Франсуа стали короче. Он стал меньше сожалеть о том, что мир катится ко всем чертям, чаще удивляясь его приятным неожиданностям. А когда Бэль называла его «мой герой», он хоть и посмеивался над этим, но в глубине души ему было приятно.

* * *

Врожденное и благоприобретенное, наследственность и атавизм, гены и рок — молодой Уэйн не будет больше ломать голову над этими, слишком сложными для него вопросами. Он насладился свободой выбора и сам потерял ее, к чему теперь искать какую-то другую правду? Как можно стремиться к нежности, когда ты создан для насилия? Зачем работать с деревом, если тебе дано осилить металл? К чему замыкаться в своем уютном семейном коконе, когда по плечу подчинить себе весь мир? Уоррен рожден Манцони, и он останется им навсегда. Ему двадцать лет, и он не изменит больше своим надеждам.

Прежде чем покинуть горы, он сказал мастеру Донзело, что никогда его не забудет. Старик спросил:

— А как же твой шедевр?

Чтобы старый мастер не угрызался совестью, что приютил у себя дьявола во плоти, Уоррен не стал объяснять ему, каким в скором времени будет его шедевр. Но до того как приступить к нему, он должен вернуться к истокам своего искусства, постичь его сокровенные тайны.

Он сел на поезд, потом еще на один и еще, удаляясь все дальше на юг, пока, наконец, не подошел последний — до Палермо.

* * *

Находясь в кабине вертолета, Фред смотрел на бескрайнее бирюзовое море, окружающее островки размером с ноготь. Их было так много, что вряд ли у них имелись названия.

— Вы скажете мне, куда мы летим, черт вас дери?

В свое время, когда он давал свои показания, Фреду часто приходилось летать на вертолетах ФБР. Чтобы запутать след, его каждые двое суток перевозили из одного графства в другое.

Как только он мог подумать, что Том Квинт позволит ему свободно перемещаться с нормальными документами? Полное списание со счетов? С благословения Федерального бюро? Мечты, мечты…

— Том, я вас в двадцатый раз спрашиваю: где мы?

Но Том молчал, и Фреду ничего не оставалось, как дождаться, пока они не приземлятся на едва расчищенной площадке. Островок был такой маленький, что, поворачиваясь вокруг своей оси, Фред мог видеть его очертания. В самой середине под навесом стояло бунгало, сбоку от которого виднелось нечто, напоминающее холодильник, присоединенный к блоку питания.

— Вы объясните мне наконец, какого дьявола мы тут делаем?

— Я привез вас в вашу новую резиденцию.

— …? Кончайте валять дурака, где мы?

— Честно говоря, я и сам не знаю.

— …?

— Поймите нас, Фред. Двенадцать лет мы только и делаем, что переселяем вас с места на место, а вы только и делаете, что засвечиваетесь, вам даже удалось сбежать и вернуться в Штаты у нас под самым носом. Вы самый неудобоваримый «раскаявшийся» за всю историю.

— …

— Вот мы и решили, что если вы не будете знать, где находитесь, то никто не сможет за вами сюда явиться.

— …?

— Посмотрите на это с положительной стороны: никто за вами больше не следит, ничто вам не угрожает, нет ни соседей, ни тесноты.

— То, что вы делаете, незаконно, — возмутился Фред, осознав наконец, что Том не шутит.

— Незаконно? Это слово в ваших устах звучит странно. Хотя вы правы. Но вы так долго ставили себя выше всяческих законов, что вот, пожалуйста, — добились своего. Здесь все

дозволено. Делайте что душа пожелает. Раз вы такой поборник законности, напишите вашу собственную Конституцию, никто слова против не скажет. Издавайте свои законы, применяйте их, а потом нарушайте один за другим, если у вас имеется такая природная склонность. Создайте организованную преступность, объявите себя *капо ди тутти капи* или даже абсолютным монархом. Творите, сколько хватит воображения.

— Но это место, по крайней мере, принадлежит Соединенным Штатам Америки?

— Понятия не имею.

— …

— Я избавляю вас от пожизненного заключения в Райкерс, тут никто ничего не сможет с вами сделать.

— Том, я всего мог от вас ожидать, только не такой неблагодарности.

— Сколько людей на свете все отдали бы, чтобы жить в подобном сказочном месте? Отшельник на необитаемом острове. Все об этом говорят, но кто хоть раз пережил такое, кроме Робинзона Крузо?

— …

— Разве это не идеальное место для работы над великим американским романом?

Фред снова покрутился вокруг себя, чтобы оценить размеры своего острова. За последние пять минут он не стал больше. Что-то подсказывало ему, что он часто будет это проверять.

— Ну вот, а теперь мне пора вас оставить, — сказал Том. — Сдается, вы не захотите пожать мне руку.

Он залез обратно в вертолет, и тот медленно растаял в лазурном небе. В воздухе остался легкий ветерок, пахнущий морской пеной, да великая тишина, которую лишь подчеркивал шорох прибоя.

Фред сел у края воды, жалея, что не взял с собой ничего почитать.

Скоро ему приниматься за работу.

Примечания

1

Дром — департамент на юго-востоке Франции, в регионе Рона-Альпы.

2

От итал. La Cosa Nostra— сокращение, принятое в ФБР для обозначения мафии. (Примеч. автора.)

3

Баклажаны по-пармски (ит.).

4

Belle — красивая (фр.).

5

Веркор — горный массив в предгорьях Альп.

6

Рикотта — разновидность творога.

7

Чистильщик бассейнов (англ.).

8

Drag Enforcement Administration — Администрация по контролю за применением законов о наркотиках. (Примеч. автора.)

9
Центр подготовки сотрудников ФБР. (Примеч. автора.)
10
Закрытая пицца, рулет (ит.).
11
Мясной рулет (ит.).
12
Гарнир (ит).
13
Тонкая лапша (ит).
14
Омерта — закон молчания, кодекс чести у мафии.
15
Дядя (ит.).
16
Тайный агент (англ.).
17
Кесадилья — пирог из кукурузной муки с сыром или мясом.
18
Ужасный год (лат.).
19
Лимонный ликер.
20
Арпан — старая французская земельная мера.
21
Аэропорт имени Джона Фицджералда Кеннеди в Нью-Йорке.
22
Верхний ярус тропического леса.
